

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1980

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ — АПРЕЛЬ

БАКУ — 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 28/VI-1980 г. Подписано к печати 16/IX-1980 г. ФГ 10988. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4924. Тираж 3156. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

К. М. МУСАЕВ

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

(К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина)

В. И. Ленин уделял большое внимание развитию национальных языков, рассматривая эту проблему как неотъемлемую часть решения национального вопроса в социалистической революции.

Еще задолго до победы Великого Октября В. И. Ленин выдвинул перед партией конкретные задачи по решению национального вопроса в России, ставя его в мировом масштабе: «Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется... содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения»¹.

В преддверии Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин указывал, что коммунистам надлежит «и дальше, забодиться о том, чтобы внутри каждой страны на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда»². При этом он подчеркивал необходимость соблюдения равноправия языков: «Это безусловно необходимо — насчет языка все уступки и максимум равноправия»³.

Взяв за основу ленинские предначертания, Августовское («Летнее») совещание ЦК РСДРП в 1913 году в первом пункте своего решения по национальному вопросу провозгласило: «Полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка»⁴.

После победы Октябрьской революции В. И. Ленин выдвинул план осуществления культурной революции. Для претворения в жизнь ленинских идей новому строю предстояло решить ряд сложнейших задач. Прежде всего необходимо было ликвидировать неграмотность огромного большинства населения царской России, представлявшую серьезное препятствие для развернутого строительства социализма. Еще в декабре 1919 года был принят ленинский декрет о ликвидации неграмотности среди населения страны в возрасте от девяти до пятидесяти лет. Ликвидацию неграмотности, подъем культурного уровня и уровня образования народа было трудно осуществить без создания общедоступ-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее ПСС), т. 38, стр. 111.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 330.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 51, стр. 142.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 315.

ного демократического письма для многочисленных национальностей, не имевших письменности, и без совершенствования письма, которым пользовались привилегированные классы ряда народов. Этим объясняется реформа русского письма в 1918 году, проведенная по указанию В. И. Ленина. В конце 20-х — начале 30-х годов благодаря самоотверженному труду немногочисленных тогда языковедов уже были завершены работы по созданию письменности для пятидесяти ранее бесписьменных народов, среди них — двенадцать тюркоязычных, и переходу на новый алфавит ряда народов, в основном — тюркоязычных, имевших сложную письменность, большей частью арабскую.

Коммунистическая партия считала, что успешное распространение грамотности, рост духовной культуры людей, усвоение ими принципов политики новой рабоче-крестьянской власти, задач социалистического строительства, овладение ими новым мировоззрением возможны лишь на родном языке в доступных и понятных национальных формах. Последовательно проводя в жизнь ленинские указания, РКП(б) на X съезде постановила помочь нерусским народам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз [казахов. — К. М.], башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев), для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»⁵. Эти программные положения политики партии по вопросу развития национальных культур и языков конкретизировались в решениях XI, XII, XIII съездов и других важных документах. Партия решительно пресекала всякие попытки игнорировать национальные особенности народов, вместе с тем она выступала против преувеличения значения этих особенностей, воспитывала у советских людей убежденность в том, что необходимо ставить общие интернациональные интересы трудящихся масс выше узконациональных чувств.

Культурная революция является, как учит В. И. Ленин, неотъемлемой частью построения нового коммунистического общества. В. И. Ленин неоднократно указывал, что «помощь нациям отсталым и слабым необходимо усилить содействием самостоятельной организации и просвещению рабочих и крестьян каждой нации в борьбе с средневековым и буржуазным гнетом, равно содействием развитию языка и литературы угнетенных доселе или бывших неравноправными наций»⁶. Как видим, В. И. Ленин подчеркивал важное значение национальных языков и литератур для дальнейшего развития социалистического общества.

Руководствуясь ленинскими указаниями, КПСС и Советское правительство в небывало короткий исторический срок осуществили культурную революцию в СССР.

«Цель культурной революции — резкое повышение уровня образованности народа, создание новой социалистической народной интелли-

⁵ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 559.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 95.

генции, всемерное развитие науки с максимальным внедрением ее достижений в жизнь, труд и быт трудящихся масс, формирование социалистического искусства, всемерное развертывание творческих способностей и талантов народа, подъем культуры всех наций, населяющих нашу необъятную страну»⁷.

Подчеркивая важность подъема культуры народов, В. И. Ленин в марте 1922 года писал: «Главное, чего нам не хватает, — культурности, умения управлять»⁸.

Проведение культурной революции в СССР не являлось самоцелью. Оно происходило из объективных закономерностей развития нового общественного строя.

После завершения культурной революции все советские национальные республики стали республиками сплошной грамотности, с широко развитой системой среднего и высшего образования, передовой наукой и высокой культурой.

В полной мере это относится и к тюркоязычным республикам. В дореволюционном Узбекистане, например, только двое из ста жителей умели читать, в 170 общеобразовательных школах учились дети одних богачей, не было ни одного техникума, вуза. А в 1978/79 учебном году в республике насчитывалось 9,4 тысячи школ с контингентом учащихся 3,9 млн. 266,6 тысячи студентов учатся в 43 вузах, в научных учреждениях работают 33,6 тысячи научных работников, среди них 900 докторов и 12 тысяч кандидатов наук⁹. В республиканской Академии наук сложились крупные научные школы математиков, химиков, геологов, механиков, физиков, биологов, востоковедов и т. д.

Говоря о расцвете национальных культур в нашей стране, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркивает: «...Советская власть приобщила к высотам отечественной и мировой культуры не сотни, не тысячи, а миллионы и миллионы людей. Самым читающим народом в мире по праву называют теперь советский народ. Это признают даже те, кто не склонен радоваться нашим успехам. А ведь еще сравнительно недавно три четверти населения страны не умело читать и писать! Построив социализм, советский народ создал и подлинно социалистическое многонациональное искусство. Общие для всех советских людей коммунистические идеалы оно выражает в национальной форме, на языке наиболее близком и понятном каждому из народов нашей Родины»¹⁰.

Образно сказал товарищ Л. И. Брежнев о достижениях казахского народа за годы Советской власти: «Верно, что сегодня внуки и правнуки выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева на своем родном языке активно приобщаются к великой сокровищнице марксизма-ленинизма, осваивают и приумножают богатства, которые созданы другими народами, всем человечеством на протяжении его истории. Но также верно и то, что при социализме достигла невиданного расцвета самобытная культура казахского народа, как и всех наций и народностей Советского Союза, в огромной степени возрос их вклад в общую сокровищницу культуры нашей социалистической Родины. Все это, товарищи, есть од-

⁷ «Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм». М., 1967, стр. 187—188.

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 60.

⁹ «Народное хозяйство СССР в 1978 г.». М., 1979, стр. 90, 471, 476.

¹⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2, стр. 343.

но из ярчайших свидетельств преобразующей силы социализма. Это и есть подлинная, ленинская, культурная революция на практике!»¹¹.

В немалой степени этому способствовало правильное решение задач языкового строительства: создание и совершенствование письменности, организация обучения детей в школе на родном языке, установление орфографических норм литературно-письменных языков, выпуск учебных пособий для школ и вузов, разработка принципов создания терминологий по различным отраслям знаний, публикация теоретических исследований по тюркским и другим языкам народов СССР и многое другое.

Создание алфавита, разработка орфографий и терминологии оказали в свою очередь благотворное влияние на быстрое развитие общественных функций и структуры литературных тюркских и других языков.

Практическое осуществление принятых решений по вопросам письменности и терминологии не всегда проходило гладко, оно иногда наталкивалось на большие трудности. Поэтому эти решения утверждались постановлениями правительства соответствующей республики.

Издание новых учебников на тюркских языках, организация специальных факультетов в университетах и пединститутах позволили открыть центры тюркского языкознания в национальных республиках. Тюркские языки стали объектом широкого и углубленного изучения.

Для обсуждения проблем языкового строительства созывались научные конференции и совещания, которые вырабатывали программу дальнейшего совершенствования алфавитов, орфографий и терминологий. Эта работа продолжается и в настоящее время.

Большая заслуга в сплочении специалистов и организации активной работы по языковому строительству в тюркоязычных республиках принадлежит Всесоюзному Центральному Комитету Нового Тюркского Алфавита (ВЦКНТА), преобразованному впоследствии во Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита (ВЦКНА) при ЦИК СССР во главе с заместителем председателя ЦИК СССР, председателем ЦИК Азербайджанской ССР С. Агамали-оглы.

Несомненно, на этом трудном пути у первопроходцев были и ошибки. Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина, сказанные им в период подготовки к социалистической революции, о том, что «Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями — и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия»¹².

До Великой Октябрьской социалистической революции уровень общественных функций тюркских языков нашей страны был весьма низок. Некоторые тюркские языки, хотя и имели многовековые художественно-литературные традиции, однако не осуществляли в полном объеме функций литературного языка в современном понимании. Большинство языков функционировало лишь в форме народно-разговорного языка, языка устного народного творчества, художественной литературы. Ограниченность общественных функций тюркских языков объясняется политикой национального угнетения народов, осуществлявшейся царским правительством, низким уровнем культуры и экономического развития колониальных окраин царской России. Число национальных светских школ с преподаванием на родном языке было весьма ограниченным. В некоторых районах существовали так называемые русско-ту-

¹¹Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3, стр. 118.

¹²В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 249.

земные школы с преподаванием на русском языке. Однако в этих школах обучались преимущественно дети представителей привилегированных слоев населения. Общий культурный уровень выпускников школ оставался достаточно низким. Об этом туркестанский генерал-губернатор Кауфман в своем рапорте министру просвещения России цинично писал: «Наши туземные школы в настоящем своем виде *не вызывают опасений* (курсив наш. — К. М.): они только удовлетворяют детей для целей местной практической деятельности, не дают им не только какого-либо политического воспитания, но даже и общекультурного развития»¹³. Царское самодержавие, естественно, не было заинтересовано в развитии национальной культуры народов России, в подготовке квалифицированных национальных кадров. Начальник Закаспийской области Евреинов открыто утверждал, что иметь в русско-туземных школах учителей из туркмен нежелательно¹⁴.

В плачевном состоянии находилось книгоиздательство на тюркских языках. Например, в 1913 году на русском языке было выпущено 23805 книг тиражом 80218 тысяч экземпляров, но не было издано ни одной книги на киргизском и туркменском языках¹⁵. Наиболее отсталыми в культурно-экономическом отношении были тюркоязычные народы Средней Азии и Сибири. Из-за низкого уровня грамотности письменная литература не была доступна подавляющему большинству населения.

В первое послереволюционное десятилетие функциональное развитие языков народов СССР шло медленно, что было связано с трудностями, вызванными гражданской войной, голодом, разрухой, массовой неграмотностью населения, отсутствием у ряда народов письменности или ее несовершенством у тех, у кого она была. Начальный этап расширения функций языков — организация школ на национальных языках, массовый выпуск литературы и т. д. — проходил в сложнейших условиях. В. И. Ленин в этот период уделял большое внимание развитию национальных языков. В июне 1920 года в записке к В. В. Воровскому и В. П. Милютину он писал: «Киргизские (теперь — казахские. — К. М.) товарищи просят помощи, чтобы добыть словолитню, типографию и бумаги. Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие»¹⁶. К моменту создания Туркменской ССР (1924) по всей республике дети туркмен были охвачены учебой всего на 2,4%¹⁷. В 1933/34 учебном году меньше 15% казахских аульных начальных школ были четырехклассными и почти половина имела только по два класса¹⁸. Трудности в развитии народного образования были вызваны и многими другими причинами, в том числе недостатком образованных людей для использования в учительской работе, отсутствием учебных пособий, школьных помещений.

Постановления партии и правительства: о ликвидации неграмотности (1919), о введении в стране всеобщего обязательного обучения детей в возрасте 8—11 лет (1930), об обязательном семилетнем образовании детей от 8 до 15 лет (1935) сыграли огромную роль и в развитии социальных функций тюркских языков народов СССР. Эти мероприятия государства потребовали от немногочисленных тогда тюркологов активного участия в разработке письменностей для бесписьменных языков, в создании учебников и учебных пособий для школ. Лишь на основе новых систем письма — сначала латинской, а затем славяно-

¹³ «История Киргизии». Т. I. Фрунзе, 1963, стр. 491.

¹⁴ «История Туркменской ССР». Т. I. Ашхабад, 1957, стр. 373.

¹⁵ «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 291.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 51, стр. 208.

¹⁷ «История Туркменской ССР». Т. 2. Ашхабад, 1957, стр. 284.

¹⁸ «История Казахской ССР. Эпоха социализма». Алма-Ата, 1963, стр. 377, 504.

русской — удалось в кратчайший срок ликвидировать неграмотность, значительно повысить культурный уровень тюркоязычных, так же как и всех других народов Советского Союза. Одновременно в 30—40-е годы тюркские языки приобрели новые социальные функции, стали интенсивно развиваться языки прессы, научно-популярной литературы, науки и техники. К 40—50-м годам относится создание академий наук во всех союзных республиках.

Наиболее интенсивное развитие функций тюркских языков приходится на последнее тридцатилетие. В настоящее время уровень функционального развития языков основного населения союзных республик достиг невиданно высокого уровня. Эти языки выполняют функции: устного общения, обслуживают сферы общественно-политической жизни, делопроизводства и переписки, судопроизводства, печати, радио и телевидения, дошкольного воспитания, преподавания в начальной и средней школе, в средних специальных и высших учебных заведениях и соответственно сферы учебной литературы, художественной литературы и искусства, общественных наук. На ряде языков публикуются книги в области естественных наук (биологии, геологии, физики, математики, химии, кибернетики, сельского хозяйства, медицины), на некоторых из них — и в области технических наук (металлургии, машиноведения, автоматике, строительной, вычислительной техники и т. д.).

В 1978 году на азербайджанском языке было издано 1549 названий книг и брошюр тиражом 13998 тысяч экземпляров, на киргизском — 1119 — 12746 тыс. экз., на узбекском — 1048 — 25014 тыс. экз., на туркменском — 727 — 8865 тыс. экз., на казахском — 736 — 14194 тыс. экз. Газеты выходили в 1978 году: на узбекском языке — 180, с разовым тиражом 3650 тыс. экз., на азербайджанском — 119 — 2734 тыс. экз., на киргизском — 59 — 775 тыс. экз., на казахском — 157 — 1722 тыс. экз., на туркменском — 34 — 746 тыс. экз.¹⁹ В 1976/77 учебном году в вузах обучалось студентов: азербайджанцев — 90,8 тысячи, киргизов — 32,1 тыс., казахов — 124 тыс., туркмен — 24,9 тыс., узбеков — 176,5 тыс. В 1975 году насчитывалось научных работников этих национальностей: азербайджанцев — 16826, узбеков — 16062, казахов — 11463, киргизов — 2708, туркмен — 2549. Значительно возросло число студентов и других тюркоязычных национальностей, например, в 1976/77 учебном году было студентов: чувашей — 20,6 тыс., якутов — 7,2 тыс., башкир — 18,9 тыс. и т. д.²⁰

Сейчас тюркские языки наряду с другими языками народов СССР достигли невиданного в их истории развития общественных функций и структур. Каждый третий письменно-литературный язык Советского Союза — тюркский, всего их двадцать.

По количеству носителей тюркские языки в Советском Союзе занимают второе место после славянских (русского, украинского и белорусского). По данным всесоюзной переписи населения 1979 года, на тюркских языках в Советском Союзе говорят 39 млн человек²¹.

Тюркские языки являются языками пяти союзных республик: узбекский, казахский, азербайджанский, киргизский и туркменский; шести автономных республик: татарский, башкирский, чувашский, якутский, каракалпакский, тувинский; двух смешанных автономных республик: карачаево-балкарский, кумыкский (Дагестанская ССР); двух автономных областей: хакасский и алтайский; одной смешанной автономной

¹⁹ «Народное хозяйство СССР в 1978 г.», стр. 498—499, 503—504.

²⁰ «Народное хозяйство СССР за 60 лет». М., 1977, стр. 142, 588.

²¹ Статистические сведения здесь и далее взяты из брошюры: «Население СССР по данным всесоюзной переписи населения». 1979 г. М., 1980.

области — карачаево-балкарский. Успешно функционируют и другие тюркские письменно-литературные языки: крымско-татарский, уйгурский, гагаузский, ногайский, разрабатывается письменность для доганского языка.

До революции азербайджанский и узбекский языки имели по восемь основных общественных функций, теперь эта цифра поднялась до двадцати; основные общественные функции казахского и туркменского языков возросли с семи до девятнадцати, киргизского — с семи до семнадцати²². Каждая из сфер языка продолжает расширяться. В художественной литературе возникли новые жанры и т. д.

Ярким проявлением огромного функционального и структурного развития национальных языков является, в частности, издание многотомных энциклопедий по всем отраслям современных знаний на языках союзных республик: узбекском, казахском, азербайджанском, киргизском и туркменском. На якутском языке, на котором говорят 328 тысяч человек, в 1972 г. издан первый том избранных произведений В. И. Ленина, включающий такой труд, как «Материализм и эмпириокритицизм».

Национальные языки народов СССР за короткий исторический срок прошли в своем развитии путь, для преодоления которого языкам многих народов развитых стран мира потребовалось не одно столетие.

Наряду с всесторонним развитием родных языков в тюркоязычных республиках и областях широкое распространение получило тюрко-русское двуязычие.

По своей функциональной широте среди языков народов СССР русский язык занимает первое место. Главным в функциональном развитии русского языка в советскую эпоху является его превращение в язык межнационального общения всех наций и народностей СССР, образующих ныне новую историческую общность людей — советский народ.

Проведенная в 1979 году перепись населения нашей страны показала, что из 262,5 млн граждан СССР почти 215 млн владеют русским языком, что составляет 82% (в 1970 году — 75%) всего населения Советского Союза. Среди них 137,2 млн русских и 16,3 млн лиц других национальностей, признавших родным языком русский язык, а также 61,3 млн (в 1970 году — 41,9 млн) человек разных национальностей, владеющих русским наравне с родным языком. Таким образом, 77,6 млн человек нерусских национальностей, или 62%, владеют русским языком.

Количество овладевших русским языком растет и среди тюркоязычных народов СССР. Наибольший процент овладевших русским языком среди национальностей, превышающих миллион человек, характерен для носителей поволжских тюркских языков: татар — 68,9%, башкир — 64,9%, чувашей — 64,8% (в 1970 году соответственно: 62,5%, 53,3%, 58,4%). Значительно возросло количество овладевших русским языком также среди тюркоязычных национальностей союзных республик: узбеков — 49,3% (в 1970 году — 14,5%), казахов — 52,3% (41,8%), азербайджанцев — 29,5% (16,6%), киргизов — 29,4% (19,1%), туркмен — 25,4% (15,4%). Это явление характерно и для всех других тюркоязычных народов страны.

Как известно, в многонациональном Советском государстве отсутствует официальный государственный язык. В. И. Ленин подчеркивал:

²² См.: Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976, стр. 133, 161, 206, 299, 369.

«За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина. Но *проповедовать* мелким нациям русский язык — тут нет ни тени полицейщины», что «великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*»²³.

В современном обществе существует диалектическое противоречие между стремлением представителей малых народов к овладению богатствами культуры, созданной другими народами на их языках, и трудностями овладения этой культурой на своем родном языке. На первых порах развития советского общества это противоречие устранялось главным образом посредством перевода литературы на языки малых народов. В настоящее время наряду с этим в преодолении данного противоречия ярко обозначилась тенденция к широкому развитию двуязычия с главным его типом — национально-русским двуязычием.

Интенсивное расширение сферы деятельности человеческих коллективов предъявляет к языку, его структурным компонентам более высокие требования, нежели 50—60 лет назад. Будучи не только средством общения, но и участвуя в социальном развитии общества, язык должен постоянно совершенствоваться и развиваться структурно, чему способствует развитие и расширение общественных функций языков. Языки, у которых расширение функций проходило интенсивно, претерпели значительное развитие и в структуре. Не случайно некоторые языковеды в свое время для доказательства справедливости теории стадильности, «взрыва» в развитии языков использовали факты структурного развития языков народов СССР в советскую эпоху, в первую очередь — тюркских языков.

Наибольшее развитие получила лексическая система тюркских литературных языков. В. И. Даль, собравший огромные богатства русского языка, считал, что в дальнейшем русский язык будет обогащаться главным образом за счет использования собранной им народной диалектной лексики. Однако развитие русского языка пошло несколько иным путем, соответственно его внутренним закономерностям и потребностям общественного развития, а именно — обогащение его происходило посредством словообразования и заимствования иноязычных слов. Аналогичным путем развиваются и тюркские языки СССР (впрочем, так же как и распространеннейшие языки мира, в том числе английский, французский, испанский, немецкий и др.). Словарный состав тюркских языков значительно пополнился новыми словами как за счет собственных внутренних ресурсов, так и путем заимствования из других языков, в основном — русского, а также освоения интернациональной лексики через русский язык. Характерным для развития лексики тюркских языков СССР является образование в них нового общего лексического фонда, отражающего происшедшие коренные социально-экономические и культурные преобразования в жизни страны.

Определенные изменения претерпел синтаксис. Развитие тюркских языков СССР показало, что в соответствующих условиях синтаксис языка также может быть отнесен к подвижному уровню структуры языка.

Новые явления в морфологии языка относятся, в основном, к словообразованию, охватывая так или иначе почти все части речи, однако главной сферой инноваций является имя существительное.

В функциональном плане фонетика тюркских языков развивается в направлении нормализации произношения. В этом важную роль играют

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. 48, стр. 302; т. 24, стр. 294—295.

школа, радио, театр, телевидение, кино, где произносительные нормы максимально базируются на нормах современной орфографии. Массовое заимствование слов в условиях все возрастающего общенародного двуязычия и многоязычия населения в ряде тюркских языков приводит к определенным изменениям и фонемного состава.

В результате подлинного расцвета письменной литературы, достигнутых успехов в подъеме всеобщей грамотности и культурного уровня народов, небывалого обогащения лексики, совершенствования синтаксиса и морфологии получили дальнейшее развитие языковые стили, усложнилось их взаимодействие²⁴.

Указанные общие особенности в развитии структуры тюркских языков и их стилей в отдельных языках в зависимости от состояния письменных традиций в дореволюционную эпоху (старописьменные, младописьменные и бесписьменные языки) имеют свою специфику.

Многие из двадцати письменных литературных тюркских языков народов СССР достигли уровня высокоразвитых литературных языков современности. Несколько языков малых народностей пока еще продолжают оставаться бесписьменными, их носители пользуются письменными языками других, более крупных по численности народов. Литературные тюркские языки стали теперь достоянием широких слоев трудящихся, вытесняя местные диалекты и говоры.

Сегодняшние достижения в развитии тюркских языков СССР — это результат планомерного и целенаправленного осуществления Коммунистической партией и Советским государством ленинской национальной политики.

Программа КПСС предоставила народам СССР возможность «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения.

Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»²⁵.

Роль и значение языка в жизни общества подчеркнуты и в новой Конституции СССР, принятой в 1977 году. В статье 34-й язык рассматривается в одном ряду с такими важными правовыми категориями, как происхождение, социальное и имущественное положение, расовая и национальная принадлежность, пол, образование, отношение к религии, род и характер занятий, место жительства, независимо от которых граждане СССР равны перед законом.

В статье 36-й Конституции СССР утверждается право граждан различных национальностей «пользоваться родным языком и языком других народов СССР».

²⁴ См.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков». М., 1969.

²⁵ «Программа КПСС». М., 1961, стр. 115—116.

Новым проявлением ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера»²⁶. Как подчеркнуто в постановлении, в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики народности Севера — ненцы (30 тыс.), ханты (21 тыс.), манси (7,9 тыс.), эвенки (28 тыс.), коряки (7,9 тыс.), чукчи (14 тыс.), эвены (12 тыс.), долганы (5,1 тыс.), ительмены (1,4 тыс.), кеты (1,1 тыс.), алеуты (0,5 тыс.), нанайцы (10,5 тыс.), нганасаны (0,9 тыс.), негидальцы (0,5 тыс.), нивхи (4,4 тыс.), ороки, орочи (1,2 тыс.), саами (1,9 тыс.), селькупы (3,6 тыс.), тофалары (0,5 тыс.), удэгейцы (1,6 тыс.), ульчи (2,6 тыс.), чуванцы, энцы, эскимосы (1,5 тыс.) и юкагиры (0,8 тыс.) — достигли значительных успехов в развитии своей экономики и культуры.

Большое внимание в постановлении уделено вопросам развития языков и письменностей народов Севера. Академии наук СССР рекомендовано продолжить лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках народностей Севера. Министерству просвещения СССР, Академии педагогических наук СССР, Министерству высшего и среднего специального образования СССР, Государственному комитету СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Совету Министров РСФСР поручено обеспечить разработку учебных программ, подготовку и выпуск учебников, учебно-наглядных пособий, словарей для общеобразовательных школ, педагогических училищ и институтов, а также наглядных пособий и методических указаний для дошкольных учреждений, причем специалистам по языкам народностей Севера — авторам учебников, издаваемых на этих языках, рекомендовано предоставлять творческие отпуски для составления указанных учебников.

Ряду министерств, уже начиная с 1980/81 учебного года, установлена численность студентов и учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях из представителей народностей Севера, которые будут взяты на государственное обеспечение.

Данное постановление еще раз наглядно демонстрирует исключительно внимательное и заботливое отношение КПСС и Советского государства ко всем национальностям нашей страны, дальнейшему их расцвету.

Широкое развитие общественных функций языков требует от лингвистов-тюркологов постоянного и пристального внимания к вопросам культуры речи, проблемам нормирования речи в разных ее жанровых разновидностях и проблемам нормирования литературного языка.

В. И. Ленин в своей статье «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)» со свойственной ему прямоотой писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?.. Перенимать французски-нижегородское словопотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык... Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»²⁷

²⁶ Газета «Правда» от 27 февраля 1980 г.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 49.

Эти слова В. И. Ленина звучат актуально в наши дни и для тюркских языков. Вопросам повышения культуры речи особое внимание уделяется и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», где указано: «Разнообразить жанры, особое внимание уделять стилю, языку, преодолевать многословие и казенщину, заботиться об оперативности, убедительности и доходчивости выступлений»²⁸. Данное положение обязывает тюркологов больше заниматься вопросами культуры речи в тюркоязычных республиках и областях.

Культура речи охватывает все уровни языка: словарь, грамматические формы, синтаксис, стилистику, произношение. Задача лингвистов — противостоять языковой стихии и пропагандировать среди масс нормы правильного языкового употребления. Лингвисты-тюркологи должны создать для этого различные словари, грамматические и стилистические пособия, рассчитанные на массового читателя. Здесь уместно вспомнить, какое большое значение придавал В. И. Ленин составлению словаря русского языка «от Пушкина до Горького»²⁹.

Для успешного внедрения культуры речи необходимо разработать ее научно-обоснованную теорию, что будет способствовать превращению культурно-речевой деятельности «из простого „запретительства“ в позитивную программу лингвистического воспитания, выработки языкового чутья, умения наилучшим образом пользоваться языком в каждом данном речевом задании в соответствии с познанными законами функционирования языка в обществе»³⁰. Было бы целесообразно вопросы культуры речи постоянно освещать в газетах и массовых журналах.

Будущее развитие тюркских языков народов СССР тесно связано с рядом факторов, среди которых важное значение имеют такие, как количество говорящих на данном языке, национально-государственное устройство, языковые традиции и др. Состояние тюркских языков и условия их бытования в нашей стране позволяют утверждать, что языки основных национальностей союзных и автономных республик имеют большие потенциальные возможности для дальнейшего успешного развития.

На современном этапе развития тюркологии перед учеными стоят важные ответственные задачи по углубленному исследованию комплекса проблем, связанных с развитием тюркских языков в советскую эпоху. Необходимо целенаправленно разрабатывать научно-теоретические и практические проблемы функционального и структурного развития тюркских языков, совершенствования письменности; совершенствования, упорядочения и систематизации терминологии; взаимодействия тюркских языков с другими языками, прежде всего — с русским языком; двуязычия, в особенности тюркско-русского двуязычия; обучения родному и русскому языкам; культуры родной и русской речи и др.

Опыт Советского Союза в развитии национальных языков, в том числе и тюркских, убедительно подтверждает правильность постановки и решения национально-языкового вопроса В. И. Лениным, Коммунистической партией и Советским государством.

²⁸ Журнал «Коммунист», 1979, № 7, стр. 16.

²⁹ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 51, стр. 121—122 (письмо А. В. Луначарскому), стр. 192 (письмо М. Н. Покровскому); т. 52, стр. 178, 198—199, 238 (письма Е. А. Литкенсу).

³⁰ «Актуальные вопросы культуры речи». М., 1970, стр. 6.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

ЗАМЕТКИ ПО МОРФОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

(I. ФОРМА НА -sındı, -sınlardı, II. ФОРМА НА -(y)ındı.

III. МОДАЛЬНОСТЬ НА -dir*).

I. Форма на -sındı, -sınlardı, ранее известная лишь по памятникам османской литературы и по материалам турецких диалектов, последние примерно пятьдесят лет в результате воздействия анатолийских диалектов на развитие морфологии современного турецкого литературного языка стала почти обычной в современной турецкой литературе.

Из русских тюркологов на эту форму первым обратил внимание Л. Н. Старостов¹, который отметил два случая ее употребления. «Первый случай (по времени, очевидно, исходный) связан с перенесением в плоскость прошедшего времени оборотов типа *niçin yapmasın* 'почему бы ему не сделать', *ne yapın* 'что ему делать', *niçin yapmasındı* 'почему бы ему не сделать (тогда)', *ne yapındı* 'что ему было делать (тогда)'...»². «Второй случай, употребление формы на -sındı, -sınlardı, связан с введением в ткань повествования так называемого внутреннего психологического монолога — сравнительно новый художественный прием, получивший в современной турецкой прозе под влиянием западной литературы очень широкое развитие... Так новый художественный прием вызвал к жизни новое языковое средство. Этим средством в турецком языке явилась подача формы сказуемого прямой речи (точнее, мысленной речи) героя (в том числе и интересующих нас форм на -sın, -sınlar) в прошедшем времени на -dı. Формант прошедшего времени служит в этом случае показателем авторской передачи мыслей героя»³.

Отвлекаясь от умозрительного заключения о том, что это якобы «сравнительно новый художественный прием, получивший в современной турецкой прозе под влиянием западной литературы очень широкое развитие», обратим внимание на безусловно точное определение форманта -dı в составе -sındı, -sınlardı как признака прошедшего-категорического времени, что весьма существенно для понимания значения этой формы, и что для других тюркологов (см. ниже) не является столь очевидным, как это может показаться на первый взгляд.

Прямым аналогом формы на -sındı является форма -sın ărtı, известная из древнеуйгурского памятника — сутра «Золотой блеск» (X в.):

* Модальности на -dir посвящена вторая часть данной статьи, которая будет опубликована в следующем (№ 3) нашего журнала. (Прим. ред.)

¹ Л. Н. Старостов. О некоторых не зафиксированных в грамматиках значениях турецких глагольных форм повелительно-желательного наклонения. — «Восточная филология. Характерологические исследования». М., 1971, стр. 114—117.

² Там же, стр. 115.

³ Там же, стр. 116.

āmraklartın ađıryrlıđuluk āmgāk bolmazun ārti tın korкарм(ā)н: (609,1)⁴ 'Я боюсь, как бы не возникли [у нас] огорчения, вызванные разлукой с родными'; ср. еще: *yir yarıl-zun ārti* 'Wenn die Erde sich doch spaltete' («Philologicae Turcicae Fundamenta», 1, 40).

В западноевропейской туркологической литературе, насколько нам известно, форма на *-sındı* впервые была отмечена в хрестоматии А. Титце и С. Лизие⁵ и трактована как сочетание формы 3-го лица повелительного наклонения + аффикс прошедшего-категорического времени⁶; см. еще турецкую грамматику английского турколога Г. Л. Люиса⁷.

В современных грамматиках турецкого языка, написанных турками, обычно отмечаются два сложных глагольных форманта, имеющие в своем составе аффикс *-dı*: *-sındı* (*-(y)ındı* (см. ниже)⁸.

Н. Н. Джанашиа формы типа *gel-sin-dı*, *gel-sin-miř* причисляет к прошедшим временам изъявительного наклонения, не вдаваясь в морфологический и семантический анализ названных форм⁹.

О происхождении форманта *-dı* в составе аффиксов *-sındı*, *-sınlardı* существуют два предположения; его сопоставляют:

1) с аффиксом прошедшего-категорического времени *-dı* (см. выше), что подтверждается наличием в староосманском и в современном турецком языках форм типа *bilsün/bilsin idi*:

— *Var ođlum, lâkin deđil istediđim evsafta. Isterim bitirince ilki ğirsın idi Kûleli lisesine, olsun idi subay* (О. Kemal. Murtaza). 'Есть у меня сын, но не такой, как мне хотелось бы. Я хочу, чтобы он, кончив начальную [школу], поступил бы в лицей «Кюлели», стал бы офицером';

2) с морфемой *-dı* в составе слова *haydı > hadı* 'айда', 'ну-ка', или *ımdı > ındı*¹⁰ 'теперь', 'сейчас', с чем нельзя согласиться, так как, по мнению Ж. Дени, *haydı < hay* — междометие понуждения, удивления, восхищения + *dı*, *de* — частица утверждения, подтверждения; не исключено (по его же мнению), что *haydı < ? hayda* — 'гнать', 'погонять (животных)'¹¹, с чем, конечно, тоже нельзя согласиться, так как *hayda < hay + da* — деноминативный глаголообразующий аффикс. Г. И. Рамстедт аффикс *-dı* в составе слова *ımdı > ındı* 'теперь' определяет как тунгусский инструментальный падеж¹².

Морфему *-sın* обычно рассматривают как показатель 3-го лица единственного числа повелительного наклонения, которую в генетическом плане следует сопоставить с дезидеративным наклонением на *-s² + п*, где *-s²* — показатель общеалтайского дезидеративного наклонения¹³, непосредственно связанного также с обозначением характера протекания действия, + *-п* — усилительно-подтверди-

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 174.

⁵ А. Tietze, S. Lisie. 1. Türkische Lesebuch für Auslaender; 2. Anmerkungen zum türkischen Lesebuch für Auslaender. Istanbul, 1943.

⁶ А. Tietze, S. Lisie. Anmerkungen ... стр. 35, № 56; стр. 38, № 151.

⁷ G. L. Lewis. Turkish Grammar. Oxford, 1967, стр. 138.

⁸ М. Ergin. Türk dilbilgisi. Istanbul, 1962, § 485; 517; H. Ediskun. Yeni Türk dilbilgisi. Istanbul, 1963, стр. 185; T. N. Gencan. Dilbilgisi. 3. Baskı. Istanbul, 1975, стр. 322.

⁹ Н. Н. Джанашиа. Система времен и наклонений в турецком языке. — «Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками». Баку, 1972, стр. 75.

¹⁰ М. Ergin. Указ. раб., стр. 485; H. Ediskun. Указ. раб., стр. 185.

¹¹ J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, § 1032.

¹² Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, § 14.

¹³ Там же, § 51; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 327—334.

тельная частица ¹⁴; ср. тофаларск. *на/нэ*; *аан*: *ол киши баргай аан* 'тот человек ведь уйдет'¹⁵. Эта же частица входит в состав аффикса 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, выражающего настойчивое побуждение к действию (азербайджанские и турецкие диалекты): *-ginān/-ginān*, *-gilān < -gin/-gil + ān/-ān*¹⁶: *gelginān* (η) 'ну, приди же!'

Подтверждением тому, что морфема *-n* в составе аффикса *-sin* является не структурным, органически необходимым, а вторичным, добавочным элементом, служит наличие в древнетюркских текстах трех форм 3-го лица единственного числа повелительного наклонения: *-su/-zu*, *-sun/-zup*, *-supu/-zupu* (<*-su + -n/-nu*).

Форма на *-sin* равно как и форма условного наклонения (имеющие общее происхождение, см. выше) выражают ряд оттенков субъективной модальности: желание, долженствование, необходимость, возможность; другими словами — в этих формах тесно переплетаются значения императивной, потенциальной, оптативной, дезидеративной модальности¹⁷:

Ali gitsem mi, gitmesem mi, düşünüyordu («Türk Dili», № 333, стр. 483). 'Али размышлял: «Пойти мне или не пойти?!»'.

Bir meyhaneye gidip içsin de herşeyi unutsun mu? Neden olmasın. Yoks sokaklarda, nereye gideceğini bilmeden, başını alıp boyuna yürüsün mü. Neden olmasın (A. Nesin. *Tek yol*) 'Пойти в какой-нибудь кабака, да выпить, да забыть все? Почему бы и не так! Или же бродить по улицам без цели, не ведая куда идешь? Почему бы и не так!'

Причинно-оптативное значение формы *-sindi* проявляется также в придаточном предложении, вводимом союзом *ki*: *Bir devlet dairesi adına para toplamayorduk, sahtecilik yapmayorduk ki, bizi suçlasınlardı* (A. Nesin. *Tek yol*). 'Мы ведь не взимали деньги от имени какого-нибудь государственного учреждения, мы не занимались обманом, чтобы нас можно было обвинить [в мошенничестве]'; ср. с союзным словом *diye* с предшествующим ему глаголом в повелительном и желательном наклонении: *bu işi bitireyim diye geldim* 'Я пришел, чтобы закончить эту работу'¹⁸.

Следовательно, аффикс *-sindi* является показателем прошедшего времени дезидеративного-оптативного-условного наклонения. Сопоставление этого аффикса с названным наклонением может быть подкреплено следующим наблюдением: нередко конструкции с формой на *-sindi* в первой части предложения имеют параллельную форму на *-sin*: *o içmesin de kim içsindi, o göçmesin de bu diyardan kim göçsündü* (K. Bilbaşar. *Kadırga*) 'Уж если ему было не пить, так кому же и пить, уж если ему не покидать было эти края, так кому же их и покидать!'

Турецкий филолог Орхан Шаик Гёк'яй (Orhan Şaik Gökyay) в письме к автору данных заметок (от 23.V.70) по его просьбе это предло-

¹⁴ Ср.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 306; Н. А. Баскаков. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1, стр. 102—103.

¹⁵ В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, стр. 270—271.

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 254.

¹⁷ Н. Г. Агазаде. Повелительное наклонение в современном азербайджанском языке. — «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1968, стр. 153—155.

¹⁸ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1084, 1090.

жение прокомментировал следующим образом: «„O içmesin kim içsindi” cümlesinde bence şu anlamlar vardır: a) İçmek işi geçmiş zamanda yapılmış; b) Bu işi bu cümlelerin failinden başkası yapamaz, yapsa yapsa o yapabilir; c) Bu işi mutlaka onun yapması lâzımdır».

Форма на *-sındı, -sınlardı* употребляется в следующих основных значениях:

1. Неосуществленное намерение в прошлом — грамматический синоним формы на *-(y) acaktı*, формы на *-(y) a-y-dı (<gay-dı)*:

Yıgıksınınlardı du rahatça bitireyim (S. Teryakioğlu).

‘Оставь они (меня в покое), я спокойно закончил бы [эту работу]’.

Her şey feda olsundu ona (O. Kemal. Suçlu) ‘Он готов был пожертвовать для нее всем’.

Ondan sonra isterlerse kendisinin de pestilini çıkarsınınlardı (K. Bilbaşar. Kadırga) ‘После этого, если угодно, пусть хоть бы выпили все соки из него’.

Комментарий О. Ш. Гёк’яя: «Bu cümlede ise fiil istikbale ma'tuftur. İstikbalde vuku bulacak bir işe failin önceden rıza gösterdiği, bunu kabul ettiği anlatılmak istenmektedir».

Ah şu komser, komseri ... çok değil bir aycık yetki versindi, versindi ki şu kendini bilmezler kalabalığına öğretsindi nedir disiplin (O. Kemal. Murtaza) ‘Ах, этот комиссар, (этот) самый комиссар... не на много, дай он [мне] права всего на один месяц, дай он [мне их], эта толпа невежд узнала бы, что такое дисциплина?’.

Форма *komseri* состоит из имени существительного *komser* + *-i* — аффикс принадлежности, функционально соответствующий определенному артиклю индоевропейских языков.

Yazıklar olsundu, yazıklar olsundu karısına da, kendine de (O. Kemal. Murtaza) ‘Позор, позор был бы и его жене и ему самому!’.

2. Форма на *-sındı, -sınlardı* в сочетании с местоименными словами *ne diye, niçin ne için, nasıl, ne, nereye, neden, kim* передает обобщающие определительно-объяснительные значения предпологаемого действия: *...annesini genç yaşında ne diye ölsündü* (O. Kemal. Suçlu) ‘...к чему было ее матери умирать в молодые годы?’.

Комментарий О. Ш. Гёк’яя: «a) Annesinin genç yaşında ölmemesi gerektiği anlatılmaktadır; b) Bu cümlede ölmek işi henüz olmuş değildir. Bu cümleyi bugün şu şekilde söyleriz: Annesinin genç yaşında ölmesi işi ne sebep vardı, yahut: Annesinin genç yaşında ölmesi için hiç bir sebep yoktu».

— *Sus diyorum sana! Susmayacaktı işte. Ne diye sussundu* (O. Kemal. Suçlu) ‘Замолчи, говорю я тебе! Он вот не захотел молчать. Почему ему надо было молчать?’.

Onun birilerinin çıkıp para dolu çantayı almalarından korkuyordu. Niçin almasınınlardı? (O. Kemal. Suçlu) ‘Перед ним оказались какие-то люди; он боялся, что они отнимут у него сумку, полную денег. Почему бы им и не отнять?’.

Nereye gitsindi bunlar? Birçok yakın memleketler Alman yahudilerine kapılarını karıştınlardı (Y. K. Karaosmanoğlu. Zoraki diplomat) ‘Куда же им было ехать? Многие соседние страны закрыли свои двери для немецких евреев’.

*Bu yazıya bakan kızmasın da, kim kızmasındı*¹⁹. ‘Уж если министру не сердиться на эту статью, так уж кому и сердиться?’.

Adam bekçi kılığına girmiş bir devlet görevlisi olmasındı? Neden olmasın? Pek alâ da olabilirdi (O. Kemal. Murtaza). ‘Человек, надевший

¹⁹ G. L. Lewis. Указ. раб., стр. 138.

униформу сторожа, разве не стал [тем самым] государственным служащим? Почему ему не стать им? Прекрасно мог бы [им] стать'.

..günlerce bekletmemiştii onu. Neden bekletsindi? (M. K. Su) '...целыми днями он заставлял ее ждать [его]. Чего ради ему надо было [ее] заставлять ждать?'

...sefil kişi ne için taşısın idi beyler beyefendiler bavulu? (O. Kemal. Murtaza) '...несчастный человек, почему ему надо было таскать баулы всяких беев и эфендиев?'

Ne yaparlardı, ne yapacaklardı? (Y. K. Karaosmanoğlu. Zoraki diplomat). 'Что им надо было делать, что им следовало делать?'

Комментарий О. Ш. Гёк'я: «Burada ise bir „iktidar” daha doğrusu bir „imkânsızlık” manası vardır. Ne yapabilirlerdi? Yapabilecekleri ne vardı? demek. Yine a) imkânsızlık veya başka hallerde, b) tereddüt ifade etmektedir».

Kendisini öldürmüş olabilir miydi? Hem neden öldürsündü kendisini? (N. Uğur) 'Мог ли он в результате [всего этого] убить себя? Да и к чему ему было убивать себя?'

3. В условном периоде форма на -sındı, -sınlardı приобретает обобщительное значение: *oğulunu sevdiğini herkeşin bildiği gibi* и т. п.

Oğlunu seviyorsa versindi bir taksı parası (O. Kemal. Suçlu) 'Если любишь своего сына, то ведь дашь [ему] деньги на такси!'

Insanın parası çoksa para dağıtsındı (K. Bilbaşar. Kadırga) 'Если у человека денег много, он может расшвыривать [свои] деньги!'

4. Перифрастические формы:

1) -yog olsundu обозначает предположительное действие, совершившееся в определенный момент в прошлом:

Evde herkes uyuyor olsundu (H. Nohutlu. Pantolon) 'В доме, по-видимому/должно быть, все спали!'

2) -miş ol(ma)sındı обозначает действие, осложненное указанием на результаты предполагаемого действия:

Kadın bunları oğluna söylemiş olmasındı (O. Kemal. Suçlu) 'Разве женщина уже не говорила обо всем этом своему сыну?'

Комментарий О. Ш. Гёк'я: «Bu cümlede ise sadece bir „ihtimal” söz konusudur. Başka türlü söylemek istersek „kadın bunları oğluna söylemiş olmasın” deriz. Ama bu ikisinin arasında yine de bir fark vardır. Birinci şekilde „söylemek” işinin vuku bulmuş olması ihtimal dahilindedir. İkincisinde bu, başka ihtimallerin yanında bir başka ihtimaldir».

Murtaza Ferhat'i tanımişti ya, sakın Fen müdürü gelmiş olmasındı (O. Kemal. Murtaza) 'Муртаза узнал, конечно, Ферхада, как бы [еще и] технический директор не пришел?'

3) -sın+miş обозначает действие, осложненное оттенками предположительности, заглазости действия:

İtalyan heyeti yakında gelecekmiş, Telgraf bekliyormuş. İtalyan heyeti gelsinmiş, ondan sonrası kolaymış (A. Nesin. Tek yol) 'В ближайшее время должна была прибыть итальянская делегация. Он, по-видимому, ожидал телеграмму. Только бы прибыла итальянская делегация, остальное ведь дело простое'.

...anlatıyordu: geçen gece pokerde 350 lira kaybetmiş. Fakat esef etmeyormuş, «moruk» sağ olsunmuş (F. Erdinç. İdil) '... он рассказывал: вчера вечером он, оказывается, проиграл в покер 350 лир. Но не жалел [об этом], был бы жив-здоров «старик»'.

4) -sın+ için (= -sın+ diye) обозначает цель, намерение:

Bu gömleği ona giysin için verdim²⁰ 'Я дал ему эту рубашку, чтобы он ее носил'.

II. Форма на *-(y) indî*, по определению Г. Л. Люиса (указ. раб., стр. 138), «является разговорной формой императива, например: *durundu* 'hey stop!', *bakındı* 'hey, look here!'. Ударение падает на первый слог; названная форма, используемая как в единственном, так и во множественном числе, состоит из императива *dur-*, *bak-*+наречие *imdi* (по Ж. Дени: *indî* 'теперь'). [Первым эту гипотезу предложил J. Deny (Grammaire, 1044: *gel-indî*, *bağ-indî*). — А. К.]. Менее предпочтительное предположение о составе этих форм состоит в следующем: *durundu* < *durun* — 2 л. мн. ч. императива+междометие *dî*, сохранившееся в составе слова *haydî*» (см. выше).

Однако, как справедливо заметил М. Эргин (указ. раб., § 485), в старой (арабской) графике звук *n* в составе слов *dur-un-du*, *bak-ın-dî* (и им подобных) писался не через *сагыр нун* (η) а через простой *нун* (n), что не позволяет рассматривать эти формы как императивные.

М. Эргин морфему *-indî* (*bak-ındî*) возводит к наречию *imdi* > *indî* 'теперь'. Поскольку эта форма выражает как единственное, так и множественное число, возможно, по мнению М. Эргина, что в старой письменности истинная форма *сагыр нун* была забыта и на ее месте употреблялся простой *нун*. Далее М. Эргин обращает внимание на употребление усилительных частиц при ряде глагольных форм, например: *gel-e*; добавим еще форму типа: *gel-sen-e*.

Предположение М. Эргина о возможности замены *сагыр нун* на простой *нун* принять невозможно, так как до замены арабицы латиницей (I.XI.1928) формы императива 2-го лица единственного и множественного числа писались всегда через *сагыр нун*, произносившийся, однако, как простой *нун*.

Х. Эдискун²¹ отмечает, что кроме обычных форм императива: *gel*, *gelin*, *gelsin*, *geliniz* в повседневном разговорном языке (*günlük konuşmalarda*) используются также формы типа: *bilsindî*, *gelsindî*, *okuşundu*, *deyindî*. Морфема *-(y) indî*, по его мнению, могла возникнуть: а) из наречия *imdi* > *indî* или б) из междометия *haydî* ~ *hadî* > *dî*, которое в сочетании с формами императива 2-го и 3-го лица единственного числа дало формы типа: *gelin-dî*, *desin-dî* (см. выше возражение М. Эргина о невозможности рассматривать форму *gelin* в составе *gelindî* как форму императива 2-го лица единственного числа).

Т. Н. Генджан²², описывая формы императива, встречающиеся в староосманском языке, замечает: слово *imdi* в сочетании с императивом усиливает его значение, которое передается речением: *haydî artık 'ну-ка!', 'ну-жел!', 'давай жел!': Dedi kayser durun imdi Malatya'da varun imdi/Kamusunu kirin imdi... (Battal Gazi, XVIII век) 'Сказал кесарь: «Вставай(те) же, ступай(те) же в Малатию / Да уничтожь(те) их всех!..»'.*

Затем, продолжает Т. Н. Генджан, *imdi* превратилось в *indî*: *Ur indî... (Şeyhî, XV век) 'Бей жел!..';* ср. еще: *Bilgil imdi ey aziz... (Dâî, XV век)²³ 'Знай же, о дорогой [брат]!..' Bil indî (XV век)²⁴ 'Знай жел!..'.*

По поводу попытки Т. Н. Генджана вывести усилительную частицу *indî* < *imdi* следует сказать, что ее первичной формой при императиве

²⁰ G. L. Lewis. Указ. раб., стр. 139.

²¹ H. Ediskun. Указ. раб., стр. 185.

²² T. N. Gençan. Dilbilgisi. 3. Baskı. İstanbul, 1975, стр. 270.

²³ «Tarama Sözlüğü», III. Ankara, 1967, стр. 2068.

²⁴ Там же, стр. 2082.

является *indi*, которая семантически контаминировалась со словом *imdi* (~ *amdi emdi*) 'теперь'; контаминация *imdi//indi* произошла в результате контактной диссимилиации *md > nd*; таким образом усилительная частица *indi* превратилась в семантический омоним наречия *indi < imdi*.

Слово *imdi* (*amdi, emdi*) — *indi* известно в следующих значениях: 1) 'теперь', 'настоящее время'; 2) 'затем'; 3) 'итак'; 4) 'ненадолго'; 5) 'уже'; 6) 'только', 'впрочем'; 7) 'раз так', 'в таком случае', 'если'; 8) 'недавно'; 9) 'больше'; 10) 'хорошо', 'ладно'²⁵. Это слово состоит из корневой морфемы *am* (*em, im*) 'данный момент', 'сейчас' + *-di* — аффикс, образующий наречия от имен²⁶.

Наличие указанных значений: 5) 'уже'; 6) 'только', 'впрочем'; 7) 'раз так', 'если'; 10) 'хорошо', 'ладно', не связанных с семантикой исходной основы, заставляет искать другое объяснение значения и происхождения форманта-энклитики *-indi*.

Энклитика *-indi* при формах типа *gel-indi* 'приходи же!', — то есть при формах, выражающих побуждение к действию, — состоит из двух усилительно-побудительных частиц *-n* (см. выше) + *di/de, ti/te*, которая используется как в препозиции, так и в постпозиции: *di imdi* 'а теперь вперед!'; *di sus* 'эй, тише!'; *bildiriñiz di* 'сообщите же!'; *алыңыз ды* 'берите же!' (В. В. Радлов. Словарь, III, 1751)²⁷; ср. еще: *Uzun zamandı (zaman+частица di) görmediğim Şaban geldi* (D. Akçam) 'Пришел Шабан, которого я так давно не видел'. *Her akşam sofraya peyniriydi. zeytiniydi* (*peynir-i-y-di, zeytin-i-y-di*) *getirilir* (A. C. Emre. *Türk dilbilgisi*. İstanbul, 1945, стр. 286) 'Каждый вечер приносят [и ставят] на стол для него и сыр, и маслины'.

Bir bakıma aferindi (<междометия *aferin* 'браво', 'молодец' + частица *di*) *oğlana. Aferindi ama ne diye yakmıştı paraları sanki?* (O. Kemal)²⁸ 'С одной стороны — вот молодец, парень. Молодец-то [молодец], но зачем же он сжег деньги?'. Ср. еще: *işte* 'вот', 'итак', 'так', *iş//oş//uş* — указательная частица 'вот' + *te* — усилительная-подтвердительная частица: *şimdi < iş-im-di* 'сейчас', 'теперь'.

При гласных глагольных основах во избежание возникновения внутреннего зияния (*internal hiatus*) между основой и энклитикой *indi* возникает среднеязычный звонкий спирант /y/: *oku-y-undu* 'ну, читай же', *de-y-indi* 'ну, скажи же'.

²⁵ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. I, М., 1974, стр. 357—358.

²⁶ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, § 14.

²⁷ См. еще: J. Deny. Указ. раб., § 1043; Ф. Д. Ашнин. Указательные частицы в тюркских языках. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1958, т. XVII, вып. 5, стр. 430—431.

²⁸ Пример из указанной статьи Л. Н. Старостова (стр. 116).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРДОМОВ

ИЗ АЛАНСКОГО ПЛАСТА ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В чувашском языкознании существовала довольно устойчивая традиция считать арабские и персидские заимствования единым вкладом этих языков в чувашскую лексику¹. Эта традиция сложилась в основном под влиянием лексикологических разысканий на базе тюркских языков мусульманских народов, в которых этот вклад действительно был единым, связанным с кругом понятий ислама. Вместе с тем в чувашский язык многочисленные арабские и иранские элементы заимствовались совершенно иначе, то есть не в комплексе, а по отдельности из разных языков и в разное время. Поэтому иранские (так же как и арабские) лексические элементы чувашского языка, в основном уже выявленные, требуют дифференцированного подхода с целью установления более точной хронологии и непосредственного источника заимствования.

Среди иранских заимствований чувашского языка целесообразно выделить аланский пласт, восходящий к языку ираноязычных кочевых племен Северного Причерноморья, впоследствии ассимилированных тюрками и другими народами Восточной Европы. Часть алан, сохранившая свой язык, участвовала в этногенезе осетин. Последнее обстоятельство делает особенно важным сопоставление чувашской и осетинской лексики и выявление аланского пласта среди иранизмов чувашского языка.

До сих пор этимологи не обращали внимания на периферийное чувашское обозначение лошади: *пах* детск. 'лошадь'; *пах* или *пах-пах* 'так подзывают лошадей и жеребят'; *пах-т'ыйха* 'жеребенок'; *пахха, паххи* детск. 'лошадь'; *пох* 'так подзывают лошадей' (*пох, пох, пох*); *пӑх* 'так манят жеребят'². Среди тюркских языков это слово имеет сходную

¹ М. Р. Федотов. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке. — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXVI. Чебоксары, 1963, стр. 89—124; М. И. Скворцов. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXIX. Чебоксары, 1969, стр. 139—153. В последней статье термины *персидский, фарсизмы* автор сохранял как дань традиции, хотя указывал, что правильнее было бы говорить об иранском источнике и об *иранизмах*. Традиции следует: Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, стр. 122—124.

² Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. IX. Чебоксары, 1935, стр. 143, 148; вып. X. Чебоксары, 1936, стр. 57, 169.

параллель лишь в татарском — детск.³ *бахбай* 'лошадка; жеребенок' и слово *бах* или *bah* (подзвук лошади).

Сводный диалектный «Словарь русских народных говоров» (вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 152) отмечает близкую по звучанию и значению лексему в русских вятских говорах: *бах* 'старая или заморенная лошадь, кляча', также не получившую пока этимологической разработки. Указание В. И. Абаева на созвучие этого слова с осетинским названием лошади *бæх* (bæx), которое он считает кавказским субстратным словом⁴, требует дальнейшего уточнения, ибо отдаленность Кавказа от северных областей России говорит против возможности такого заимствования. Вместе с тем близость чувашско-татарских форм к русскому диалектизму *бах* не может считаться случайной.

Совсем недавно было обращено внимание на созвучное всем указанным лексемам старорусское слово *бахмат* 'ногайская лошадь, боевой конь'⁵. В сопоставляемой паре *бах* — *бахмат* второе слово едва ли может быть производным от первого, поскольку неясна природа «дополнительной части» второго слова. Однако слово *бах* и сходные с ним могут быть объяснены как результат сокращения слова *бахмат*.

Попытка этимологизации этого старинного коневодческого термина, известного также и в польском языке, была предпринята уже в конце XVIII века польским востоковедом-любителем А. К. Чарторыйским (1732—1824), писавшим об этом в статье «Słowniczek wyrazów przyjętych do mowy polskiej ze wschodnich języków», опубликованной уже после его смерти в 1828 г. в первой книжке львовского журнала «Czasopism Naukowy Księgozbioru Publicznego imienia Ossolińskich». А. К. Чарторыйский выводил *bachmat* из сочетания: персидского *پهن* *rāhn* 'широкий, просторный, обширный' и тюркского *at* 'конь'⁶.

Этимология А. К. Чарторыйского получила широкое распространение в различных словарях и исследованиях особенно благодаря словарю восточных элементов польского языка профессора Петербургского университета А. О. Мухлинского⁷. В 30-е годы XX века польский тюрколог А. Зайончковский подверг этимологию А. К. Чарторыйского (в редакции А. О. Мухлинского) резкой критике, утверждая, что персидское прилагательное *پهن* *rāhn* семантически не может быть отнесено к коневодческой лексике и не известно тюркским языкам. Но и этимология А. Зайончковского, заменившего в той же схеме персидское *پهن* *rāhn* на чрезвычайно редкое (и, кажется, неизвестное тюркам) арабское *باهر* *bahim* со значением «конь чистой масти (без примеси и пегин)»⁸, имела тот же недостаток, что и предыдущая, и в современной языковедческой литературе отклика не получила (см. примечание на стр. 29).

³ «Толковый словарь татарского языка» (т. I. Казань, 1977, стр. 135) помечает слово *бахбай* как разговорное и ласкательное, а Р. Г. Ахметьянов в статье «Некоторые названия лошадей в татарском языке» («Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 70) квалифицирует как просторечно-ласкательное. Чувашские параллели остались в последней статье неучтенными.

⁴ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958, стр. 256.

⁵ И. Г. Добродомов. Язык исчез — слова остались (Об аланских словах в русском языке). — «Русская речь», 1977, № 1, стр. 93.

⁶ J. Reychnan. Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII w. Wrocław, 1950, стр. 118.

⁷ А. Muchliński. Źródło i rozwój wyrazów, które przeszedły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich. Peterburg, 1858, стр. 5.

⁸ А. Zajaczkowski. O zapożyczeniach wschodnich w języku polskim, II. — Poradnik językowy, 1937/38, № 4. Перепечатано в книге: А. Zajaczkowski. Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego, Wrocław, 1953, стр. 46—47.

Этимология загадочного русского архаического (XVI—XVII века) названия низкорослой боевой лошади тюркских кочевников из степей Северного Причерноморья *бахматъ*, предложенная К. Г. Менгесом, в последнее время стала почти общепризнанной. Согласно этой этимологии, коневодческий термин *бахматъ* восходит к мусульманскому личному имени محمد *Мухаммад* (в тюркской огласовке *Бахмат*), весьма распространенному у тюрков-мусульман⁹. Следовательно, конь был назван по имени всадника, что могло произойти только на почве русского языка, ибо у самих тюрков-мусульман это, весьма престижное у них, личное имя на коня перенесено быть не могло. Г. Ф. Одинцов, как будто безоговорочно принимающий этимологию К. Г. Менгеса, фактически вопреки ей, на основе исторических сопоставлений, справедливо постулирует и убедительно доказывает ногайское происхождение указанного термина¹⁰, хотя в современных ногайских и вообще тюркских источниках слово *бахмат*, насколько нам известно, не отмечается. Это не должно вызывать удивления, ибо речь идет о старом ногайском слове, в настоящее время утраченном по важным объективным причинам лингвистического характера. Рассмотрим эти причины.

Работу исследователя старых тюркских элементов в восточнославянских языках весьма осложняет и затрудняет то обстоятельство, что все те тюркские языки, из которых в древности заимствовались восточными славянами отдельные слова, как правило, либо не имели письменности, либо же получили письменную фиксацию на поздней стадии их развития уже значительно изменившимися и частично утратившими свой древнейший лексический фонд. Некоторые древние тюркизмы, особенно термины, можно найти в трудах иностранных путешественников прошлых веков. Изучение этих памятников дает интересный материал для анализа тюркизмов в различных языках. В частности, тюркские слова можно найти в «Записках о московитских делах» («Regum Moscoviticarum Commentarii») австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), вышедших первым изданием на латинском языке в 1549 году и потом неоднократно переиздававшихся. Особого внимания заслуживает авторский пересказ-перевод «Записок» на немецкий язык «Moscovia der Hauptstat in Reissen», напечатанный в Вене в 1557 году. Вторая раздел этой книги посвящен «татарам» — тюркскому населению Московии и сопредельных территорий. Описывая в разделе о татарах малорослых и внешне невзрачных, но очень сильных и выносливых татарских лошадей, С. Герберштейн пишет, что их называют *пахматами* (Nos genus equorum Pachmat vocant). В немецком пересказе-переводе более четко указывается на принадлежность слова *Pachmat* языку «татар», которым и посвящен весь раздел: Ihre Pferd nennen sy Pachmat 'Свою лошадь они (татары) называют пахмат'. Следовательно, тюркский характер названия *бахмат*, зафиксированного у С. Герберштейна в немецком переводе как *Pachmat*, весьма

⁹ К. Н. Menges. Slavo-altajische Wortforschungen. — Festschrift für Dmytro Cyževskij zum 60. Geburtstag. Berlin, 1954, стр. 187—189. Предположение К. Г. Менгеса было принято М. Р. Фасмером в его «Этимологическом словаре русского языка» (т. I. М., 1964, стр. 136—137). В русском издании словаря данная этимология перенесена в основной текст из «Поправок и дополнений» к III тому немецкого издания, причем в первоначальном тексте статьи *бахмат* почему-то опущена фраза: «Вероятно, восточное слово с неустановленной этимологией», что создало впечатление окончательного решения вопроса. Ср. также: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 57; E. Dickenmann. Das Pferd in russischen Nomina appellativa und nomina propria. Heidelberg, 1977, стр. 113—116.

¹⁰ Г. Ф. Одинцов. Два ногайских заимствования в русском языке. — В кн.: «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 195—201.

вероятен¹¹, а этимология К. Г. Менгеса требует пересмотра и поиска источника уже на чисто тюркской почве.

Свидетельство С. Герберштейна может быть дополнено сообщением более поздним, подтверждающим «татарскую» принадлежность слова *бахмат*, известного в южнорусских степях и в более позднее время. Француз Боплан (ок. 1600—1673), служивший в 1630—1648 годах на Украине в польской армии, в своем «Описании Украины» (1650) пишет: «...Татарские кони... переносят труды почти невероятные: только сию неуклюжие и некрасивые бакематы (так называют их татары) в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвост их достают до земли»¹². В этом переводе следует отметить неточность транскрипции французского написания *baquemates* (следует читать *bakmat*).

Прототип лексемы *бахматъ* легко реконструируется на основе тюркских языков. Это словосочетание *baqma at* 'домашний (прирученный) конь', состоящее из двух лексем: *baqma* 'прирученный, домашний'¹³ и общетюркского названия лошади *at*¹⁴. В живой речи это сочетание произносилось со стяжением гласных на стыке компонентов словосочетания как *baqmat*. Согласный *q* особенно в положении перед следующим смычным легко спирантизируется, переходя в *x*; отсюда и тюркская форма *бахмат, весьма близкая к русской. Можно также допустить, что долгота второго слога способствовала озвончению конечного согласного: **бахма̄d*, как это имеет место и в огузских тюркских языках.

Сочетание *baqma at* 'домашний конь' было вполне оправданным в эпоху, когда в южнорусских степях водились дикие кони. С исчезновением этих животных оно утратило актуальность и выпало из тюркских

¹¹ S. Herberstein. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Basileae, 1551, стр. 94; Basileae, 1556, стр. 89; S. Herberstein. *Moscovia der Hauptstat in Reissen*. Wienn, 1557, стр. 90. Не случайно А. В. Исаченко не рассматривает это слово в числе русизмов, отмеченных в тексте у С. Герберштейна; см.: А. В. Исаченко. *Herbersteiniana*, I—II. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1957, Bd. II, стр. 321—346; 493—512.

¹² Г. Боплан. *Описание Украины*. СПб., 1832, стр. 44, 169. Ср. иной перевод в издании «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси» (вып. II. Киев, 1896, стр. 330): «Это особая порода лошадей, некрасивая и плохо сложенная, но необыкновенно выносливая и неутомимая, потому что никакая лошадь не способна пройти в один раз от 20 до 30 миль подобно этим бахматам, как называется эта порода; она отличается густою гривой, которая падает до земли и таким же длинным хвостом»; G. Beauplan. *Description d'Ukraine*. Rouen, 1660, стр. 38; то же в парижском издании 1661 года, где заменен лишь титульный лист. В немецком переводе 1780 года (стр. 57): *Bakemath*. Последняя форма осталась неизвестной в книге: Е. В. Опельбаум. *Восточнославянские лексические элементы в немецком языке*. Киев, 1971, стр. 36.

¹³ От общетюркского глагола *baq-* 'смотреть; ухаживать; пасти и т. п.'. Прилагательное *baqma* зафиксировано сейчас лишь в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (2-е изд. М., 1965, стр. 100): *бакма канаттуулар* 'домашняя птица', *бакма айбан* 'домашнее животное', *бакма өрдөк* 'домашняя утка' и т. п.

¹⁴ Ср. целую серию сербско-хорватских названий коней по мастьям с тюркским *at* 'конь' в качестве второго компонента словосочетания, слившегося с первым в одно слово: *дорат* 'гнедой конь', *кр(х)ат* 'серый конь', *богат* 'белый конь', *алат* 'рыжая лошадь'. См. этот список без объяснения: О. Н. Трубачев. *Указ. раб.*, стр. 60. Любопытно изменение конца тюркского слова *аргамак* ('скаковая лошадь') в удмуртском *аргамат* 'иноходец' (см.: С. В. Соколов. *Этимологии удмуртских названий животных*. — В кн.: «Вопросы удмуртского языкознания», вып. 3. Ижевск, 1975, стр. 151) под влиянием тюркского *at* 'лошадь'. Ср. также чувашское название иноходца *çărxa*, но *çурхат* устар. 'ендова, старинный медный сосуд для пива, своей формой напоминающий коня-иноходца' — из *çурха (> *çărxa*) + *at* 'конь', — проникшее в татарский язык: *чурат* 'ендова (кадочка)', *чургат* 'медный сосуд для пива'; В. Г. Егоров. *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары, 1964, стр. 222. В чувашском слове *ут* 'конь, лошадь' в самостоятельном употреблении произошел переход *a* в *y* в первом слоге слова, но в составе сложного слова *çурхат* (во втором слоге) сохранился архаический общетюркский облик *at*.

языков, почти не оставив в них следа и лишь на короткое время задержавшись в языках народов Восточной и Средней Европы. Г. Боплан описывал также и диких лошадей, водившихся в степях Украины.

«Татарско-ногайское» слово *бахмат* получило распространение у всех восточных славян в формах *бáхматъ*¹⁵ и *бахмáтъ* (в пользу чего говорит написание *бохматъ* в письменных памятниках)¹⁶. Оттуда, по свидетельству А. Брюкнера, оно попало в польский (*bachmat*)¹⁷ и, вероятно, в чешский, где зафиксировано в чешско-немецком словаре И. Юнгмана. Как диалектное наименование боевого верхового коня: слово *бахмат* отмечается (почему-то лишь с литературными примерами из произведений художественной литературы) новейшим «Словником української мови» (т. I. Київ, 1970, стр. 113), а производное от него прилагательное *бахмáтий* (с дериватами) приобрело в украинском языке значение «мешковатый», как и белорусское *бахмáты* «косматый, пушистый». В уже упомянутой книге Е. В. Опельбаума «Восточнославянские лексические элементы в немецком языке» (Киев, 1971, стр. 36) собран большой материал о фиксации слова *Bachmat* немецкими словарями и частично отражен текстовой материал.

Попавший в языки немусульманских народов Восточной Европы консводческий термин *бахмат* подвергся контаминации с мусульманским личным именем *Мухаммад*, *Магомед*, *Бахмет* и т. п., поскольку название *бахмат* «татарский конь» легко осмысливалось как «конь Бахмата». В связи с этим этимологические выводы К. Г. Менгеса, вскрывающие поверхностный, вторичный этимологический слой, в значительной степени оправдываются. Однако они отражают лишь позднейшее осмысление слова на новой почве у христианских народов Восточной Европы. Особенно сильно такое вторичное народноэтимологическое осмысление проявилось в молдавско-румынском *бахмéт* — *bahmét*, *bahotét*, а также в приводимой О. Н. Трубачевым без указания источника украинской форме *бахмет*. Вероятно, эта же вторично переосмысленная форма легла в основу русского вятского диалектизма *бахмет(ка)* («оком-либо неповоротливом; косматом, мохнатом или с длинной шер-

¹⁵ «Лексикон латинський С. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корещького-Сатановського». Київ, 1973, стр. 424: «Бáхматъ. Saballus. Bachmat». Это же ударение отмечено в кн.: Ф. Поликарпов. Лексикон трезязычный. М., 1704, стр. 6: «Бáхматъ, saballus magnus bachmat». В связи с этим указание академика М. Н. Сперанского об опущении словарной статьи «бáхматъ — saballus — Bachmat» в «Лексиконе» Ф. Поликарпова (см.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 205) следует считать ошибочным: слово *бáхматъ* там есть, но не на своем согласно алфавиту месте. М. Н. Сперанский пользовался двумя экземплярами «Словено-латинского лексикона», оставшимися неизвестными его издателю В. В. Немчуку.

¹⁶ А. М. Булыка. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, стр. 39.

¹⁷ А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 10. В связи с этим прямолнейшая абсолютизация наблюдения Г. Ф. Одинцова о польской и западной ориентации употребления термина *бахматъ* в русской письменности XVI—начала XVII века может привести к ошибке, поскольку само польское слово *bachmat*, согласно толкованию Григория Княпского, наоборот, обнаруживает восточную и русскую ориентацию: «saballus Moscoviticus et Scythicus». См.: Г. Ф. Одинцов. Указ. раб., стр. 195—196, где приведена цитата из польско-латинского словаря XVII века Г. Княпского. В рукописном «Лексиконе полоно-словенском» 1670 года (хранится в ЦГАДА), основанном, вероятно, на словаре Г. Княпского, польское *bachmat* толкуется только как «Кóнь Скѣвскій. Лóшадь» (л. 7) с устранением следов прилагательного *Moscoviticus*. в толковательной (теперь уже по-русски) части. Ср.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 44. Э. Дикенман в своей книге о русских названиях лошадей неправомерно противопоставляет совершенно идентичные точки зрения А. Брюкнера и П. Я. Черных о взаимоотношении русск. *бахмат* и польск. *bachmat* хотя оба эти автора выводят польское слово из русского. См.: E. Dickenmann. Указ. раб., стр. 115.

стью»¹⁸. Отмечаемое «Диалектологическим словарем татарского языка» (Казань, 1969, стр. 72) камышловское название полного и крепкого человека *бахмит* (также *бахила*), очевидно, представляет собою вариант русского диалектизма *бахмёт*. На основании данных «Словаря говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой (Пермь, 1973, стр. 36: *бахмётко* 'неопрятный, неаккуратно одетый человек'), не учтенных в сводном «Словаре русских народных говоров» (М.—Л., 1966, стр. 155), и данных татарских диалектов можно предположить более широкое распространение этого слова в русских говорах. Вполне вероятно, что и в венгерском многозначном слове *behetőt* 'бегемот; слон; скот, животное, большое животное; рослый человек, бесформенный; громоздкий, сильный', в котором исследователи отмечают контаминацию со словом *mahomet* 'сильный, дородный' (от мусульманского имени)¹⁹, проявилось также и влияние весьма популярного в Восточной Европе XVI—XVII веков ногайского слова *бахмат*, контаминировавшегося с личным именем.

Обращает на себя внимание необычное для тюркизма ударение *бáхматъ*, отмеченное в старинной русской лексикографии. Удовлетворительное объяснение оно получает на аланской почве, так как в языке аланов было принято ударение на первом слоге слова (особенно в диалектах типа иронского наречия осетинского языка)²⁰. Как уже отмечалось, слово *бахматъ* было сопоставлено с осетинским общим названием лошади *бæх* (*bæx*) и русским вятским диалектизмом *бах* 'кляча'²¹. Это сопоставление вполне обосновано, поскольку в аланском языке (как было уже показано, форма **бахмād* тоже вероятна) последний слог тюркского слова *бахмат* (*-мат* или *-мад*) мог отождествляться с аланским существительным *мад* 'мать' (ср. осет. иронск. *мад*, дигорск. *мадæ*), и все слово в духе «народной этимологии» осмыслялось как сложное²². Выделившийся из тюркизма «первый элемент» *бах* на аланской почве вступил во взаимодействие с исконным (индоевропейским по происхождению) названием лошади, которое стало употребляться лишь как наименование кобылы: современное осетинское *æфс* (*ʒæfs*, в дигорском *æfsæ*) 'кобыла' примыкает к индоевропейскому названию лошади, отраженному в латинском *equus*, греческом *ἵπλος*, др.-индийск. *aśva*, персидск. *اسب* *asp* и т. п. Ср., впрочем, литовск. *ašva* устар. 'кобыла'²³. Вятский диалектизм *бах* 'кляча' может считаться региональным аланизмом русского языка. Предположительно это слово пришло из языка мало изученного народа — буртасов, жившего в Поволжье. Этноним *буртас* хорошо этимологизируется на иранской почве как сложение старого иранского этнонима *as* 'алан, яс' (во второй части)²⁴ с иранским же названием большой реки или моря, отраженным в осетинском языке (иронск. *furd*, дигорск. *ford*) и в гидрониме *Прут* (у Геродо-

¹⁸ Холмогорско-архангельское шутивное *бахмутко* («о ком-либо волосатом, мохнатом»), вероятно, отражает контаминацию с другим мусульманским именем *Махмūd* — *Бахмут*.

¹⁹ «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», I. Budapest, 1967, стр. 269.

²⁰ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949, стр. 385—388.

²¹ См.: «Русская речь», 1978, № 1, стр. 93.

²² Ср. выделение ложных суффиксов в словах *зонтик*, *шлагфрок* и образование форм *зонт*, *шлагфор* в русском языке или выделение элемента *электр* в узбекском языке из русских сложных слов типа *электромагнит*, *электромотор* и превращение его в обозначение электричества.

²³ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, стр. 563.

²⁴ Об этой этимологии см.: А. И. Попов. Буртасы и мордва. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова», № 104 (Серия востоковедческих наук, вып. 2), 1947, стр. 209.

та лората). Первоначальное значение этнонима *burtas* — «речные асы (ясы)». Под рекой подразумевается Волга. Получившая в последнее время распространение точка зрения о тюркоязычности буртасов²⁵, вероятно, объясняется упоминаниями об этом в средневековых мусульманских памятниках, а также известным переходом большей части буртасов на тюркский язык после принятия ими ислама и утраты старого аланского языка. Целесообразно в связи с этим поставить вопрос о влиянии на мишарское цоканье (произношение общетюркского *č* как *c*) аланского субстрата.

В пользу тюркского происхождения аланско-осетинского названия лошади *бах* говорит следующий факт. В небольшом списке слов из языка венгерских алан, составленном в Венгрии в 1422 году и опубликованном академиком Ю. Неметом, зафиксировано аланское слово *bah* с неправильно орфографически записанным латинским переводом *esus* вместо *equus* 'лошадь'²⁶. Это ставит под сомнение ранее высказанное предположение о кавказском происхождении осетинского слова. Вероятно, название жеребенка в вейнахских языках (чечен. *beqhi*, орфогр. *бекъа*; ингуш. *baqñ*, орфогр. *бакъ*), считавшееся кавказским источником для осет. *бах*²⁷, само является заимствованием из осетинского языка. Ср. также *бах* 'кляча' в имеретинском диалекте грузинского языка (из осетинского). В Венгрию аланский тюркизм *bah* был занесен с Украины, а не с Кавказа, как было принято считать ранее.

Аланское слово *бах* вошло не только в русские вятские говоры, но и вернулось в усеченной форме в тюркские языки Среднего Поволжья: отсюда татарское подзывное слово для лошадей *бах* или *bah*, детское слово *бахбай* 'лошадка'; чуваш. *пах* 'лошадь' (детск.), *пах-т'ыйха* 'жеребенок', *пах* 'так подзывают лошадь', *пахха*, *паххи* 'лошадь, лошадка' (детск.), *пох*, *пăх* 'так манят жеребят'²⁸.

Возможно, аланское название лошади нашло отражение в румынском фразеологизме а *grinde bâhă* 'упрямиться (о быках, лошадях)', букв. 'чувствовать *bâhă*', а также в старобелорусском неясном производном слове *баховец*, *бохавец*, отмеченном в 1510 году в следующих контекстах: «пограбил меня *баховець* пана воеводинъ за тыи пенязи; мы велели ему на *бохавци* искати»²⁹.

Хорошо известные из исторических источников контакты тюрков с аланами, конечно, нашли отражение и в языке, но следы языкового взаимодействия приходится отыскивать по крупицам, используя скудные сведения о лексике средневековых тюркских и аланских диалектов, сохранившиеся в памятниках.

До последнего времени этимологами недооценивались весьма важные факты, приводившиеся в сочинениях иностранных путешественников по России XVI—XVII веков и сопредельным с нею областям. Поэто-

²⁵ А. И. Попов. Названия народов СССР. Л., 1973, стр. 111—121. Ср. тюркскую этимологию: М. И. Скворцов. Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии. I. — В кн.: «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 5. Чебоксары, 1977, стр. 54—59. Автор рассматривает слово *буртас* как результат универбации парного этнонима из тюркских элементов *bögi* 'волк' + *taz* 'лысый', что с фонетической точки зрения, объяснить несколько затруднительно.

²⁶ Ю. Немет. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960, стр. 8, 11, 14—15, 21—23.

²⁷ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, стр. 255—256. Любопытно, очевидно случайное, созвучие с афганским *باہن* *bāh* 'конь с белой звездочкой на лбу и в белых чулках'.

²⁸ Н. И. Ашмарин. Упомянутый словарь, вып. IX, стр. 143, 148; вып. X, стр. 57, 169.

²⁹ А. М. Булыка. Даўнія запазычанні беларускай мовы, стр. 39.

му представляется целесообразным в дальнейшем собрать и обработать эти факты.

В связи с тем, что то или иное характерное иноязычное слово-термин обычно заимствуется целым рядом соседних языков определенного ареала, при этимологическом анализе таких слов особую важность приобретает учет материала всех этих языков³⁰.

В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина (вып. IX, 1935, стр. 146) отмечено загадочное прилагательное *пахмат* 'отчаянный, смелый' с поместой о записи его в Бугульминском уезде Самарской губернии, неясными сокращениями СПВВ. ЕС. и СПВВ.Т., значение которых раскрыть не удалось, и речевыми примерами пояснительного характера: *Пахмат — сын кёмелле мар сёре харамасёр кёрекен сын* 'Пахмат — это человек, который входит без страха туда, куда нельзя входить'; *Пахмат тесе, сёмаха шухайшламасёр калакана калацсё* 'Кто говорит, не обдумывая слова, того называют пахмат'. Это редкое чувашское слово можно увязать со старым кыпчакским названием коня *бахмат*, помня, что так назывался ценный боевой конь³¹. В чувашском языке это слово, не имеющее глубокой хронологии (а начального слога не изменилось в у!), получило переносное значение при забвении исходного терминологического употребления. Любопытно, что глагольное образование, семантически тесно связанное с этим словом, в том же словаре Н. И. Ашмарина имеет несколько отличную основу: *пахмас-лан* 'стать отчаянным, наглым' (синоним *куштанлан*). Указание на источник *Хоразан* остается неясным. Неустойчивость основы, вероятно, следует рассматривать как показатель ее архаизации и постепенного выхода из употребления.

В. Г. Егоров в своем «Этимологическом словаре чувашского языка» (Чебоксары, 1964, стр. 145) останавливается на омонимичном слове *пахмат* (с вариантом *пахмът*): '1. чувство меры, такт; 2. рассудок' с производным *пахматсёр (пахмътсёр)* '1. несуразный, нелепый; 2. безрассудный'³², сопоставляя его с кумыкскими *пагьму* 'способность', *пагьмусу* 'неспособный'. К этому следует добавить, что и кумыкское, и чувашское слова в конечном счете восходят к арабскому *فهم* *fahm* 'понимание; пронизательность; ум; умение', проникшему и в другие тюркские языки³³.

Отмеченное у Н. И. Ашмарина янтиковское диалектное *пахмът* 'обжора' с пояснением: *Пахмът тесе, сисе тарапа пёлмен сынна калацсё (Нумай сийекен сын)* 'Человека, который не может наестся, называют пахмът (много едящий человек)', вероятно, как предполагал и сам Н. И. Ашмарин, восходит к собственному имени и к коневодческой лексике никогда не относилось. Личные мужские имена *Пахматти* и *Пахмуть* Н. И. Ашмарин отметил в деревне Березовые Олгаши Сундырского района.

Как показывают приведенные примеры, при этимологическом анализе заимствованной лексики чрезвычайно важно не поддаваться влиянию вторичных сближений и народноэтимологических переосмыслений

³⁰ В этом отношении заслуживает внимания исследование: G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.

³¹ Г. Ф. Одинцов. Указ. раб., стр. 197.

³² У Н. И. Ашмарина в «Словаре» (IX, стр. 174) *пахмътсёр* 'бесцеремонный в движениях и обращении с другими' (с. Орауши Вурнарского района).

³³ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 144а (без чувашского и кумыкского материала при турецком *fehîm* 'понимание'). Конечный слог -ат чувашского *пахмат*, возможно, отражает арабское окончание множественного числа.

вторичного характера, порою совершенно заслоняющих собой реальную историю слова. В разных языках эти народноэтимологические преобразования имеют различные направления. Учет этого позволяет реконструировать реальную историю лексических единиц в языках определенного региона*.

---

* Уже после завершения данной статьи вышел в свет первый том «Этымалогічнага слоўніка беларускай мовы» (А—Б) (Мінск, 1979), где при этимологизации старобелорусского *бахмат* сочувственно упоминается рассмотренная нами на стр. 22 этимология А. Зайончковского вместе с этимологией К. Г. Менгеса (см. стр. 23).

Материалы первого тома также недавно вышедшего «Этимологического словаря марийского языка» Ф. И. Гордеева (т. 1, А—Б. Йошкар-Ола, 1979, стр. 182, 206, 221, 224), основанные на полевых записях самого автора, указывают на значительно более широкое отражение аланского тюркизма *бах* в языках Поволжья, где отмечены следующие формы подзывных слов для лошадей: марийск. *ба-ба, бо-бо, бах-бах, мбо-мбо, бок-бок*; удмурт. *бо-бо*, мордовск. *бо-бо*, эрзя-мордовск. *ба-ба*, — возводимые Ф. И. Гордеевым к сарматскому или аланскому источнику. Однако как следует из нашего изложения, сарматская эпоха для данных слов совершенно исключается, и можно говорить лишь об их аланско-буртаской природе. Часть последнего материала впервые и более подробно была рассмотрена в статье: Ф. И. Гордеев. К этимологии некоторых чувашизмов марийского языка. — «Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения)», вып. 1, Чебоксары, 1972, стр. 24—26.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ЛЕГЕНДЫ О БУЛГАРСКИХ БОГАТЫРЯХ И СКАЗАНИЕ ОБ АЛПАМЫШЕ

Эпос болгарского периода истории татарского народа дошел до наших дней в неполном виде. О разнообразии и богатстве его можно судить лишь по отдельным легендам или фрагментам эпических сказаний. На распространенность в древности в Среднем Поволжье представленный о сказочных богатырях-великанах указывают материалы книги Ахмеда Ибн-Фадлана, посетившего Волжскую Булгарию в 922 году¹. Автор приводит подробное описание одного из таких сказочных великанов: «Такин² (еще прежде) рассказывал мне, что в стране царя есть (один) человек (муж) чрезвычайно огромного телосложения»³. Далее Ибн-Фадлан приводит рассказ болгарского царя о великанах, питавшихся ежедневно огромной рыбой, выплывавшей из воды. Они при этом должны были соблюдать определенный ритуал — отрезать от рыбы лишь столько, сколько могли съесть. Великаны оказывали на людей магическое действие: они приносили несчастье тем, кто их увидит. По словам Ибн-Фадлана, ему самому не удалось увидеть живого великана. Он вместе с болгарским царем видел лишь его громадные кости.

Рассказ Ибн-Фадлана перекликается с рядом эпических сказаний других народов. Так, в сказаниях о нартах говорится о том, как их герои находят кости умерших великанов⁴. Интересное описание великана дается в энциклопедии Н. Хамадани: «Мы (царь) отправились, пока не увидели на реке Атыл некоего человека — рост его был двенадцать локтей, он имел большую голову и руки, а длина его ноги была размером в две четверти»⁵.

С указанными народно-эпическими традициями перекликается также описание волжского богатыря, данное Абу Хамидом ал-Гарнати, посетившим Булгарию в 1135—1136 годах: «И видел я в Булгаре человека из потомков адитов, рост которого — больше семи локтей, я доставал ему до пояса. Он был сильным: брал заколотую лошадь и ломал ее кости, и рвал кожу и сухожилия быстро, в одно мгновение, я не мог бы разрубить ее с такой скоростью и топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А

¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939; А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

² Такин — один из спутников Ибн-Фадлана.

³ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 75.

⁴ У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, стр. 273.

⁵ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана., стр. 152.

шлем у него из железа, вроде большого котла. Он сражался такой огромной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять сильный мужчина, а она в его руках была, как палка в руке одного из нас»⁶.

После повторного аналогичного описания своей встречи с великаном ал-Гарнати добавляет: «И он был добрый, скромный: когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно...»⁷.

Приведенные отрывки во многом совпадают с описаниями богатырей в алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара», в тюркоязычных дастанах об Алпамыше, в казахском сказании о Кобланды-батыре, в калмыцком эпосе «Джангар» и др.⁸ Все это позволяет предположить, что описания ал-Гарнати основываются не столько на реальных наблюдениях самого путешественника, сколько на народно-эпических традициях. Видимо, не зря он свою книгу озаглавил «Подарок умам и выборки диковинок»⁹.

На эпическую основу отдельных сообщений Абу Хамида ал-Гарнати указывают и некоторые другие места из его книги, например, описание потомков адитов: «И есть в их земле (Булгаре. — Ф. У.) кости племени Ад, ширина одного зуба — две пяди, а длина его — четыре пяди; а от головы его (т. е. великана. — Ф. У.) до плеча — пять ба¹⁰, а голова его, как большой котел, и их там много»¹¹.

В примечаниях О. Г. Большакова к книге ал-Гарнати дается следующее пояснение о племени адитов: «Легендарный народ великанов, живший якобы в пустыне между Оманом и Хадрамаутом. Адиты неоднократно упоминаются в Коране... как народ, не внявший учению пророка Худа и уничтоженный за это Аллахом¹². Мухаммад угрожал не принимавшим его учение, что Аллах накажет их подобно адитам»¹³.

Легенды об адитах были распространены не только в Аравии. Вместе с идеологией ислама они, несомненно, проникли и в Волжскую Булгарию, о чем свидетельствует еще одна легенда, приводимая ал-Гарнати¹⁴.

Известно, что ислам стал официальной государственной религией Волжской Булгарии в первой половине X века¹⁵. А путешествие ал-Гарнати приходится на первую половину XII века. «Открытие мечетей, начальных духовных школ, проповеди миссионеров, сопровождавшиеся насильственным внедрением ислама, к XI—XII вв. мусульманизировали население Булгарии»¹⁶. За это время легенды об адитах вместе с исламом вполне могли проникнуть в Волжскую Булгарию и распространиться как среди ученых и духовенства, так и в народе. Они переплетались с местными легендами о великанах, не имевшими никакой связи с исла-

⁶ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». М., 1971, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 61.

⁸ Ср.: «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос». М., 1973; В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960; «Кобланды-батыр. Казахский героический эпос». М., 1975; «Джангар. Калмыцкий народный эпос». М., 1940.

⁹ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...», стр. 49.

¹⁰ Ба — маховая сажень, расстояние между разведенными в сторону руками, примерно 2 м. (Примечание О. Г. Большакова). — В кн.: «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...», стр. 71.

¹¹ Там же, стр. 30.

¹² «Коран». М., 1963, стр. 126—128, 178—179, 294—295 и др.

¹³ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...», стр. 71.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 49.

¹⁶ Там же, стр. 53.

мом, который в первой половине X века еще не был популярен не только в народе, но и в среде господствующей верхушки¹⁷. Ал-Гарнати же, очевидно, придал этим легендам (надо полагать, не без влияния местного духовенства) религиозную окраску.

О распространённости легенд об адитах в Волжской Булгарии говорит тот факт, что их отголоски обнаруживаются в дошедших до нашего времени татарских народных загадках и сказаниях¹⁸, в том числе и в одном из наиболее ранних произведений болгарско-татарской литературы — «Кысса-и Юсуф» Али (конец XII — начало XIII века). В нем повествуется, например, о том, как братья бросают Юсуфа в колодезь, оставленный неверным адитом Ашну¹⁹.

Сказание позволяет заключить, что с X по XII век легенды о волжских великанах претерпели под влиянием ислама известную эволюцию.

Интересно также отметить, что в книгу ал-Гарнати проникли мотивы сказаний и о богатырской деве. Путешественник следующим образом описывает сестру богатыря: «И была у него сестра его же роста, я видел ее в Булгаре много раз. И сказал мне в Булгаре судья Йа'куб ибн Ну'ман: „Ведь эта высокая женщина — адитка убила своего мужа, которого звали Адам, а был он из сильнейших мужчин Булгара. Она прижала его к своей груди и сломала ребра, и он сразу умер...”»²⁰.

Вероятно, предания об эпических богатырях-великанах и их деяниях были хорошо известны в древней Булгарии. На всех тюркских языках, в том числе и на болгарско-татарском, великанов называли *алпы* — *алп*, как это зафиксировано, например, в «Кысса-и Юсуф» Али²¹. Традиция эта восходит к очень далекой эпохе. По известным нам данным, наиболее раннее употребление этого слова в письменных памятниках относится к енисейскому периоду истории тюрков (V—VIII века). В памятниках енисейской письменности оно встречается и в составе собственного имени — Йигин-Алп-Туран, и как обозначение героя, богатыря — Ыцанчу алп²². Есть это слово и в словаре Махмуда Кашгари²³ в значении «герой», «богатырь»²⁴. Во многих тюркских языках это слово употреблялось и употребляется и в значении «великан», «исполин»²⁵.

Легенды о волжском богатыре встречаются не только в сочинениях арабских путешественников, но и в более поздних источниках. Так, один из вариантов приводится в «Казанской истории» неизвестного сочинителя XVI века, где названо и имя богатыря — князь Аталык²⁶. В последнем случае древняя легенда связывается с конкретными, современными автору историческими событиями, причем основные черты богатыря остаются такими же, как у Ибн-Фадлана и ал-Гарнати²⁷.

На распространённость в народе легенды о великанах обратил внимание и Каюм Насыри. Собранные им сведения о волжском богатыре мало чем отличаются от описаний Ибн-Фадлана и ал-Гарнати. Приме-

¹⁷ «История Татарской АССР», стр. 49.

¹⁸ *Накый Исэмбат*. Татар халык табылмактлары. Казан, 1970, стр. 494.

¹⁹ «Барынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 101.

²⁰ «Путешествие Абу Хамиды ал-Гарнати...», стр. 61.

²¹ «Барынгы татар әдәбияты», стр. 119; *Джавид Алмаз*. «Кысса-и Юсуф» Али — болгаро-татарский памятник. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, стр. 2.

²² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 21, 57.

²³ *Махмуд Кашгарий*. Девону лугатит турк. Т. I. Ташкент, 1960, стр. 83.

²⁴ К. М. Максетов. Поэтика каракалпакского героического эпоса. Автореф. докт. дисс. Нукус, 1966, стр. 48.

²⁵ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 139.

²⁶ «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 68.

²⁷ Там же, стр. 70.

чительно, что К. Насыри считал существование богатырей в Булгарии реальным и этим объяснял широкую популярность легенд о них²⁸.

Генетически связанные с народным эпосом, легенды дошли до XX века. Об этом свидетельствует публикация известным татарским археографом С. Вахидовым легенды о жизни Алпа и строительстве города Булгара²⁹, названного по имени сына Алпа.

В этой легенде тюркское название Волги — *Итиль* связывается с именем другого сына Алпа. В современном татарском произношении название Волги звучит как *Идел*. В древности оно произошло несколько иначе и ближе к приведенному в легенде: у Ибн-Фадлана — *Атиль*, у Иакута и ал-Гарнати — *Итиль*³⁰.

О популярности богатыря Алпа свидетельствуют татарские пословицы³¹. Имя Алпа до сих пор широко известно в народе. В Батыревском районе Чувашской АССР в 1966 году были записаны легенды, связанные с этим богатырем³².

Определить художественную природу всех вариантов упомянутых легенд нелегко. Многие материалы дошли до нас в форме отдельных, иногда разрозненных фрагментов. Авторы их вплоть до XIX века относились к легендам как к достоверным историческим фактам. Лишь в XX веке легенды начинают воспринимать и истолковывать как эпические произведения.

В течение веков эти легенды сильно менялись и поэтому трудно отнести их к одному типологическому уровню. В то же время из-за недостатка материала невозможно подтвердить это сопоставлением разных вариантов легенды. Исследователь может обратиться лишь к содержанию легенд. Сообщения Ибн-Фадлана носят характер фиксации диковинных явлений в жизни чужого ему народа. Поэтому явно легендарное воспринимается им как исторически достоверное. Книга ал-Гарнати написана под большим влиянием ислама. Неизвестный сочинитель XVI века подчеркивает необычные богатырские черты облика волжского великана. Позже, в XVIII—XIX веках, очевидно, происходит известная демократизация легенды, и она, так же как и многие образцы других жанров народного творчества (например, сказки), начинает связываться с условиями жизни крестьянства.

Можно предположить, что различного рода эпические произведения о богатырях — защитниках родной земли — веками бытовали в татарском народе не только в виде отдельных легенд и преданий, носящих фрагментарный характер, но и в форме цельного художественно завершенного дастана. Поскольку слово *алп* — *алып* на всех тюркских языках однозначно, то имена булгарских богатырей тоже должны были начинаться с этого слова. Вероятно, впоследствии сюжет известного в тюркоязычном мире сказания об Алпамыше слился с локальными произведениями, и в результате сложились варианты сказания, дошедшие до нашего времени.

Сказание об Алпамыше является одним из замечательных произведений мирового фольклора. Оно имеется в фольклоре разных народов: алтайского, казахского, узбекского и др. Есть оно и у татар. Из це-

²⁸ *Каюм Насыри*. Сайланма эсэрлэр. Ике томда, I том. Казан, 1974, стр. 81—83, 336.

²⁹ «Вестник научного общества татароведения», 1926, № 4, стр. 62.

³⁰ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 75 и 104; «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...», стр. 56.

³¹ *Нэкий Исәнбэт*. Татар халык мәкальләре. Т. 3. Казан, 1967, стр. 385—386.

³² Материалы экспедиции 1966 года в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

лого ряда вариантов, хранящихся в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР³³, опубликован пока один³⁴.

В последние годы исследователи определили место татарской версии сказания среди других национальных версий и выявили некоторые присущие ей особенности³⁵.

Академик В. М. Жирмунский считал, что сюжет сказания об Алпамыше является одним из самых древних в мировом фольклоре. Он выделил несколько версий сказания: кунгратскую, огузскую, кыпчакскую, алтайскую. По его мнению, татарские варианты сказания входят в одну из наиболее древних версий — в кыпчакскую или докунгратскую³⁶.

Учитывая мнение В. М. Жирмунского о возможности проникновения этого сюжета в Поволжье вместе с перемещавшимися на запад кыпчакскими племенами, не следует упускать из виду и достаточно обоснованное суждение Х. Короглы: «Преобладающее большинство версий и вариантов этого сюжета создавалось этнически родственными племенами... Очевидно, образ эпического богатыря (Алып-Манаша, Алпамыша) в далеком прошлом был известен многим генетически близким и родственным племенам (кипчакам, огузам и пр.), в дальнейшем независимо друг от друга они складывали вокруг этого образа свои специфические сказания, используя отдельные мотивы древних произведений, в том числе и мотив героического сватовства»³⁷. Это положение Х. Короглы может быть подтверждено и материалами татарского фольклора.

В татарской версии сказания ясно прослеживаются мотивы древней богатырской сказки³⁸. Об этом прежде всего свидетельствует традиционнo-эпическое имя богатыря. В татарской версии оно слегка изменено. В отличие от узбекского (Алпамыш), казахского (Алпамыс) и таджикского (Альпамыш)³⁹ вариантов имени по-татарски это имя произносится как *Алпамша* с характерным прибавлением к собственному имени суффикса *ша* по типу *Мухаметша*, *Ахметша*⁴⁰.

В разговорном языке имя *Алпамша* употребляется и в значении «великан, исполин»⁴¹, что, в свою очередь, роднит Алпамшу с богатырями-великанами, описанными в книгах Ибн-Фадлана и ал-Гарнати. Следует заметить, что слово это в татарском языке употребляется и как нарицательное имя в форме *алпамыш*. В этом случае оно обозначает не только сказочного богатыря, но просто крупного, здорового человека⁴².

³³ «Татар халык ыжаты. Әкиятләр» (беренче китап). Казан, 1977, стр. 396—397.

³⁴ Там же, стр. 268—276.

³⁵ В. М. Жирмунский. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии. — «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958, стр. 41; А. А. Валитова. Татарская версия эпического сказания «Алпамыш». — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.

³⁶ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 117—348.

³⁷ Х. Короглы. Огузский эпос (Сравнительный анализ). — «Типология народного эпоса». М., 1975, стр. 64—65.

³⁸ См.: Ф. Урманчиев. Халык эпосының гүзәл бер урнәге. — «Татар әдәбияты мәсьәләләре». Жиденче китап. Казан, 1976, стр. 48—58.

³⁹ См.: «Алпамыш. По варианту Фазила Юлдаша». М., 1958; «Алпамыс — батыр». Алма-Ата, 1961; «Альпамыш». Сталинабад, 1959.

⁴⁰ Возможно, что прибавление суффикса *ша* связано с древними обычаями и восходит к эпическим сказаниям, в которых говорится о божественном или царственном происхождении богатыря. Суффикс *ша* характерен для татарского языка: *Алпамша*, *падиша*, чаще — *патша*.

⁴¹ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 33.

⁴² М. Корбангалиев, Р. Газизов, И. Кулиев. Татарча-русча сүзлек. Казан, 1931, стр. 12.

Что касается сюжета сказаний, то рассматриваемый здесь опубликованный вариант не сохранил таких древних, восходящих к богатырской сказке мотивов, как чудесное рождение героя и его богатырское детство, ибо они в татарском фольклоре вообще встречаются редко⁴³. В данном варианте нет описания и ритуала наречения именем богатыря. Причина, видимо, та же, хотя в реальном быту татарского народа и этот обряд существовал, правда, соответственно канонам ислама⁴⁴. Лишен герой также характерной для него в других версиях магической неувязимости.

Весьма своеобразно описан мотив добывания богатырского коня: троекратно испытываются сила и выносливость коней, а выбор падает на самого захудалого. Однако в дальнейшем развитии сюжета выбранный конь не играет никакой роли, ибо это не богатырский конь, обладающий волшебными свойствами. А богатырь — герой народного эпоса, должен обязательно иметь чудесного коня, друга и помощника. И герой добывает такого коня у своего врага, что является следствием более поздней поэтической трансформации древнего мотива. Для достижения своей цели богатырь прибегает к хитрости, что говорит о вплетении в сюжет героического сказания авантюрно-приключенческого мотива, характерного для приключенческих сказаний. «Хитрость не в характере богатырей»⁴⁵. Она не подобает и такому могучему богатырю, каким является Алпамша. В средние века, особенно в новое время, в казанско-татарском фольклоре традиционные каноны богатырских сказок постепенно забывались и вытеснялись приключенческими мотивами.

Сохранению сюжета сказания до наших дней способствовала популярность в народе имени героя, как могучего богатыря, и легенд о волжском великане. На изменение мотивов сказания и функций его действующих лиц повлияли изменившиеся условия жизни татарского народа в X—XV веках. В этот период уже не скотоводство, а земледелие играло ведущую роль в хозяйственной деятельности народа. Именно поэтому образ Алпа в татарском фольклоре нередко связывается не столько со скотоводством, сколько с хлебопашеством.

Одно из важнейших звеньев сюжета богатырской сказки и героического эпоса составляет сватовство героя. В наиболее древних вариантах народного эпоса большое место отводится образу богатырской девы. Мотив предбрачного поединка между женихом и невестой сам по себе является очень древним. Борьба за невесту приобретает чрезвычайную остроту и выходит за рамки не только личного соперничества, но и столкновений отдельных общин, родов, племен. Здесь друг другу противостоят добро и зло, свет и тьма, щедрость и корысть и т. д.

В татарской версии в роли богатырской девы выступает Сандугач. В варианте, опубликованном в упомянутом сборнике сказок, она, вместо снувшего богатырским сном Алпамши, сама вступает в бой с царем Кылтапом, который в тяжелом бою ее ранит, а Алпамшу уводит в плен. Сандугач изображается богатырской девой лишь в бою. В одном из рукописных вариантов сказания Сандугач ставит условием вступления в брак победу будущего мужа над ней в поединке. В этом, по-видимому, следует видеть отголоски эпохи матриархата.

Мотивы более поздних форм брака встречаются в печатном варианте «Алпамши». Здесь поединок происходит между претендентами на

⁴³ См.: «Татар халык ижаты. Әкиятләр» (беренче китап); (икенче китап). Казан, 1978.

⁴⁴ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 266—267.

⁴⁵ В. П. Аникан. Русский богатырский эпос. М., 1964, стр. 117.

руку Сандугач. При этом главную роль играет уже ее отец — царь, объявляющий, что выдаст свою дочь за победителя.

Но борьба Алпамши за невесту на поединке не кончается. В сказании нашли отражение характерные для эпохи феодализма распри, хотя основной конфликт и в дальнейшем определяется борьбой за создание семьи, что является главным стержнем героического эпоса многих народов⁴⁶. В рукописном варианте царь Кылтап выступает прежде всего как соперник, пытающийся завладеть Сандугач. Но главное — он хочет расправиться с героем.

В рассматриваемом варианте эпоса на первый план выступает идея защиты не только своей семьи, но и родного края от чужеземцев. Алпамша и Сандугач предстают героями этой борьбы, которая для средневековой Булгарии была достаточно актуальной, особенно в период набегов кочевников и пашествия монголов⁴⁷. Идсей борьбы против наших иноземцев проникнут целый ряд легенд, преданий и баитов татарского народа⁴⁸. Этот мотив постепенно, хотя и не полностью, начинает вытеснять из произведений фольклора тему борьбы за собственную семью.

Плененный во время магического сна, Алпамша проводит в темнице несколько лет. Мотив пленения героя и многолетнего его пребывания в застенке перекликается с древними представлениями о посещении сказочно-мифологическим персонажем загробного мира⁴⁹.

В сказании богатыря вызывает из темницы (но не из плена!) дочь вражеского царя в связи с обещанием богатыря жениться на ней и, таким образом, остаться у Кылтапа. Но подлинное освобождение приносит герою чудесный конь Акбузат. В этом вновь проявляется архаичный мотив.

Далее в сказании наступает по принятой в фольклористике терминологии⁵⁰ «второй круг» повествования, полностью соответствующий широко распространенному в мировом фольклоре сюжету «муж на свадьбе своей жены»⁵¹. В типологически наиболее архаичных вариантах этого сюжета муж, оставляя свою жену, устанавливает срок, в течение которого она должна его ждать. Алпамша ставит об этом в известность Сандугач через друга, которого вызывает к себе, послав к нему дикого гуся (так называемая «голубиная почта»).

Интересен этот эпизод тем, что в нем вместо голубя в «голубиной почте» выступает гусь. «Голубь как почтовая птица впервые был применен на Востоке около двух тысяч лет тому назад. Голубиная почта была известна и китайцам, с которыми тюркские народы соприкасались и вели многочисленные войны»⁵². Отдаленные отзвуки этого мотива сохранились и в татарской народной лирике. На практике же «голубиной почтой» пользовались еще и в XIX веке⁵³.

По словам академика И. И. Толстого, «в тех случаях, когда верность жены оговорена определенным сроком, свадьба всегда приходит-

⁴⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 40.

⁴⁷ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 57—60.

⁴⁸ «Барынгы татар әдәбияты», стр. 17—180.

⁴⁹ И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, стр. 67.

⁵⁰ См.: Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, стр. 171—172.

⁵¹ Принято считать, что этот «древний сюжет сложился первоначально на Востоке». — См.: «Русское народное поэтическое творчество». М., 1969, стр. 221.

⁵² Н. Улагашев. Алта-Бучай. Новосибирск, 1941, стр. 43.

⁵³ См.: «„Голубиная почта“ в Западной Европе в XIX в.». — В журн.: «Современный век», 1852, № 1, стр. 107—111.

ся на момент окончания срока»⁵⁴. В рассматриваемой версии Алпамша возвращается на родину раньше назначенного срока на один-два месяца. Возможно, именно в связи с этим в произведение вводится несколько эпизодов, как бы растягивающих действие.

Отец Сандугач собирается вновь выдать ее замуж. Одним из характерных моментов сюжета «муж на свадьбе своей жены» является «предупреждение свадьбы в последнюю минуту: вот-вот жена станет супругой другого»⁵⁵. Этот момент в «Алпамше» сохраняется, хотя и с некоторыми отступлениями от требований традиционного сюжета. Муж возвращается, как и положено, сильно изменившимся: ни жена, ни близкие сперва его не узнают. На свадьбу герой приходит под видом нищего, и здесь его обман обнаруживается.

Однако царь не верит, что перед ним богатырь, не хочет прерывать свадьбу и требует, чтобы тот своим мастерством доказал, кто он. Так начинается повторное состязание женихов.

Само происхождение древнего мотива повторного испытания богатыря связано с первобытными представлениями о его пребывании в «потустороннем мире», вернее, в так называемом «большом доме», где он должен был овладеть новым для него ремеслом.

Данный эпизод, представленный в «Алпамше» несколько в бытовом плане, не выполняет в полной мере своей основной эстетической функции. Поэтому в сказание вводятся дополнительные мотивы с достаточно ясно выраженными архаичными чертами.

По словам И. И. Толстого, «Финальная тема срыва налаженной свадьбы знает два типа разрешения: мирный тип и насильственный... И именно по второму, более редкому и, может быть, более древнему типу разрешается эта тема в „Одиссее“»⁵⁶. Этот «древний тип разрешения конфликта» характерен и для сказания «Алпамша».

Победив в повторном испытании, богатырь утверждает в своих правах. Таким образом, конфликт в сказании разрешается насильственно. Анализируемый вариант сохраняет значительно переосмысленные, трансформированные, но совершенно ясно прослеживаемые и легко восстанавливаемые отголоски древности⁵⁷. О заключительных эпизодах сказания «Алпамыш», с которыми перекликаются и последние строки его татарской версии «Алпамша», академик В. М. Жирмунский писал следующее: «Только в „Одиссее“ и в „Алпамыше“ сохранилась героическая развязка „возвращения мужа“ — состязание с женихами-самозванцами и свадебными гостями в стрельбе из богатырского лука, который может натянуть лишь возвратившийся на родину герой, его хозяин»⁵⁸. Особенности содержания татарской версии сказания указывают на то, что она является своеобразным вариантом древнейшего эпического сюжета, распространенного как на Западе, так и на Востоке.

Сказание «Алпамша» по своему содержанию, основным образом достаточно тесно соприкасается со многими другими национальными версиями этого эпоса. Но по своей форме, художественным особенностям и, в конечном счете, — по типологии жанра «Алпамша» значительно отличается от других версий сказания. Проведя подробный сравнительный анализ татарской и среднеазиатских версий сказания «Алпамыш», А. А. Валитова отметила такие отличительные особенности

⁵⁴ И. И. Толстой. Статьи о фольклоре, стр. 64.

⁵⁵ Там же, стр. 65.

⁵⁶ Там же, стр. 68.

⁵⁷ Подробнее см.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 179—182.

⁵⁸ В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, стр. 286.

татарской версии, как отсутствие темы борьбы против джунгар и отсутствие калмыцких походов богатыря⁵⁹. Это вполне естественно для татарского «Алпамши», ибо калмыцкие походы проходили вдали от Среднего Поволжья, где записана татарская версия сказания.

Нет в рассматриваемой версии также локального приурочивания воспроизводимых эпизодов к конкретным событиям⁶⁰.

В татарской версии сказания есть ряд стихотворных вставок, свидетельствующих о ее связи с народным эпосом. В этих стихотворных отрывках переданы переживания героя. «Между тем, — пишет А. А. Валитова, — психологизация, тонкая разработка душевных движений и переживаний — явление, не свойственное жанру сказки. Оно более присуще героическому эпосу. Поэтому нам думается, что хотя песенные вставки в сказке самобытны, но сам принцип включения лирических мотивов в сказку „Алпамша“ идет от эпоса и еще раз подчеркивает ее переходное состояние от эпоса к сказке»⁶¹.

Действительно, «Алпамша» имеет много общего с жанром народных сказок. В этом отношении он очень близок к башкирскому сказанию в публикации А. Бессонова⁶².

Татарская версия сказания и версии узбекская, казахская, каракалпакская относятся к разным типам народной эпики, ибо в фольклоре этих народов сказания об Алпамыше представлены как типичные, классические образцы произведений народного героического эпоса. Развитие татарской версии связано с рассмотренными выше легендами о волжском богатыре и со сказками, бытовавшими в народе. С этим же связаны процесс демократизации образа Алпа из приведенных выше легенд о волжском богатыре и модернизация ряда мотивов татарской версии сказания «Алпамша».

---

⁵⁹ А. А. Валитова. Татарская версия эпического сказания «Алпамыш», стр. 180.

⁶⁰ Там же, стр. 181.

⁶¹ Там же, стр. 190.

⁶² «Башкирские народные сказки». Уфа, 1949, № 19.

ОНОМАСТИКА

А. КАМАЛОВ

О ТОПОНИМИИ БАШКИРИИ

Первые сведения о топонимии Башкирии относятся к X веку. В книге арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, проехавшего в 921—922 годах по юго-западу Башкирии, было отмечено несколько названий, в частности Јајуџ (ныне Урал), Үгүуб и др.¹ Топонимия же Башкирии периода между X и XVI веками нашла отражение только в башкирских шежере². Ценность этих сведений заключается в том, что они донесли до наших дней топонимические названия в неизменной форме. Данные о географических названиях Башкирии XVII века имеются в «Книге Большому Чертежу» и на картах географа С. У. Ремезова³. Сведения же о топонимии XVIII—XIX веков можно почерпнуть из трудов И. К. Кириллова, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, П. И. Рычкова, П. П. Семенова-Тяньшанского, В. Н. Татищева, В. М. Черемшанского⁴ и др.

Последние авторы, хотя и не задавались целью специально изучить географические названия Башкирии, однако проделали в этом плане немалую работу. Особо следует выделить «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии» П. И. Рычкова, являющийся по существу первым топонимическим словарем Башкирии. В нем приводятся ценные сведения (особенно по Зауральской Башкирии), не нашедшие отражения в исторической и географической литературе⁵. К сожалению, этот словарь в свое время не был издан и его рукопись хранится в настоящее время во Всесоюзной государственной библиотеке им. В. И. Ленина (фонд. 313).

¹ См.: А. В. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

² «Башкирские шежере». Уфа, 1958; Р. З. Шакуров. Ономастическое наследие башкирских шежере. — В кн.: «Ономастика Поволжья», № 3. Уфа, 1973.

³ «Книга Большому Чертежу». М.—Л., 1950; Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642—1720 гг. М., 1965.

⁴ И. К. Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства. СПб., 1831; И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1773 гг. Части I—IV. СПб., 1795—1805; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786—1788; П. И. Рычков. История Оренбургская. СПб., 1759; его же. Топография Оренбургская. СПб., 1762; П. П. Семенов-Тяньшанский. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863—1885, тт. I—V; В. Н. Татищев. Лексикон Российский, политический и гражданский. Части I—III. СПб., 1793; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859.

⁵ См.: А. А. Камалов. «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии» П. И. Рычкова — источник по ономастике Башкирии XVIII века. — В кн.: «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала». Уфа, 1977.

В 1881 году Р. Г. Игнатъев опубликовал статью «Названия вод, урочищ и проч., как памятники югров в Уфимской провинции», в которой приведен обширный перечень названий различных географических объектов⁶. В конце статьи напечатаны примечания А. Бессонова, впервые попытавшегося объяснить географические названия Башкирии (всего 484).

Подлинно научное исследование топонимии Башкирии началось в 50-х годах нашего столетия. Основные принципы анализа топонимических названий Башкирии были разработаны Дж. Г. Киекбаевым⁷. В последующие годы проводился фронтальный сбор топонимического материала и было начато планомерное исследование его отдельных аспектов, написаны диссертации по названиям рек, озер и топонимии бассейна реки Дема⁸.

На территории Башкирии, как известно, издавна обитали различные племена и народности⁹. Башкирская нация формировалась в тесном контакте с тюркскими и нетюркскими народностями. И в настоящее время в Башкирии живут представители разных национальностей нашей страны: башкиры, русские, татары, украинцы, чуваша, марийцы, мордва и др. Наличие многонационального населения не могло не отразиться и на современной топонимии БАССР.

В результате историко-лингвистических исследований удалось выявить несколько хронологических пластов в топонимии. Наиболее древний пласт — это названия индоевропейского (иранского) происхождения и финно-угорские (пермские, угорские и отчасти волжско-финские), затем следуют тюркские (древнетюркские, болгарские и башкирские) топонимы. Самый верхний слой составляют татарские, русские, украинские, чувашские, марийские, мордовские, эстонские и другие названия, сложившиеся в более поздний период.

К названиям древнеиранского происхождения следует отнести топонимы с элементами *darja*, *zirgān//jergān*, *labau*, *mañ//māñ*, *mañ*, *mañyš*, *ga//gā*, *gāz*, *tājgūk*, *uzalç* и др. Они находят более или менее удовлетворительное объяснение на материале современных персидского и осетинского языков. Специальное исследование иранских элементов в топонимии Башкирии было проведено Н. Д. Гариповой и Т. М. Гариповым¹⁰. На иранское происхождение ряда названий было указано также А. К. Матвеевым¹¹ и Дж. Г. Киекбаевым¹².

Названия с формантами *bed//bið*, *bigāš*, *ða*, *ðarjaš//ðārāš*, *ðas*, *ðašaš*, *jegān*, *iðāš*, *kāteðeš*, *magaš*, *mañ*, *mājgāš*, *naryš//narys*, *tor*, *tōj šaqša*, *yjuq*, *yq*, *är*, *äri ejek* и т. д. связаны с финно-угорскими языками. Можно обнаружить их близость к современным коми, мансийскому, хантыйскому и венгерскому языкам.

⁶ Р. Г. Игнатъев. Названия вод, урочищ и проч., как памятники югров в Уфимской провинции. — «Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества», выпуск IV. Оренбург, 1881, стр. 118—147. Примечания А. Г. Бессонова даны на стр. 147—169.

⁷ Дж. Г. Киекбаев. Вопросы башкирской топонимики. — «Ученые записки Башкирского государственного пединститута им. К. А. Тимирязева». Вып. 8, серия филологическая, № 2. Уфа, 1956, стр. 230—247; его же. Башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.

⁸ А. А. Камалов. Гидронимия Башкирии. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1969; Р. З. Шакуров. Топонимия бассейна реки Дема. Автореф. канд. дисс. М., 1973.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР». Уфа, 1956, т. I, ч. I.

¹⁰ Н. Д. Гарипова и Т. М. Гарипов. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии. — В кн.: «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964, стр. 185—189.

¹¹ А. К. Матвеев. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. — В кн.: «Вопросы археологии Урала». Свердловск, 1961, вып. 1, стр. 133—142.

¹² Ж. Ф. Киекбаев. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966, стр. 115.

Л. Рашоньи связывает названия *Magaš, Iđäš, Qondoroš, Bigäš* с венгерским языком¹³. Эту точку зрения разделял и Ю. Немет¹⁴, который указал на некоторые башкирско-венгерские изоглоссы в области этнонимии. Дж. Г. Киекбаев расширил группу названий¹⁵, связанных с венграми, отнеся к ним еще *Jänekä, Jänekäj, Uŋgar* и т. д. Дальнейшее изучение топонимии позволило выявить наличие и других названий финно-угорского происхождения с элементами *egän, kätęęę, tor, ыйык* и т. д. Финно-угорские названия распространены по всей территории Башкирии, однако большинство их приходится на северные и горные районы республики.

Самую многочисленную группу топонимов, естественно, составляет тюркский (башкирский) пласт, состоящий из двух слоев. Более ранний слой включает названия, имеющие соответствия в монгольском, болгарском и современных тюркских языках. Аpellятивы подобных названий в современном башкирском языке не представлены. К ним относятся названия с элементами *balqaŋ//malqaŋ, җабу//gäbe, җабаq, irän, qondor//qandyq, noqa//nuqa, öjäd, öjädän, örgön, ösän, sal, sala, ur, uraŋ, heęer//sangar, ämäl, äüed, jantıq* и многие другие.

Названия второго слоя объясняются на основе современного башкирского языка и в некоторых случаях не имеют аpellятивных соответствий в других тюркских языках. Наиболее характерно в этом плане слово *qaqaŋ*, представленное только в современном башкирском языке. Ареал топонимов с компонентом *qaqaŋ* указывает, таким образом, на места обитания древних башкир. В настоящее время на этническом материале доказано, что древнебашкирские племена проживали именно на территории распространения топонимов с компонентом *qaqaŋ*¹⁶.

Специфическую группу башкирских названий составляют топонимы, в состав которых входит слово *ајуг*. Если слово *qaqaŋ* в других тюркских языках не представлено, то термин *ајуг* сохранился во многих из них, в частности в алтайском, западносибирском, татарском, казахском, каракалпакском, киргизском, узбекском и в других языках. Несмотря на это, топонимы с компонентом *ајуг* в Башкирии образуют замкнутый ареал: они сосредоточены преимущественно в южных районах Башкирской АССР, а по мере продвижения на север их становится все меньше и меньше (см. карту № 1). Это свидетельствует о том, что те, кто дал населенным пунктам эти названия, прежде жили на юге Башкирии и постепенно продвигались на север.

Для определения этнической принадлежности топонимов были исследованы территории их распространения. Удалось установить, что топонимы, в состав которых входит слово *айыр*, записаны в деревнях, где проживают потомки племени кыпчак. Топонимическая карта в данном случае перекрывается этнической (см. карту № 2). Таким образом, сопоставляя лингвистические данные с этническими, можно с большой долей вероятности определить этническую принадлежность некоторых топонимов. Как известно, кыпчакский компонент сыграл значительную роль в этногенезе ряда тюркоязычных народов¹⁷. Если исходить из того,

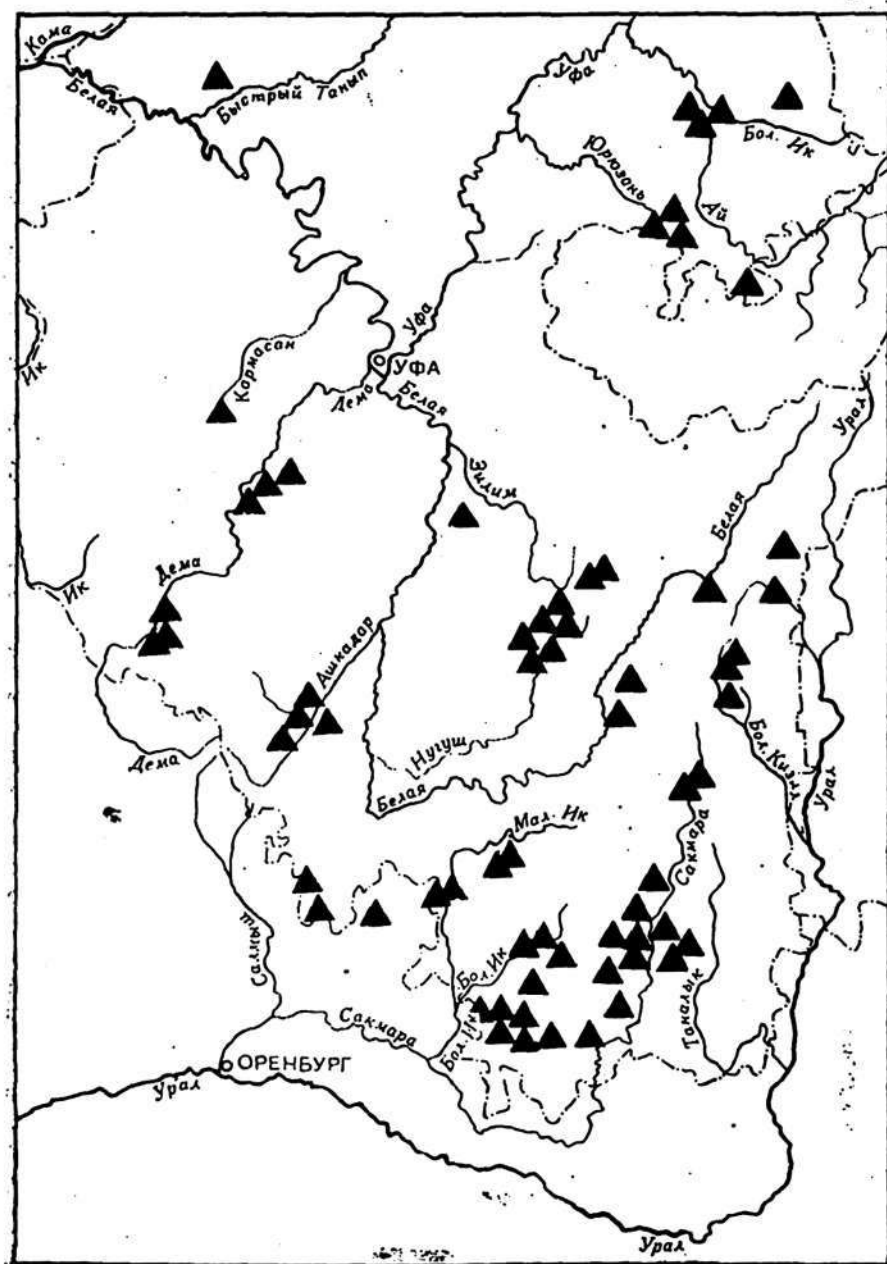
¹³ *Laszlo Rasonyi. Başkurt ve macar yurtlarındaki ortak coğrafi adlar üzerine. — «X. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler 1963'ten ayırbasım». Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1964, стр. 105—112.*

¹⁴ *J. Nemeth. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. — «Acta Linguistica», т. XVI, № 1—2, 1966, стр. 6.*

¹⁵ *Ж. Ф. Киекбаев. Мадьяр-орсағ — венгер иле. — Газ. «Совет Башкортостаны», 17. 19 июня 1965; его же. Вопросы башкирской топонимики. — «Ученые записки Башкирского государственного пединститута им. К. А. Тимирязева». Вып. 8, серия филологическая, № 2. Уфа, 1956, стр. 230—247.*

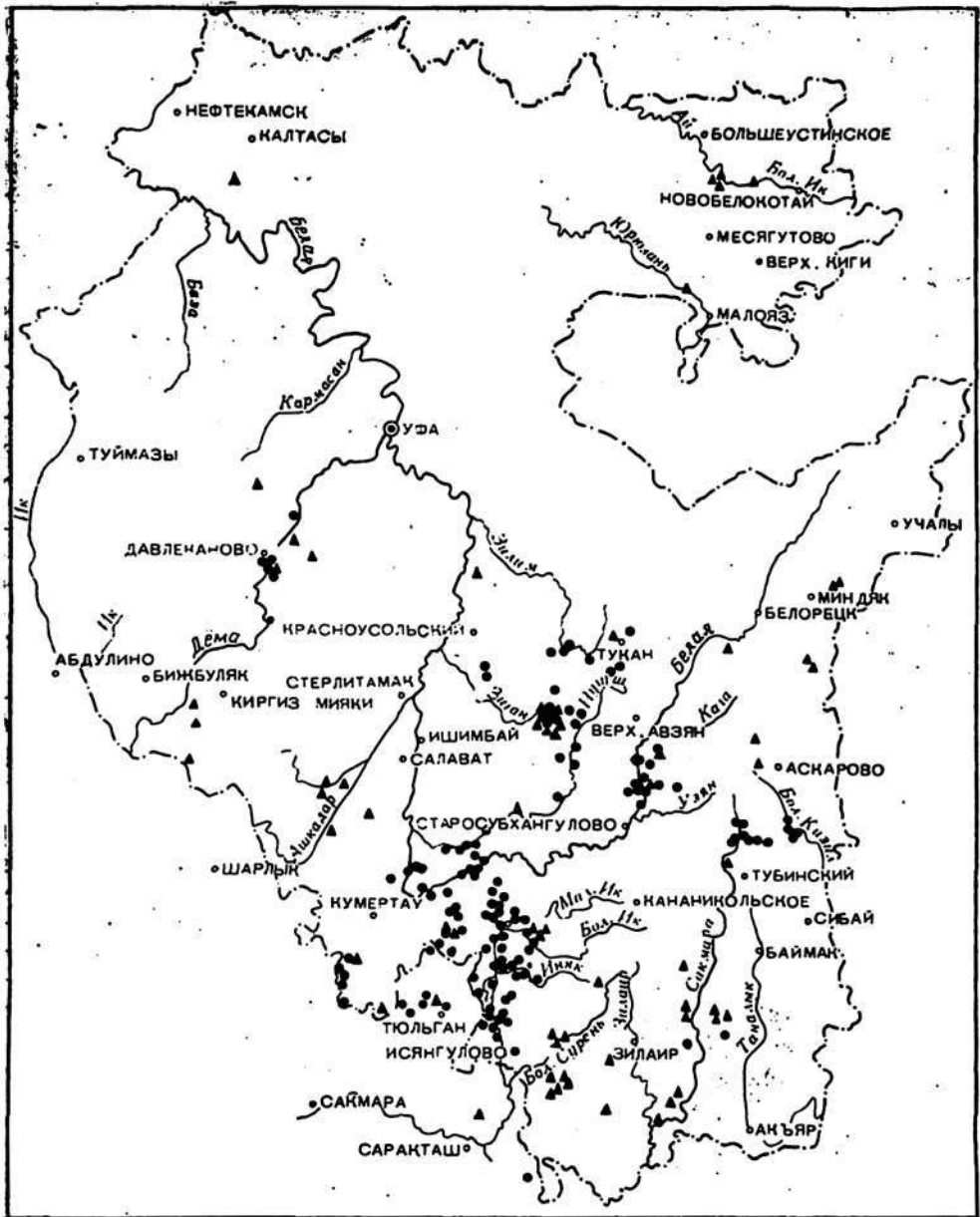
¹⁶ *Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, стр. 48.*

¹⁷ См.: *там же*, стр. 196.

Распространение топонимов с компонентом *ajur*.

Карта № 2

Расселение потомков племени «кыпчак» и распространение топонимов с компонентом ајуг.

● — башкиры-кыпчаки,

△ — топонимы с компонентом ајуг.

что термин *айыр* и топонимы с ним обязаны своим происхождением кыпчакам в Башкирии¹⁸, то можно высказать предположение о кыпчакском происхождении географических названий с этим компонентом и в других тюркских языках, а это указывает на наличие кыпчакского компонента и в них. Разумеется, башкирский пласт топонимов не исчерпывается только указанными типами названий. Башкирских топонимов очень много, они разнородны по составу и требуют специального исследования.

подавляющее большинство топонимов русского происхождения образовано не от личных имен, что характерно для тюркской ойконимии, а от фамилий. Если башкирские населенные пункты часто названы по имени первого поселенца, то в русских названиях отражены фамилии владельцев имений — помещиков и купцов. Таковы, например, названия: Аксаково, Артюковка, Балашово, Дурасово, Зубово, Каменка, Левашево, Мармылево, Пальчиково, Пекарская, Самарино и др. Массовый приток в Башкирию русских и других переселенцев приходится на XVIII—XIX века. Сюда переселились выходцы из бывших Вологодской, Владимирской, Калужской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тульской и других губерний. Нередко переселенцы переносили на новое поселение название прежнего места жительства. Таковы, например, названия населенных пунктов: Орловка, Пенза, Рязановка, Саратовка, Тавричанка и др.¹⁹

Некоторые названия русских населенных пунктов связаны с событиями, восстановить которые сейчас уже невозможно. Это названия типа: Краденое, Отрада, Потеха и т. п. В ряде топонимов нашли отражение наименования православных церковных праздников.

Татарские названия от башкирских отличаются фонетическим оформлением и лексическим составом. Замечено, что в башкирских сложных названиях более употребительно слово *йрге* 'верхний', в татарских — его синоним *йуагу*. В татарских ойконимах чаще встречается форма с *tübäp* 'нижний', нежели с его синонимом *tübänge*. В топонимии западной Башкирии, где башкирский и татарский языки взаимодействуют, отмечается употребление формы с термином без аффикса принадлежности 3-го лица.

Из других компонентов, участвовавших в создании современной топонимии Башкирии, можно указать еще на чувашский. Чувашские названия носят деревни с чувашским населением. В большинстве случаев это кальки с башкирского языка. Например, название Хугду в Кумертауском районе является переводом с башкирского *Qağajtau* 'Сосновая гора'. Вместе с тем есть и собственно чувашские названия, например, *Sene Pıgnas* 'Новая жизнь' и др.

В количественном отношении самую большую группу составляют, как уже отмечалось, башкирские названия. Ко времени прибытия переселенцев из других областей России здесь уже была образована устойчивая местная топонимическая система, о чем свидетельствует и тот факт, что определенная часть татарских и русских населенных пунктов именуется в соответствии с названиями башкирских деревень. Многочисленны названия типа: *Башбармак* 'Башкирский Бармак' и Русский Бармак, *Башкорт Әлмәсе* 'Башкирское Альмясово' и Альмясово, *Башкорт Самазыны* 'Башкирская Чумаза' и Чумаза, *Башкорт Илсекәйе* 'Башкирское Ильчикеево' и Ильчикеево, *Башкорт Бөркөтө* 'Башкирское

¹⁸ А. А. Камалов. Кыпчакские элементы в топонимии Башкирии. — В кн.: «Всесоюзная тюркологическая конференция. 27—29 декабря. Тезисы докладов и сообщений». Алма-Ата, 1976, стр. 264—265.

¹⁹ Список населенных мест приводится по книге: «Уфимская губерния». СПб., 1877.

Беркутово' и Беркутово, *Башсерегол* 'Башкирское Серегулово' и Серегулово и т. д.

В топонимах часто сохраняются древние фонетические и морфологические явления. В современной топонимии Башкирии зафиксирован ряд звуковых соответствий, либо исчезнувших из живого словоупотребления, либо сохранившихся как реликтовые явления. Например: соответствие $\ddot{u}-\ddot{o}$ (*tübä—töbä, küđjylga—köđjylga*), $e-i$ (*Elmäle—Ilmäle, Beđ—Biđ*), $e-ä$ (*Enjak—Anjak*), $o-u$ (*Balannoj—Balannuj*), $i-y$ (*Rauil—Rauyl*), $ä-i$ (*Bešätäk—Bišitäk, Berätäk—Beritäk, Kügädel—Kügiđel*), $e-a$ (*Ergäješ—Jarajyš—Arjajaš, Ergäde—Jarjadu*), $l-đ$ (*Elem—Eđem, Sile—Siđe*), $t-k$ (*Teläš—Keläš*), $\phi-h$ (*Quða—Quha*), $z-j$ (*Zäjekül—Jäjekül*), $\acute{s}-j$ (*Šäjek—Jäjek*), $t-d$ (*tüngäk—düngäk, tüngäüer—düngäüer*), $n-l$ (*Nämäd—Lämäd*), $r-z//đ$ (*oro—öđö, jura—jyđa, šar—hađ, yğma—yđma*); переход звуков $d>\delta>j$ (*Adyrtau—Ađyrtau—Ajyrtau*) и т. д.

В числе словообразовательных аффиксов имеются реликтовые: *-sar* (*Qaramasar*), *-yš, -oš, -äš* (*Jylanyš, Surtanyš*) и др.

В топонимической лексике также сохранились не представленные в современном башкирском языке слова (*berğamyt* — название определенного сорта груши и др.). В некоторых топонимах нашли отражение когда-то существовавшие на территории Башкирии, а ныне исчезнувшие виды животных, птиц, деревьев (*qolan* 'кулан', *berğabaп* 'пеликан', *qauđu* 'анст', *qubuлаyas* 'красное дерево').

Исключительный интерес представляют повторяющиеся названия (топонимы). Так, например, зафиксированы многочисленные названия с антропонимами *Küsej* и *Küsem* в Абзелиловском, Баймакском, Ишимбайском и Мелеузском районах. Полевые материалы позволяют предположить, что эти названия имеют единое происхождение.

Повторяются названия типа *Nöğöš* в Абзелиловском, Мелеузском, Белокатайском и Туймазинском районах. Главным образом в тех же районах встречаются названия с компонентами: *ejek, yjuq, yq, šiđe//šađu//šijđäle*.

Зафиксировано совпадение некоторых башкирских топонимов с названиями, распространенными далеко за пределами Башкирской АССР. Например, топоним *Һеңгән* находится в Еркееевском районе, а этноним того же звучания — в Челябинской области, гидроним *Botogoz* — в Хайбуллинском районе, этноним *butigus* — в Якутской АССР, гидроним *Maty* — в Балтачевском районе, этноним *maty* — в Казахской ССР.

Разумеется, не всегда эти названия имеют единое происхождение. Однако подобные совпадения могут стать отправной точкой для дальнейших историко-этимологических разысканий.

В структурном отношении названия подразделяются на простые и сложные. Простые производные названия образуются при помощи топонимобразующих аффиксов: *-ly, -le; -ty, -te; -đu, -đe; -dy, -de; -al, -l; -aj, -äj* и т. д. Сложные названия состоят из двух и более слов и представляют собой определительную синтагму. Значительная часть их — это детерминативные определительные сочетания²⁰, совпадающие по структуре с конструкцией тюркского изафета первого (древнейшего) типа²¹. Другую часть сложных названий составляют словосочетания типа *Dim jylgahy, Öfö qalahy, Ural tauy*. Фактически собственно названием

²⁰ Н. А. Баскаков. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 16.

²¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 224.

является только первое слово сочетания, а второе — номенклатурный термин, указывающий только на род или вид объекта.

Немало названий представляют собой развернутые определительные словосочетания, например: *Tajhuǰan, Tākāhuqqan, Jylqysuqqan, Atyššugan, Köntejmäð, Küðtejmäð, Külepbiǰe*.

В лексико-семантическом отношении названия географических объектов несколько различаются между собой. Основным источником возникновения гидрографических названий являются физико-географические особенности самого объекта. В числе наименований населенных пунктов больше названий, объясняющихся условиями общественно-экономической жизни народа.

Самую большую лексико-семантическую группу составляют названия, ведущие свое происхождение от личных имен, фамилий и прозвищ.

Однако антропонимичность всех разрядов географических названий неодинакова. Если антропоним в составе микропонима (например, *Ахмät sabупу* 'покос Ахмета') указывает на то, что этот объект принадлежит (или принадлежал) только одному лицу, то в названии населенного пункта антропоним приобретает этнонимическую окраску, ибо антропоним в составе названия населенного пункта по существу является патронимом. В этой связи определенный интерес представляет изменение названия деревни с использованием другого антропонима. Переименование в подобных случаях свидетельствует об изменениях в самой патронимической структуре деревни. Антропоним в названии населенного пункта — это имя главной, наиболее влиятельной семьи, патрона деревни. Этот факт позволяет высказать предположение об антропонимическом происхождении большинства этнонимов.

Изучение географических названий имеет огромное практическое значение, ибо все еще наблюдается разноречивость в их правописании как на русском, так и на башкирском языке. Нет единообразия в орфографии и передаче башкирских названий на русский язык. Нередки случаи прямого искажения исконной формы названия. Иногда даже официальные справочники содержат неправильные рекомендации. Например, в справочнике «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление»²² название деревни *Иске Айыу* в Илишевском районе передано на русский язык в форме «Старомедведево». Основной компонент данного названия (здесь *Айыу*) не должен переводиться, его следует транскрибировать. Таких примеров можно было бы привести немало.

В целях удовлетворения, главным образом, практических нужд — правильного написания топонимов на родном языке и передачи их на русский язык — в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР подготовлен «Топонимический словарь Башкирии», о принципах составления которого было доложено на III Поволжской ономастической конференции, состоявшейся в 1971 году в Уфе²³.

В настоящее время топонимисты республики заняты углубленным лингвистическим изучением отдельных аспектов топонимии Башкирии.

²² «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление». Уфа, 1973.

²³ А. Камалов. О принципах составления «Топонимического словаря Башкирии». — В кн.: «Ономастика Поволжья», № 3. Уфа, 1973.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. С. АГАЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Функциональные стили, сформировавшиеся на основе общеязыковых фонетических, грамматических, лексических и синтаксических элементов, различаются характером использования этих элементов, лингвистическими особенностями выразительных средств, причем проявление различия стилей имеет свою специфику на каждом из уровней языка. В то же время стилистическая дифференциация языка отнюдь не предполагает возникновения непроницаемых перегородок между стилями. Сосуществование функциональных стилей характеризуется их активным взаимодействием и взаимопроникновением.

Изучение взаимодействия функциональных стилей представляется перспективным с точки зрения их соотношения с функционально-смысловыми типами речи (рассуждением, описанием, повествованием), которые являются «надстилевыми, обладающими своими закономерностями независимо от стиля»¹.

Взаимосвязи между стилями азербайджанского языка и их взаимодействие — неисследованная область азербайджанского языкознания. В данной статье предпринята попытка рассмотреть дифференциальные признаки и сходные черты функциональных стилей с учетом их диалектического единства и взаимопроникновения характерных элементов.

Как известно, процесс дифференциации стилей происходит на относительно поздних этапах развития литературного языка, и формирование стилей связано с четким проявлением их важнейших экстралингвистических и лингвистических внутриязыковых признаков.

В современных исследованиях стили литературного языка характеризуются главным образом с точки зрения экстралингвистических признаков. Однако последние проявляются в рамках определенных лингвистических средств, поэтому изучение языковых единиц, с помощью которых реализуются экстралингвистические признаки, относится к важным задачам функциональной стилистики.

Экстралингвистические признаки в качестве общих дифференциальных признаков стилей манифестируются единицами различных уровней языка. При этом выделение единиц, присущих исключительно данному стилю, представляет известные трудности, так как одни и те же лексические, морфологические и синтаксические элементы наблюдаются во всех стилях, в том числе как в художественном, так и в научном. Вместе с тем каждый из стилей (в данном случае научный и художест-

¹ Е. С. Троянская. Актуальные проблемы исследования функциональных стилей. — В кн.: «Лингвистические исследования научной речи». М., 1979, стр. 7.

венный) имеет свои специфические экстралингвистические признаки, связанные с формированием определенных языковых средств, характерных для того или иного конкретного стиля.

Взаимопроникновение элементов различных стилей не препятствует успешному развитию последних. Напротив, элементы научного стиля придают художественному стилю большую конкретность, точность, последовательность, а элементы художественного стиля, в свою очередь, обогащают научные тексты новыми выразительными средствами.

Экстралингвистические особенности художественного стиля характеризуются использованием в основном следующих лингвистических средств:

1. Лексические средства. Лексические средства художественного стиля чрезвычайно обширны. К их числу относятся: полисемия, перенос значения, диалектная лексика, элементы разговорного языка, заимствования, жаргонные слова и т. д.

Использование полисемии различных частей речи способствует эмоциональности и образности художественных текстов. Приведем несколько примеров многозначных слов: *tülkü* 'лиса' (в переносном значении «хитрец»), *šejtanlyg* 'фискальство', 'ябедничество' (от *šejtan* 'черт, дьявол'), *lüt* 'голый' (пер. «бедный»), *saxlamag* 'хранить', 'содержать', 'задерживать', *бахмаг* 'смотреть', 'заботиться', 'повиноваться', 'рассматривать (дело)' и т. д.

Важную роль в придании художественному стилю эмоциональности и образности играют: лексические повторы [*hörtüm-hörtüm* 'прихлебывая (пить)', *tajtyja-tajtyja* 'прихрамывая (идти)' и т. д.], искаженные слова (*gämädijä* 'комедия' и т. д.), диалектизмы (*гузанмаг* 'замахнуться', *гамагламаг* 'схватить, захватить' и т. д.).

2. Фразеологические средства. Одной из характерных стилистических особенностей языка художественных произведений является широкое использование фразеологических сочетаний как лингвистических единиц, создающих выразительность и образность авторских описаний и речи персонажей.

Фразеологические сочетания, характеризующиеся многозначностью, омонимией, синонимией и антонимией, обогащают художественный текст экспрессивными и эмоциональными оттенками.

Многозначность фразеологических сочетаний проявляется в том, что, будучи эквивалентом определенной лексической единицы, они в то же время обладают и переносными значениями. Например, эквивалентом сочетания *üz gojmağ* является глагол *getmäk* 'идти, направляться'. В художественном же стиле это сочетание может употребляться и в следующих переносных значениях:

1) «начинать»: *Әзиз бир мүддәт донуб галды, Гиймәт ичәри кирән-дә елә бил онун дону ачылды вә данышмаға үз гојду* (Ә. Вәлијев) 'Азиз на какое-то время застыл от удивления, когда Гиймет вошла, (он) как бы оттаял и начал говорить';

2) «не соблюдать приличия»: *Сән онда бир үз гојмусан? Неңә гајытсын?* (Ҙ. Бәркүшад) 'Ты с ним соблюдал приличия? Как же он вернется?'

Фразеологическая омонимия возникает в тех случаях, когда тот или иной оборот, устойчиво употребляясь в одном из переносных значений, становится эквивалентом лексической единицы, выражающей данное значение.

Так, например, в художественных произведениях сочетание *әй ас-таг* 'поднимать руку на кого-либо' часто встречается в значении «прощать милостыню».

Синонимия фразеологических сочетаний во многом сходна с обычной лексической синонимией. Ср. *äl tutmag — äI vermäk* 'поздороваться, протянуть руку': *Онлар эл тутуб көрүшдүлөр* (Эфган) 'Они, подав руки, поздоровались'; *Бу биринчидән хејли ештијатла јеријиб эл верди* (Эфган) 'Этот, подойдя, значительно осторожнее первого подал руку'.

Примером антонимичных фразеологических сочетаний могут служить *xäbär vermäk* 'извещать' — *xäbär almağ* 'получать сведения': *Хәбәр верди ки, ики-үч нәфәр меркәз адамы илә бизә гонаг кәләчәкдир* (Б. Бајрамов) 'Сообщил, что придет к нам в гости с двумя-тремя людьми из центра'; *Хәбәр алсан бу виланын әһвалын...* (Г. Закир) 'Если спросишь о состоянии этой области...'

3. Морфологические средства. Художественный стиль характеризуется следующими морфологическими особенностями:

а) в целом ряде случаев морфологические показатели создают экспрессивность и эмоциональность:

*Мешә ләр! Мешә ләр! Доғрудан да сиз
Јајда да, ғышда да бир баһарсыныз* (О. Сарывәлли)
'Леса! Леса! Вы, действительно,
И летом, и зимой подобны весне';

б) употребление аффиксов морфологических категорий в тексте является свободным, поэтому зачастую затруднительно определять, какому из морфологических показателей отдается автором предпочтение;

в) происходит взаимозамена аффиксов различных времен:

прошедшее время вместо настоящего: — *Нә олду, кәлирсәнми?* — *Жәлдим, көзлә, бу саат!* (Ч. Көзәлов) 'Ну что, идешь? — Приду, как же, сейчас!';

прошедшее время вместо будущего: — *Бала, сән чалдын* («Молла Нәсрәддин ләтифәләри») 'Мальчик, считай, что ты уже играешь';

прошедшее категорическое время вместо прошедшего повествовательного: — *Сиз дә үз ачмағы Мәһсәти ханымдан өјрәндиңиз?* — *Хејр, ондан өјрәнмәдим* (М. С. Ордубади) 'И вы открывать лицо научились у Мехсети-ханум? — Нет, не у нее научилась'.

Эмоциональность в художественном стиле создается также с помощью инверсии, перестановкой того или иного члена предложения или компонентов сложного предложения:

подлежащего: *Чәрраһын ән бөјүк көмәкчисијүк биз* (Б. Бајрамов) 'Самые большие (лучшие) помощники хирурга мы';

дополнения: *Чәмил бәј һирслијди, гулағы јахшы аламырды сәси* (С. Азәри) 'Джамиль-бек был сердит, он плохо слышал звуки';

наречия: *Шүшә дә галхыб һәр дәфәки кими балконда онларын јерини салды, солда — бөјүк үчүн, ортада — ортанчыл үчүн; сағда — кичик үчүн...* (Ә. Әбүлһәсән) 'Шуша, тоже поднявшись, как всегда постелила им на балконе: слева — для старшего, в середине — для среднего, справа — для младшего...';

придаточного подлежащего: *Гој кәлиб бура гол чәксин, ким ки кетмәк истәјир* (Ә. Вәлијев) 'Пусть придут сюда расписаться те, кто хочет уйти';

придаточного сказуемого: *Өзүм кетмәк истәмирәм, елә ишин чәтини будур* (С. Вәлијев) 'Сам я не хочу уйти, в этом-то и заключается трудность';

придаточного определительного: *Она бир кәлмә демәк мүмкүн дежил, о елә надүрүст адамдыр* (Ә. Гасымов) 'Ему ничего невозможно сказать, такой он плут'.

Экстралингвистические особенности научного стиля характеризуются применением соответствующих лексических, морфологических и синтаксических средств, с помощью которых достигается терминологичность, однозначность, конкретность, логичность, аргументированность, последовательность и т. д., а также использованием в основном следующих лингвистических средств:

1. **Лексические средства.** Важнейшим признаком научного стиля является терминологичность его лексики. Наличие терминов не только отличает научный стиль от других функциональных стилей, но и позволяет дифференцировать научные тексты по различным областям знания. Например, термины: *funksija* 'функция', *grafiki üsul* 'графический метод', *argument* 'аргумент', *çoxlug* 'множество', *bärabärsizlik* 'неравенство' характерны для математики; термины: *barograf* 'барограф', *žihaz* 'прибор', *atmosfer* 'атмосфера', *täzjig* 'давление' и т. п. употребляются главным образом в физике. Терминологичность научного стиля делает его точным и конкретным.

2. **Морфологические средства.** В научном стиле широко употребляются глагольные формы настоящего времени и пассивного залога, придающие ему логичность и последовательность. Данная особенность отмечалась многими исследователями². Ср., например, глагольные формы в следующем тексте из медицинской литературы:

Нефрит заманы илк нөвбәдә бөдрәк капиллярларынын спазмы баш вердижинә көрә ган тәзјиги јүксә лир, бә'зән үрәк чатышмамазлыгы, хроник һалда исә үрәјин һипертрафија олмасы мүшаһидә олу нур (ПФ) 'При нефрите, в первую очередь, из-за спазм капилляров почек повышается давление, иногда наблюдается сердечная недостаточность, а в хроническом случае — гипертрофия сердца'.

3. **Синтаксические средства.** К ним относятся порядок слов в предложении и широкое использование различных устоявшихся, стандартных выражений и формулировок.

Нормативный порядок слов считается важным условием проявления конкретности, точности, однозначности и т. д. Именно нормативный порядок слов делает научный текст строго нейтральным, устраняя оттенок эмоциональности. Ср.:

Сүрүшмә һадисәсинин баш вермәси вә инкишафына бир нечә шәрт сәбәб олур. Сукечирән тәбәгәләр сукечирмәјән тәбәгәләрлә нөвбә илә ја-тыр вә ја сулу тәбәгәнин (гум тәбәгәсинин) алтында кил олур (ҮК) 'Возникновению и развитию оползней способствует несколько причин. Водонесные пласты перемежаются с неводоносными или под пластом, насыщенным водой (песчаным пластом), имеется глина'.

Стандартные выражения и формулировки также придают научному стилю логичность и последовательность. Такие стандартные выражения, как *tutag ki* 'предположим, что', *demäli* 'следовательно', *bupa baxтаја-гаг* 'несмотря на это', часто встречаются в научных текстах, относящихся к самым различным областям знания:

Т у т а г к и, һәр һансы бир дәрәдә алта гумдашы, онун үзәриндә кил вә даһа сонра әһәнкдашы чөкмүшдүр. Демәли, ән гәдим лај

² См.: Т. С. Тетерина. О функционировании видовременных форм глагола в английской художественной и научной речи. — В кн.: «Исследования по стилистике». Пермь, 1970; Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1977; С. И. Кауфман. Об именовом характере технического стиля. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5.

гумдашы, эн чаван лај исэ эһэнкдашыдыр (УК) 'Предположим, в каком-либо ущелье внизу осел песчаник, выше — глина и затем известняк. Следовательно, древнейшим пластом является песчаник, а наиболее молодым — известняк'.

Таким образом, в язык как художественной, так и научной литературы наряду с общеязыковыми элементами включаются специфические лексические, морфологические и синтаксические средства, создающие их указанные выше дифференциальные экстралингвистические признаки.

Морфологические формы глагола в художественном стиле используются широко и свободно, в научном же стиле они представлены в ограниченном числе, главным образом показателями настоящего времени и пассивного залога. Как уже отмечалось, лингвистические единицы, характеризующие художественный и научный стили, вполне дифференцированы, однако это обстоятельство не дает оснований для проведения резкой границы между этими стилями. Напротив, в процессе их развития признаки одного стиля, как и присущие ему языковые единицы, могут проникать в другой стиль. Нельзя, например, утверждать, что художественный стиль, характеризующийся в основном эмоциональностью и образностью, не обладает такими особенностями научного стиля, как логичность, последовательность, однозначность, конкретность, аргументированность и т. д., ибо эти признаки столь же важны и для языка художественных произведений. Точно так же и в научном стиле могут использоваться отдельные элементы, присущие художественному стилю и делающие текст эмоциональным и образным.

Если элементы научного стиля служат конкретизации, уточнению и логическому изложению содержания в художественном тексте, то присутствие элементов художественного стиля в научном языке содействует более яркой передаче определенного научного содержания.

Экстралингвистические признаки научного стиля реализуются в языке художественного произведения путем использования нижеследующих лингвистических средств.

1. **Лексические средства.** Прежде всего это слова терминологического характера, которые придают тексту большую конкретность и точность. Эти языковые средства приносят в художественный текст оттенок достоверности.

Термины, встречающиеся в художественном тексте, различаются по степени употребительности. Часть из них проникает в художественный стиль из обиходной речи, не утрачивая при этом своей моносемантической. Подобные слова используются столь часто, что их принадлежность к терминам и научному стилю перестает ощущаться. Употребление, например, таких слов, как *мотор, лифт, тозсоран* 'пылесос', *кабел, микрофон* и т. д., в художественных текстах не требует каких-либо специальных пояснений.

Специальные научные термины обычно вводятся в художественные произведения в связи с описанием явлений и событий, относящихся к определенной области науки. Введение в текст таких, например, терминов, как *протон, фотон, антиэлектрон, антипротон, вибрисија* и т. д., содействует достоверности изображаемого:

Сизин дунјанызда маддэни тэшкил едэн атомларын протонлары мәнфи, электронлары исэ мүсбэтдир (Н. Абдуллаев) 'В вашем мире протоны атомов, образующих материю, — отрицательные, а электроны — положительные'; *Ахы фотон мүһәррики ишыг сур'этинэ*

јахын бир сүр'эт верир (Н. Абдуллаев) 'Ведь фотон имеет скорость, близкую к скорости света'.

2. **Морфологические средства.** Среди морфологических средств научного стиля, используемых в художественном тексте, особо следует указать глагольные формы настоящего времени и пассивного залога.

3. **Синтаксические средства.** В художественном тексте в качестве синтаксических средств указания на последовательность событий, явлений и т. п. используются присущие научному стилю общепринятые стандартные выражения, предложения усложненной структуры, нормативный порядок слов и т. д.

А. Стандартные выражения. В художественном стиле некоторые стандартные выражения употребляются в той же форме, что и в научном стиле: *Нэһајэт, һамынын арзуладығы күн јетишиди* (Х. Һасилова) 'Наконец, наступил день, о котором все мечтали'; *Үмумијјәтлә, о, эринин агибәтини билмәк фикриндә иди* (Ә. Әбүлһәсән) 'Вообще, она собиралась узнать о судьбе мужа'; *Даһа һамыја ајдындыр ки, Гәләндәрин тәвәллүдү илдә ики дәфәдир: ғышда, јайда* (Мир Чәлал) 'Уже всем ясно, что день рождения у Калантара два раза в году: зимой и летом'.

Стандартные глагольные словосочетания могут выступать в разных временах и принимать форму причастия или деепричастия.

Будущее время: *Анчаг бундан сөһбәт салса иди һеч шүһәсиз ки, ана-өвлад сөһбәти мејдана кәләр, сөзү апарыб хоша кәлмәјән јерә чыхара биләрди* (С. Рәһимов) 'Только если бы он об этом завел речь, то, несомненно, возник бы разговор о семье, который привел бы к нежелательным последствиям'.

Прошедшее время: *Рәфијевин Әһмәдә төһмәт вердириб гәзетә јаздырмасында Сәрхан мүјјән рол ојнады, райкомун икинчи катиби дә буна шаһид иди* (Ә. Әбүлһәсән) 'В том, что Рафиев велел дать Ахмеду выговор и сообщить об этом в газету, определенную роль сыграл Сархан, свидетелем чего был и второй секретарь райкома'.

Настоящее время: *Бир чох агротехники тәдбирләр вар ки, кәндчи ону јахшы билир, јахшы да истифа дә едир* (Ә. Әскәров) 'Есть многие агротехнические приемы, которые крестьянин хорошо знает и хорошо применяет'.

Деепричастие: *Чохлары да Гәләндәрин фајдалы тәчрүбәсиндән истифа дә едәрәк ики дәфә тәвәллүдү дәб салмаға, јаймаға чалышырлар* (Мир Чәлал) 'Многие, используя полезный опыт Калантара, также стремятся ввести в обычай, популяризировать два дня рождения'.

Б. Предложения усложненной структуры. Для передачи эмоциональности, свойственной языку художественных произведений, используются в основном предложения простой структуры, являющиеся наиболее рациональным средством речевой коммуникации. Такие предложения в художественном тексте чаще всего употребляются в диалогической речи, а также при изображении внутренних переживаний и чувств персонажей. Предложения же со сложной структурой используются для логического развития мысли, изложения авторской точки зрения, представляя собой один из основных экстралингвистических признаков научного стиля. В художественном стиле предложения усложненной структуры используются главным образом в авторских рассуждениях и развернутых описаниях. Они обогащаются эмоциональностью и образностью, оформляются как сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, а также предложения с однородными компонентами и оборотами. Остановимся на примерах:

а) сложноподчиненное предложение: *Инди Тунзала эвин агбирчэји Нэнэханымын белэ агыр хала дүшмэсинэ көрө елэ усталыгла тэрпэниб вајсынырды ки, көзлэриндэн дамчы-дамчы елэ ганлы јаш ахырды ки, адамын үрэји дашдан олсајды, јенэ дә килэјэ дөнүб јумшаларды* (С. Рәһимов) 'Теперь Тунзала, в связи с тем, что старшая хозяйка дома Ненеханум оказалась в таком тяжелом состоянии, с таким мастерством причитала, такие кровавые слезы капали у нее из глаз, что если бы сердце человека было из камня, то и тогда, превратившись в глину, смягчилось бы';

б) предложение с однородными компонентами: *Бирдэн Күндүз онлары хэбэрчилэрлэ гучаглашан көрүб даһа дөзмөз, чаны боғазына јығылыб онлары јаралајар, дишинин дибиндэн чыханлары бу үстүм-үстүм үтүнэн, сөз кэздирмэсэлэр чанлары чыхан рэфигэлэрэ дејиб, һэр икисини русвај елэјэр* (С. Рәһимов) 'Однажды Гюндюз, увидев, что они обнимаются с доносчиками, не вытерпит, дойдя до отчаяния, ранит их, обругав последними словами не могуших жить без сплетен подруг, опозорит их обеих';

в) предложение с оборотами: *Вахтила Зэрзэбэрчэтин гурғусуна эсир дүшэн, Тунзала — Назилэнин деди-годусуна алданан, бу күнүк зијалысына јарашмајан һэрэкэтинэ көрө пешманчылыг кечирэн, ичти-майјэт гаршысында чэрраһ адына јарашмајан һэрэкэтинэ көрө хэчалат чэкэн Күндүз һэзрэтгулузада инди Фэрһад гызы Шәһланын тэмиз адыјла фәхр едирди* (С. Рәһимов) 'Когда-то, не устоявший перед интригами Зарзэбарчет, обманутый наговорами Тунзали и Назили, расканивавшийся в своем поведении, не подобающем современному интеллигенту, стыдящийся обществу за свой недостойный хирурга поступок, Гюндюз Хазраткулизаде теперь гордился непорочным именем дочери Фархада — Шахлы';

г) предложение, носящие характер приложения: *Әмим оғлу да гошуду онлара, ушағларын сәси кәлмирди, дејәсэн јатмышдылар. (Јәгин әмиоғлумкил биздә галачағдылар). һәр дәфә даш тахтаја дәјәндә елэ бил, башына вурурдулар* (Ә. Гасымов) 'Сын моего дяди также присоединился к ним, голосов детей не было слышно, видимо, спали. (Должно быть, семья сына дяди собиралась остаться у нас). Каждый раз, когда камень ударялся о доску, казалось, били его по голове'.

В. Порядок слов. Нормативный порядок слов в предложении способствует выражению присущих научному стилю точности, последовательности, логичности и других экстралингвистических особенностей. В языке художественного произведения нормативный порядок также служит средством передачи точности, последовательности и логичности изложения, описания.

Такие признаки, как точность, последовательность, логичность, связанные с общими законами мышления человека, органически присущие именно научному тексту, в художественном стиле, дополняют и подкрепляют эмоциональность и образность авторских характеристик.

Основные лингвистические средства реализации в научном стиле таких присущих художественному стилю экстралингвистических признаков, как образность и эмоциональность, следующие:

1. **Лексические средства.** Многие лексические единицы, используемые в научном стиле, в отличие от специальных научно-технических терминов, могут выражать и другие значения, то есть являются полисемантическими. Однако в пределах научного стиля каждое из этих слов употребляется в конкретном, строго определенном значении. Остановимся на примерах.

Gol 'приток реки' (букв. 'рука'): *Ағстафачајын Ермәнистан эразисиндәки јухары голларын дан бири олан Жетдикчај, Мурғуз вә Шаһдағ системини бир-бириндән ајырыр* (АСФЧ) 'Один из верхних притоков Акстафачай на территории Армении — Гетдикчай, отделяет друг от друга горные системы Мурғуз и Шаһдағ'.

Juva 'гнездо': *Реал машинларда статор долағлары сарғачларынын һәр тәрәфи бир јува да дејил, бир нечә гоншу јува да јерләшдирилир* 'В реальных машинах каждая сторона витка обмотки статора помещается не в одном, а в нескольких соседних гнездах'.

Jük 'нагрузка': *Мүһәррик үчфазалы симметрик јүк дүр* (ЕЕАСЕ) 'Двигатель — это трехфазная симметричная нагрузка'.

Dil геогр. 'коса' (букв. 'язык'): *Хәзәр дәнзинә төкүлән чајлар кәтирдикләри асылы материаллары чөкдүрәрәк делта вә дилләр эмәлә кәтириләр* (АСФЧ) 'Взвешенные вещества, приносимые реками, впадающими в Каспийское море, осаждаюсь, образуют дельты и косы'.

Для более яркой передачи содержания в научном тексте используются и присущие художественному стилю повторы, вносящие элемент изобразительности: *deşik-deşik* 'дырчатый, ноздреватый', *tez-tez* 'часто', *başdan-başa* 'сплошь, целиком, полностью'.

2. Фразеологические средства. Фразеологические сочетания, содержащие, как правило, элемент эмоциональности, в научном тексте служат облегчению восприятия его читателем. Подобно многозначным лексическим единицам, закрепившимся в научном стиле, эти сочетания в научном контексте выражают соответствующее терминологическое значение. Таким образом, целый ряд языковых единиц, характерных для художественного стиля, в научном контексте обретает вторую функцию. К таким фразеологическим сочетаниям относятся следующие:

а) фразеологические сочетания, имеющие предикативную форму, например: *zijaп çäktäk* 'понести ущерб', *baş vermäк* 'происходить, иметь место';

б) фразеологические сочетания, не имеющие предикативной формы, например: *ügäk bulanması* 'тошнота', *baş gizällänmäsi* 'головокружение', *аууз gigitması* 'сухость во рту' и др.

3. Морфологические средства. Привнесению в научный стиль присущих художественному стилю образности и эмоциональности часто способствует употребление в научных текстах показателей некоторых категорий глагола, формы первого лица, морфологических сокращений и т. д. Так, например, в художественном стиле весьма широко распространена речь от первого лица, связанная с субъективной оценкой событий и явлений. Сходную функцию выполняют глагольные формы первого лица и в научном стиле: *Бахдығымыз мисалларда интеграл алма интервалыны сонсуз кәтүрәчә јик* (ИТ) 'В рассмотренных примерах интервал интеграла возьмем бесконечным'; *Харици фотоэффекти фотоэлементлә гурудан фотоэлектрон релесинин схеминә бахағ* (ЕЕАСЕ) 'Рассмотрим схему фотоэлектронного реле, построенного на фотоэлементах с внешним фотоэффектом'.

В художественном стиле тождественные по форме и смыслу морфологические показатели обычно сокращаются. Это явление можно наблюдать и в научном стиле: *Һесабатын ардымлығы бурада сабит чәрәјән дахилиндә олдуғу кими галыр, лакин е. һ. г., кәржинлик, чәрәјән вә мугавимәтләрин комплекс кәмијјәтләр олдуғу нәзәрә алынмалы(дыр) вә һесаблама комплекс әдәдләр үсулу илә апарылмалыдыр* (ЕЕАСЕ) 'Последовательность вычислений остается такой же, как и при постоянном токе, однако следует учитывать, что э. д. с., напряже-

ние, сила тока и сопротивления являются комплексными величинами, и вычисления должны проводиться методом комплексных чисел'.

4. Синтаксические средства. В ряде случаев в научном тексте можно встретить элементы художественного стиля, реализуемые путем использования некоторых синтаксических средств, способствующих более четкой передаче присущих научному стилю экстралингвистических особенностей (последовательности, логичности и т. д.). Такими синтаксическими средствами являются:

а) эмоциональные определения³, например: *äp jeni* 'новейший', *äp böjök* 'самый большой', *daña jaxup* 'более близкий' и т. д.;

б) сокращения повторяющегося компонента синтаксической конструкции: *2 сарғачы назик мәфтилдән вә чоһсарғылы (һазыр ланыр)*, *4 сарғачы исә галын мәфтилдән вә азсарғылы һазыр ланыр* (ЕЕАСЕ) '2 секции изготавливаются из тонкого провода и имеют много витков, 4 секции изготавливаются из толстого провода и имеют мало витков';

в) синтаксические повторы: *Јатағларда битумлу сүхурлар истәр муасир, истәрсә дә гәдим Хәзәр чөкүнтүсү сүхурларыдыр* (АСФЧ) 'В месторождениях битумные горные породы являются как современными, так и древними осадочными породами Каспия';

г) вопросительные предложения: *Бәлкә дә бурада мин илләр бундан әввәл ахмыш гәдим чај јатағынын диби үзә чыхмышдыр? Бәлкә дә бура адыны ешитмәдијимиз гәдим дәнизләрдән биринин саһили олушдуру?* (ЈАС) 'Может быть, здесь обнажилось дно русла реки, протекавшей тысячи лет тому назад? Может быть, здесь был берег одного из древних морей, название которого нам неизвестно?';

д) инверсия: *Тезләшмә ола биләр: хәтти (дүзхәтли һәрәкәтин сүр'әтинин дәјишмәсиндә) мәркәзә гачан вә ја радиал (гејри-дүзхәтли һәрәкәтдә) вә бучағлы (бучаг сүр'әтинин дәјишмәсиндә)* (ПФ) 'Ускорение может быть: линейным (при изменении скорости прямолинейного движения), центробежным или радиальным (при непрямолинейном движении) и угловым (при изменении угловой скорости)';

Таким образом, в научных текстах довольно широко применяются присущие художественному стилю лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические средства, способствующие созданию эмоциональных оттенков, образности и изобразительности, облегчающих восприятие содержания. Использование художественных стилистических приемов в научном описании свидетельствует о взаимопроникновении различных стилей и отсутствии непреходимых границ между ними.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим общим выводам:

1. Для раскрытия взаимосвязей и взаимодействия различных стилей литературного языка необходим анализ лингвистических средств, реализующих характерные для этих стилей экстралингвистические признаки.

2. Поскольку формирование функциональных стилей литературного языка непосредственно связано с общими процессами мышления, различным функциональным стилям присущи сходные языковые единицы.

³ См. об этом: М. Джавалов. Сравнительная количественная и качественная характеристика прилагательных в немецкой научной и художественной литературе. — В кн.: «Язык научной литературы». М., 1975; О. И. Богуславская. К вопросу о постоянстве эпитета. — «Исследования по стилистике», вып. 2. Пермь, 1970; Н. Я. Милованова. Наблюдения над некоторыми средствами экспрессивности научной речи. — «Исследования по стилистике», вып. 5. Пермь, 1976.

3. Экстралингвистические признаки, свойственные как художественному, так и научному стилям, реализуются лингвистическими средствами, относящимися к разным уровням языка (лексическому, морфологическому, синтаксическому).

4. Присутствие элементов научного стиля в языке художественного произведения способствует достоверности, точности и логичности художественного описания и т. д.

5. Элементы художественного стиля в научном тексте обогащают его оттенками эмоциональности и образности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПФ* — *Ж. Ч. Мәммәдов, И. Г. Мусајев. Патоложи физиолокија. Бақы, 1975.*
АСФЧ — *«Азәрбајчан ССР-ин физики чоғрафијасы». Бақы, 1959.*
ЕЕАСЕ — *«Електроника, електрик аваданлығы вә сәнаје електроникасы». Бақы, 1977.*
ИТ — *Ә. М. Гүсејнов. Интеграл тәнликләр. Бақы, 1956.*
УК — *Ә. Әлизадә, М. Бабајев. Үмуми кеолокија. Бақы, 1961.*
ЈАС — *М. Гүсејнов. Јералты аләмә сәјаһәт. Бақы, 1966.*
-

Э. Н. НАДЖИП

«ПЯТИЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ ДАМАСКИНА»
(ХАРАКТЕРИСТИКА ТАТАРСКОЙ ЧАСТИ)

В 1784 году императрица Екатерина II разослала во все епархии России распоряжение о составлении словарей «инородческих» народов. В Нижегородской епархии такой словарь был составлен либо самим епископом Дамаскиным, либо группой священников, семинаристов и других лиц под его руководством. Так появился Словарь, получивший известность под названием «Пятиязычный словарь Дамаскина», полное название которого «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих». Двухтомный русско-татарско-чувашско-мордовско-марийско-удмуртский словарь Дамаскина (фактически — шестиязычный) отражал состояние лексики этих языков в XVIII веке.

Первый том Словаря объемом в 519 листов (=1038 стр.) содержит русско-татарско-чувашско-мордовскую лексику и включает 12000 слов. Второй том объемом в 373 листа (=746 стр.) представляет собой русско-марийско-удмуртскую часть словаря, причем удмуртская часть включает около 2500 слов, а марийская — 5000 слов. Таким образом, наиболее полным является первый том.

Рукопись написана на простой, неравномерной обкатки плохой серой бумаге большого формата скорописным почерком XVIII века. Оба тома Словаря в целом сохранились хорошо.

К первому тому Словаря Дамаскиным предпослано предисловие, содержащее исторические и этнографические сведения об «инородческих» народах, проживавших в XVIII веке в Нижегородской епархии.

Как явствует из предисловия, уведомление Екатерины II было послано Дамаскину 26 августа 1784 года, а Словарь был отправлен императрице 15 апреля 1785 года. Составленный за столь малый срок (мее чем за 8 месяцев), Словарь имел много погрешностей: ошибки в переводах, разноречием в орфографии и т. д. Рукопись Словаря, по-видимому, после переписки была кем-то отредактирована, однако без должной последовательности и четкости: во многих случаях редактор внес путаницу.

Сокращенная однотомная копия Словаря хранится в Ленинграде в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В Словаре «инородческие» слова приводятся в русской транскрипции, соответствующей, по словам составителя, местному говору. Судя по татарской части, в транскрибировании звуков отсутствует единообразие: одиѣ и тот же звук в разных словах часто передается по-разному. Так, например, краткий небный татарский *ы* передается то через *ы*, то через *а*: *уакат* — 'время'; *кылейман* — 'хочу'; *оретаман* — 'учу'. То же

самое наблюдается и при передаче гласных переднего ряда. Таким образом, Словарь не может служить серьезным источником для изучения исторического развития вокализма татарского языка.

Русская часть Словаря отражает особенности нижегородского говора русского языка того времени.

На всех языках слова приводятся с указанием ударения, однако возникает сомнение относительно их соответствия действительности, ибо ударение в мордовской части, например, показано лишь на втором слоге, в то время как в современном мордовском языке оно не фиксировано. Подобные же отклонения наблюдаются и в татарском словнике. В татарской и мордовской частях Словаря в отдельных случаях приведены диалектные расхождения: в татарской части указаны лексические расхождения между нижегородским говором и языком казанских татар того времени.

В татарской части Словаря, да и в других частях, сохранилось значительное количество слов, отсутствующих в современном языке. Это относится, в частности, к некоторым военным терминам, названиям предметов быта, религиозного культа и т. д.

В сборе материалов Словаря, как уже отмечалось, принимали участие священники, семинаристы и т. д., в том числе и татарские *абы-зы* — муллы. Это сказалось на переводах некоторых слов, носящих явно книжный характер.

По словам составителя Словаря, татары живут в Арзамасском, Княгининском, Перевозском, Сергацком и Курмышском округах епархии. Материалы татарской части Словаря собраны в этих округах и отражают язык татарского населения этих районов. Дамаскин отмечает, что язык нижегородских татар немногим отличается от языка казанских.

Основному словарю предпосланы четыре списка, каждый из которых содержит по 287 слов. Слова этих списков идентичны и расположены не в алфавитном порядке. Первый список состоит из русско-татарско-мордовского словаря; второй и третий — из русско-татарского и, наконец, четвертый — из русско-мордовско-татарского словаря. Некоторые слова в этих списках переводятся по-разному, отражая, быть может, диалектные расхождения. К сожалению, не указано, какие слова в каких именно округах собраны.

Приведем примеры из этих четырех списков. Номера соответствуют вышеупомянутому порядку (см. таблицу на стр. 59).

С 54-го листа, то есть со 108-й страницы начинается основной алфавитный словарь. В словаре очень много различных словосочетаний типа: «природная склонность», «приправление кушанья», «призыв к всевышнему на суд», «неотступно прошу», «кипеть перестало» и т. д. Перевод этих сочетаний подстрочный, поэтому они не могут служить материалом для исследования синтаксиса.

В первом из четырех указанных списков до 98-го слова татарские слова приведены в арабской графике, многие из них — с орфографическими ошибками. Слова, написанные арабским письмом, отражают влияние западной группы тюркских языков. Например: *دیل* *dil* 'язык'; *دیش* *diš* 'зуб'; *بن* *ben* 'я' и т. д. Слова четвертого списка, за редким исключением, приведены без указания ударения.

Словарь Дамаскина, представляющий большой интерес для истории татарского, чувашского и упомянутых угро-финских языков, до последнего времени считали утраченным. Он был обнаружен лишь в послевоенные годы в областном архиве города Горького научными сот-

Русское	1-й список	2-й список	3-й список	4-й список
33. лепо	гюзяль	кюркямлик	кюркямлик/кюркюлю	кюркюлю
38. нос	буруь	брон	брун/брум	брун
39. рот	агус	авз	авз/агз	агас
41. лоб	мангай	манлай	— ¹	—
45. велико	зор	улог	улуг/зор	зор
48. низко	карсак	тюбянь	—	—
49. солнце	куяшь	кояш	кояш/куняш	куняш
53. луч	шавля	шавля	шавля	шляле
	нур	—	шляле	—
66. трава	уляь	—	уляь	—
74. очаг	тянур	уцак	уцак	оцак
89. перо	каурсын	калям	калям	кагарчун
93. сестра	харандаш	тужай	тутай	сенюль
			сенюль	
113. корова	сызр	сыгыр	—	—
114. баран	кошкар	кочкар	—	—
115. свинья	доунгыс	донгус	донгуз	—
119. жито	арпа	буртюк	буртюк	ашлул
146. соха	сабал	сука	—	—
162. рожь	арышь	арш	терсяк	терсяк
173. здесь	монда	мунда	мунда/бунда	бунда
197. спина	арпа	сужа	—	—
199. дождь	ягмур	янгур	—	—
200. град	чарахман	буз	—	—
217. чем	ниберл	нибия	—	—
259. кит	лусьябалык	китбалык	—	—

рудниками Мордовского научно-исследовательского института. Об этой находке было сообщено в 1949 году в пятом номере «Известий Академии наук СССР. Серия литературы и языка» М. И. Зевакиным и А. К. Имяриковым. Осенью 1950 года было принято решение включить Словарь в план изданий Академии наук СССР. Об этом сообщалось в статье академика В. В. Виноградова в 1951 году. К сожалению, комиссия, созданная для подготовки Словаря к печати, по разным причинам не смогла приступить к работе.

Тем временем мордовские языковеды сняли копию мордовской части и подготовили ее к печати. Однако в Академии наук СССР не считали целесообразным отдельное издание части памятника. В 1956 году в Институте языкознания Академии наук СССР вновь была создана комиссия для подготовки Словаря под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Б. А. Серебренникова. Подготовка татарской части была поручена автору настоящего сообщения. В 1956 году оригинал Словаря находился в Москве в Центральном государственном архиве. Бригада научных работников Института языкознания вместе со специалистами, привлеченными из других институтов, приступила к работе над Словарем, рассчитывая закончить ее к концу 1956 года. Однако по разным причинам к указанному сроку была подготовлена к изданию лишь татарская его часть. По просьбе В. В. Виноградова автором настоящего сообщения была написана характеристика татарской части словаря. Предполагалось, что аналогичные характеристики будут написаны и по другим языкам Словаря, а академик В. В. Виноградов на их основании составит общее введение к нему. Но эта работа не была выполнена. Тогда характеристика татарской части Словаря, одобренная Сектором тюркских и монгольских языков Инсти-

¹ Повторение одного из вариантов нами не приводится.

туда языкознания Академии наук СССР, была направлена В. В. Виноградовым для опубликования в редакцию сборника «Труды Института языкознания Академии наук СССР». В связи с прекращением издания «Трудов» эти материалы остались неопубликованными.

Татарская часть Словаря, по-видимому, является наиболее удачной с точки зрения перевода. Поэтому с исторической точки зрения она не представляет большой ценности ввиду неточности или явной ошибочности переводов.

Татарская часть Словаря представляет определенный интерес с точки зрения изучения фонетических, морфологических и лексических особенностей татарского языка второй половины XVIII века на упомянутой выше территории.

В настоящее время в Татарии осуществлена большая диалектологическая работа. Кое-что сделано и в области изучения истории татарского языка. Научными работниками Татарии собраны и опубликованы материалы по различным татарским диалектам и говорам.

В Словаре Дамаскина ряд слов дается в сопоставлении с языком казанских татар и отмечаются все случаи расхождений. В нем приводится значительное количество слов, ныне вышедших из употребления. Словарь Дамаскина представляет определенный интерес также с точки зрения изучения иноязычных заимствований — арабских, персидских и русских.

К числу заимствований персидского происхождения относятся такие слова, как *нарасида* 'младенец', *тараза* 'весы' и некоторые другие, вышедшие из употребления в современном татарском литературном языке.

Отдельные слова персидского происхождения подверглись серьезным фонетическим изменениям: *гна* 'грех' от персидского *gūnah*; *ренд-зю* 'досада' от персидского *rendž* и т. д.

Многие слова арабского происхождения также подверглись фонетической деформации: *азял* 'дивный' вместо литературного *гэжэп*; *зюмарзет* 'драгоценный камень' вместо литературного *зебэржэт* и т. д.

По-видимому, влиянием книжного языка следует объяснить употребление арабского *куллю* 'все' вместо татарского *барысы* и его сочетание с различными аффиксами в виде *куллюсун* 'всех', *куллюсу* 'все они' и т. д.

Значительное количество русских слов не только прочно вошло в XVIII веке в татарский язык данного региона, но и основательно изменило свой облик в результате татарской аффиксации. Приведем примеры: *пустошланган* 'запустелый', *миллик* 'веник', *грецкий чикляк* 'грецкий орех', *шотнай такта* 'счетная доска', *печатлярга* 'запечатать' и т. п. Такие татарские слова русского происхождения, как *гроз*, *мясник*, *крушка*, *заклат*, *задатка* и т. д., а также производные от некоторых из них занимают в словаре значительное место.

Довольно много исконно татарских слов, бытовавших в языке XVIII века, ныне вышедших из употребления, например, *кангу* 'напасть' (ср. каз. «бродить»), *чан* 'колокол' (ср. чув.), *кубе*, в отдельных случаях *субе* 'кольчуга', *табал* 'коробок', *биштяр* 'кошелек', *калап* 'медаль', *артыш* 'можжевельник', *нүвек* 'мох', *бургыче* 'музыкант', *гуррялек* 'календарь', *уринтан* 'тайно', *ильбзак* 'веер', *юла* 'вера', *кубла* 'юг' (ср. каз.), *абирьчин* 'горлица' (ср. *когэрчен* 'голубь'), *каба* 'гробенка', *яну* 'грозить', *зяля* 'дрозд', *сынцыз* 'дурной', *эрен* 'едва' (ср. каз.), *уга* 'жалю' (ср. уйг.) и т. д.

Среди этих слов привлекают внимание отдельные архаические формы, восходящие к более ранним периодам развития татарского языка.

Сюда прежде всего следует отнести такие слова, как *катында* 'подле', *берля* 'вместо' и т. д. Отдельные слова зафиксированы в той форме, в какой они бытуют в современных узбекском и уйгурском языках. Возможно, это объясняется просто влиянием указанных языков, и в Словарь эти формы были внесены муллами, привлеченными к работе над ним.

Заслуживают внимания такие слова, как *ярлакаш* 'жалование' от *ярлыкау* 'оказывать милость'; *агиуй* 'горница', фактически — 'белый дом', противопоставляемый у кочевников *кара уй* 'черному дому'; *кул* 'крестьянин', *алпаут кулу* 'дворовый человек', фактически — 'раб' и 'раб помещика'; *аур* 'иго', фактически — 'тяжесть' и т. д. Многие из этих слов представляют определенный этнографический и исторический интерес.

Как было отмечено выше, составитель в нужных случаях обращает внимание на диалектные расхождения. Так, например, по утверждению составителя, «корыто» у нижегородцев *тигиня*, а у казанцев — *тагарак*. Первое из них сохранилось в современном казахском языке, а второе в форме *тагара* у узбеков. «Коршун» — *хагал* и соответственно *тильген*; «лавка» — *урдяк* и соответственно *сяка*; «межа» — *межа* и соответственно *зан*; «вперед» — *алынга* и соответственно *алга*; «забор» — *замет* и соответственно *куйма*; «завялый» — *шенген* и соответственно *пяжгян*; «глыбоватый» — *комла*, конечно, от русского «ком» и соответственно *кисякле*; «гриб» — *панга* и соответственно *гумба*; «дятел» — *томорка* и соответственно *токран* и т. д.

В морфологическом отношении интересен факт употребления положительной формы настоящего времени на *-ай* и отрицательной на *-май* вместо общетатарского *-ый* и *-мый*: *сюлей* 'говорит', *кайнай* 'кипит', *уртейман* 'дразню', *ясамайман* 'не делаю', *ашайман* 'выедаю' и т. д. По этой схеме образованы отдельные слова и других категорий: *ниндей* 'какой' вместо *нинди*, *тузьмеинче* 'ревностно' вместо *тузмичэ* и т. д.

В отличие от норм современного татарского языка часто встречается причастная форма на *-мыш*: *тленмеш* 'желаемый', *суралмыш* 'испрошенный', *сююлмеш* 'любимый', *тияльмеш* 'нагруженный' и т. д.

Форма на *-мак* выступает, как правило, в именном значении и очень редко как инфинитив. Форма на *-у* выступает как в именном значении, так и в качестве инфинитива (*арга* и *мага* — аффиксы инфинитива): *гляв* 'желание', *дябу* 'кровля' и 'закрывать', *шубага саимак* 'бросание жребия', *дюрмак* 'расхаживание', *диаларга* 'собираться', *сыймага* 'любить', *ярламага* 'запевать', *баш кисмага* 'голову отсечь' и т. д.

Употребление аффикса сказуемости 3-го лица *-дыр* — закономерное явление: *срайдар* 'просит'.

Направительный падеж личного местоимения 1-го лица *мана* 'мне', а множественное число 3-го лица *анларга* 'им' вместо литературного *миңа* и *аларга*.

Морфологические показатели лексического материала Словаря, как видно из приведенных примеров, в основном совпадают с показателями современного касимовского говора татарского языка.

В области фонетики заслуживает серьезного внимания отсутствие йотированного гласного звука в начальной позиции. Татарскому литературному *я*, *ю*, *йи* или *жи* неизменно соответствует *дя*, *дю*, *ди*. По-видимому, здесь выступает передне-небно-язычный звук *дь*, который, наряду с современным алтайским языком, факультативно встречается и в некоторых говорах и подговорах татарского языка, в частности в говорах западного диалекта. Остановимся на примерах:

<i>дянуар</i> 'животное'	вместо литературного	<i>жануар</i> ;
<i>дябаман</i> 'закрываю'	» » »	<i>ябамын</i> ;
<i>дяндраман</i> 'сжигаю'	» » »	<i>яндрамын</i> ;
<i>дял</i> 'душа'	» » »	<i>жан</i> ;
<i>дял</i> 'грива'	» » »	<i>ял</i> ;
<i>дяш</i> 'молодой'	» » »	<i>йаш</i> ;
<i>дюзак</i> 'замок'	» » »	<i>юзак</i> ;
<i>дюжка</i> 'напрасно'	» » »	<i>йукка</i> ;
<i>дюрт</i> 'двор'	» » »	<i>йорт</i> ;
<i>думарка</i> 'яйцо'	» » »	<i>йоморка</i> ;
<i>дюка</i> 'тонкий'	» » »	<i>йока</i> ;
<i>дюл</i> 'дорога'	» » »	<i>йол</i> ;
<i>дюмра</i> 'круглый'	» » »	<i>йомры</i> ;
<i>диин</i> 'сборище'	» » »	<i>жиин</i> ;
<i>дир</i> 'земля'	» » »	<i>йир</i> ;
<i>дигит</i> 'жених'	» » »	<i>йигит</i> .

Аналогичное явление иногда наблюдается и в последующих слогах: *рандю* 'обида' вместо *рэнжу*.

В отдельных листах начальный *д* кем-то вычеркнут, однако непоследовательно: *яндру* 'зажжение', *юлдус* 'звезда', *алайман* 'плачу' и т. д.

Встречаются слова и без начального слога с йотированным гласным: *ямен* 'складываю, собираю' вместо *жиамын*.

В отношении губной гармонии материалы Словаря примыкают не к литературному языку, а к *ы*-кающему западному диалекту, хотя и в среднем диалекте, составляющем основу современного татарского литературного языка, встречаются *ы*-кающие говоры и подговоры. Приведем примеры:

<i>ыч</i> 'три'	вместо <i>өч</i> ;
<i>ыят</i> 'стадо'	» <i>оят</i> ;
<i>аккыш</i> 'лебедь'	» <i>аккош</i> ;
<i>ычаман</i> 'летаю'	» <i>очамын</i> ;
<i>кыя</i> 'моль'	» <i>коя</i> ;
<i>хыкын</i> 'суд'	» <i>хоком</i> ;
<i>кын</i> 'день'	» <i>көн</i> ;
<i>кыяш</i> 'солнце'	» <i>кояш</i> ;
<i>ыйде</i> 'дом'	» <i>өйдә</i> и т. д.

Иногда, в отличие от современного литературного произношения, вместо небного гласного неожиданно появляется губной гласный:

<i>бзлу</i> 'ледяной'	вместо <i>бозлы</i> ;
<i>дюлан</i> 'змея'	» <i>йылан</i> ;
<i>кызгю</i> 'зеркало'	» <i>көзги</i> и т. д.

Часто краткие гласные, губные и негубные, независимо от позиции (даже тогда, когда они составляют самостоятельный слог), выпадают:

<i>ссе</i> 'жарко';
<i>зук</i> 'длинный';
<i>мють</i> 'надежда' от <i>өмөт</i> ;
<i>рек</i> 'гной';
<i>сгюв</i> 'выпить'.

В деепричастной форме инфинитив *сгюв* 'выпить' превращается в *сип* 'выпив', где от корня сохраняется лишь один согласный звук *с*:

<i>лан</i> 'ребенок', 'юноша';
<i>руш</i> 'вражда';

купчек зе 'след колеса', где также от корня сохранился один лишь согласный *з*;

иурю 'лаяние', а при дальнейшей аффиксации начальный гласный выпадает — *рюче* 'лаятель';

ичяк 'кишка', а в сочетании с аффиксом множественного числа *чагляр*;

урямен 'надуваю', в деепричастной форме — *рюп*, где от корня также сохранился один согласный *р*;

алендряман 'катаю'.

Современному общетатарскому литературному *ч* соответствует *с*, как в западном диалекте:

кусю 'сильный';
кыскась 'клещи';
баскась 'лестница';
агась 'дерево';
этес 'петух';
ысь 'три'.

Общелитературному *с* соответствует, как и в западном диалекте, *ц*, однако не во всех случаях; это соответствие распространяется и на аффиксы; иногда *ц* появляется вместо современного *ч*:

нарца 'вещь';
цияк 'кость';
цынгу 'копье';
цырхау 'больной';
кцка 'короткий';

в аффиксах:

су кимяце 'судно';
хатынцыз 'холостой';
берьце 'один из них';

соответствие *ч* — *ц*:

цыгаман 'выхожу'.

Такова краткая характеристика лексики татарской части Словаря Дамаскина.

Как видно из приведенных примеров, критическое использование материалов Словаря, безусловно, окажется весьма полезным при создании исторической грамматики и разработке вопросов диалектологии татарского языка.

Словарь содержит ценные материалы не только в области лексики, но и в области фонетики и морфологии.

Ввиду того, что такие языки, как мордовский, мари, удмуртский, чувашский, не имеют письменных памятников, значение Словаря Дамаскина для изучения особенностей их исторического развития трудно переоценить.

Остается пожелать, чтобы этот весьма ценный памятник, наконец, был опубликован.

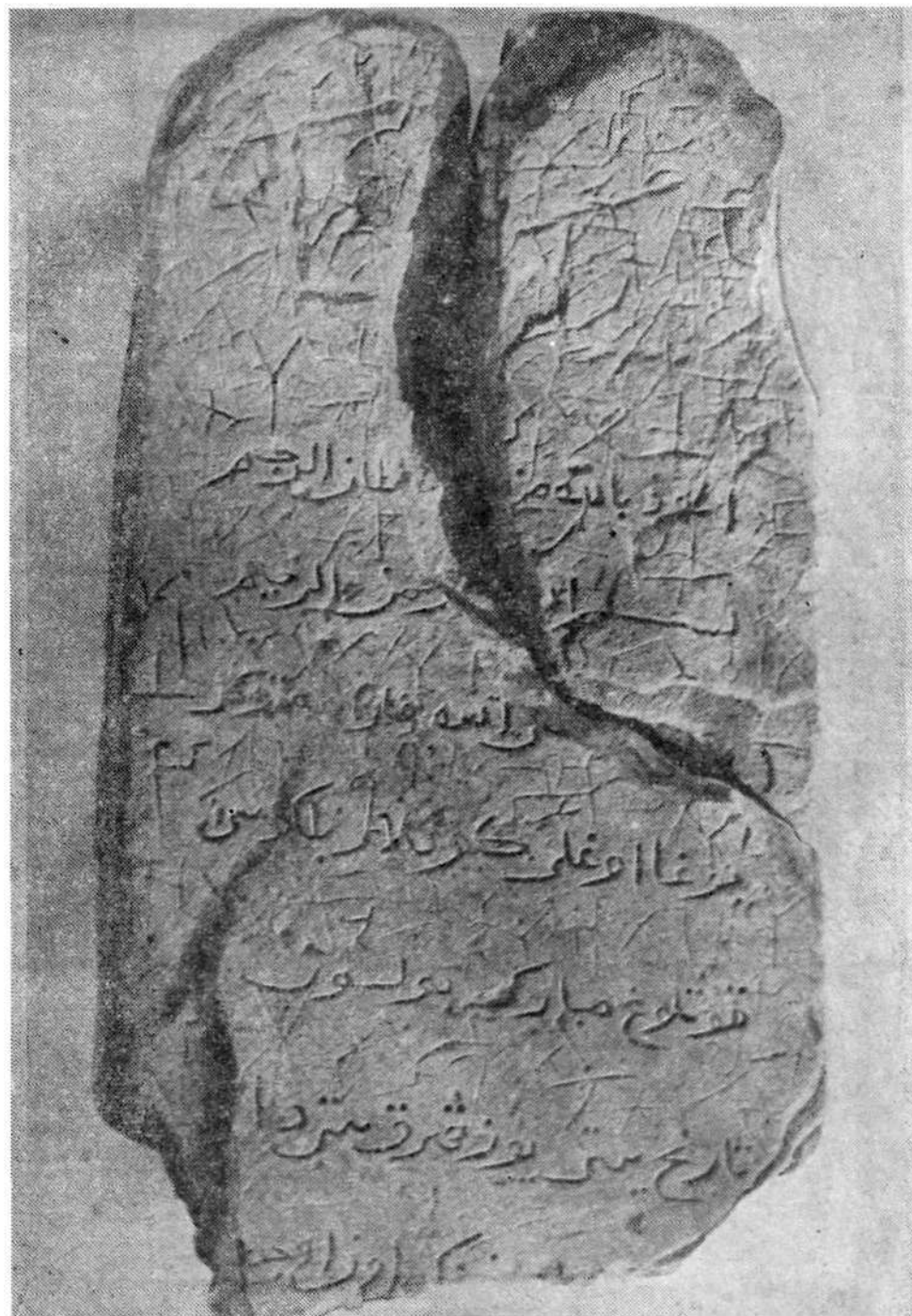

Рис. 1. Фотография надгробной плиты.

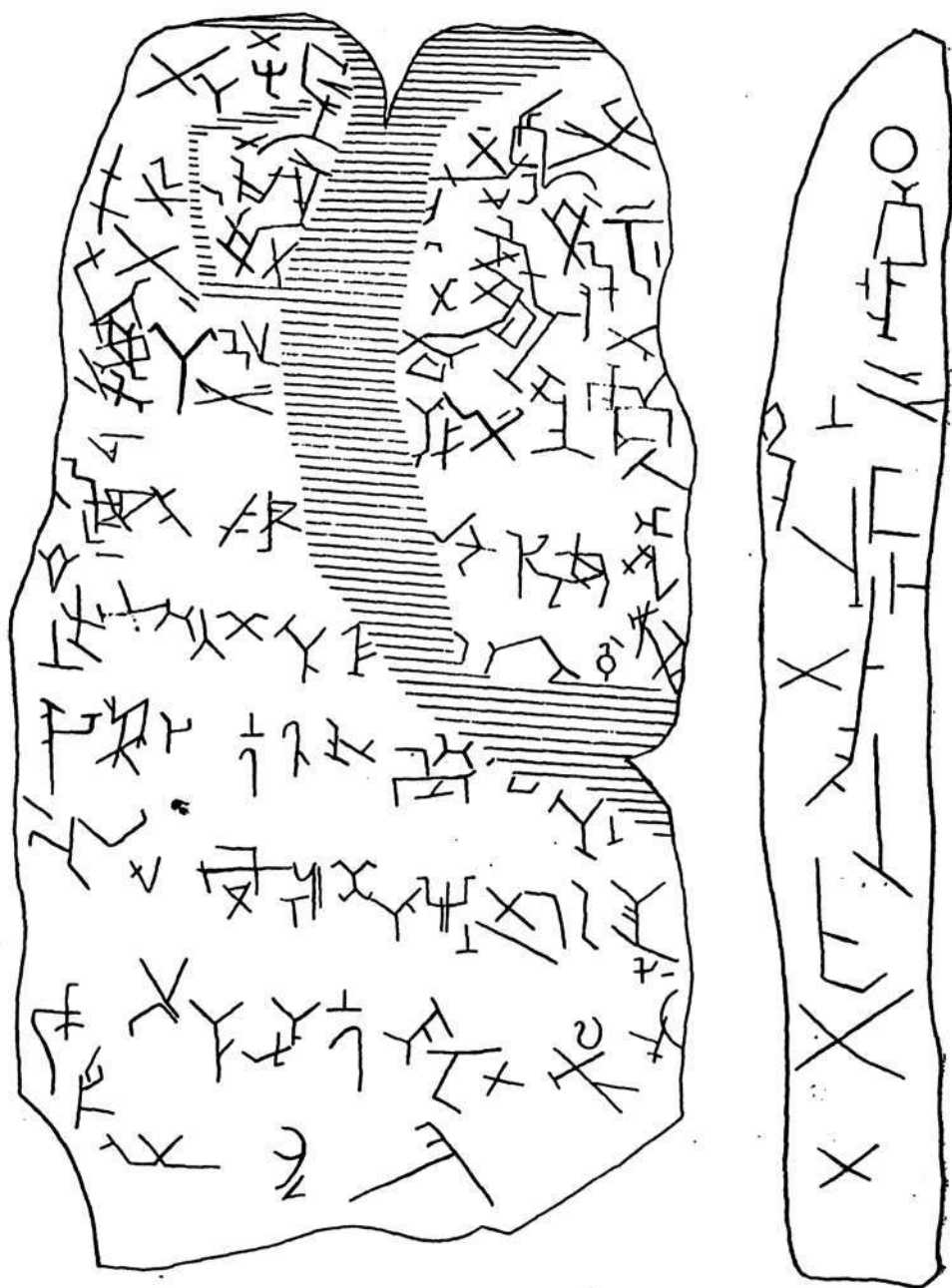

Рис. 2. Графическое воспроизведение нижнего слоя знаков на надгильной плите.

Лицевая и левая боковая стороны камня испещрены «загадочными» знаками. Видимо, знаки верхней части наносились повторно: они наложены друг на друга и имеют разную глубину. Ниже знаки выстраиваются в строки.

По мнению этнографа Р. Г. Кузеева, большинство знаков напоминает башкирские родовые тамги, однако некоторые не имеют аналогов в тамговой системе башкир.

ПО ПОВОДУ БАШКИРСКОЙ НАХОДКИ

Публикуемая здесь надгробная плита, судя по графическим воспроизведениям и фотографии, является своеобразным палимпсестом. Нижний (первый) слой знаков нанесен одновременно с изготовлением надгробной стелы. Второй слой (арабографичная надпись) появился при повторном использовании стелы как надгробного памятника, то есть при перемещении ее на другое погребение, так как новая надпись нанесена с совершенным игнорированием знаков нижнего слоя. Техника нанесения арабских букв отличается более высоким профессиональным уровнем, нежели техника нанесения знаков нижнего слоя. Семантика знаков нижнего слоя достаточно ясна и имеет древнетюркские аналогии: например, известная стела из Шивет-Улана, надгробный памятник, открытый Г. Рамstedтом во время его работ в Центральной Монголии в 1912 году¹. Этот памятник был повторно исследован нами в 1977 году². На зашлифованной лицевой поверхности стелы из Шивет-Улана в беспорядке вырезаны или процарапаны тамговые знаки (около 60) разной величины, дошедшие до нас в различной степени сохранности. Наиболее крупные знаки вырезаны в верхней и центральной частях плиты. Все эти знаки являлись родо-племенными тамгами представителей племен, участвовавших в погребальном обряде. Скорее всего, погребальное сооружение из Шивет-Улана, надежно датированное временем Второго Тюркского каганата, принадлежало основателю второй тюркской династии Ильтерес-кагану (ум. в 691 году)³. Знаки на «башкирской плите» также являются тамгами — своеобразными расписками участников похорон некоего знатного лица, а сама стела — надгробным памятником, сохранившим древнетюркскую традицию. Время ее изготовления не установлено, но верхний предел (XIV век) определяется датой, имеющейся в арабографичной надписи.

С. Г. Кляшторный

¹ P. Aalto. G. J. Ramstedt's archäologische Aufzeichnungen und Itinerarkarten aus der Mongolei vom Jahre 1912. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 67, 1966, стр. 3—7.

² С. Г. Кляшторный. Эпиграфические работы в Монголии. — В сб.: «Археологические открытия 1977 года». М., 1977, стр. 575—576.

³ Там же.

Х. С. СУЛЕЙМАНОВ

ПО РУКОПИСНЫМ ФОНДАМ ИНДИИ

Институт рукописей Академии наук Узбекской ССР, созданный на базе научных отделов Государственного музея литературы имени Алишера Навои, осуществляет поиск восточных рукописей, в первую очередь народов Средней Азии, в рукописных фондах зарубежных стран. Эта работа была начата еще Музеем с изучения рукописных фондов Индии. Археографические экспедиции 1975 и 1976—1977 годов в эту страну обследовали тридцать три крупных фонда и библиотеки. Результаты проделанной работы еще раз подтвердили, что культурно-экономические взаимосвязи народов Средней Азии и Индии имеют многовековую историю и получили особенно большое развитие в XVI—XVIII веках при Бабуре и его потомках, приглашавших в Индию из Ферганской долины, Самарканда, Бухары и городов Хорасана видных поэтов, ученых, медиков, архитекторов, художников, каллиграфов, музыкантов. Последние творчески усвоив богатейшее наследие индийской культуры, привносили в нее лучшие художественные традиции своего народа и, таким образом, создавали произведения, вошедшие впоследствии в духовную сокровищницу народов Среднего Востока. В свою очередь, немало представителей индийской культуры внесли ценный вклад в развитие культуры народов Средней Азии.

Вместе с исламом получила распространение и арабская письменность. Если в странах Среднего Востока персидский язык оставался в основном языком поэзии, то арабский язык во всех мусульманских странах становится языком теологии, философии и вообще науки. Памятники, созданные на тюркских языках, начиная с X—XI веков также писались арабской графикой. С XVI века в Индии формируется язык урду, принявший арабскую графику. Таким образом, в средние века арабская письменность в определенной степени способствовала взаимообогащению культур народов, населявших огромную территорию от Восточного Туркестана до Испании. Поэтому труды и произведения Хорезми, Фараби, Фаргани, Беруни, Ибн Сины, Низами, Дехлеви, Улугбека, Джами, Навои, Бедия и других стали в равной мере общим достоянием народов как Средней Азии, так и Индии.

После освобождения Индии от колониального гнета и провозглашения ее независимости неизмеримо расширились и упрочились на новой качественной основе традиционные культурные связи народов Советского Востока и Индии. Одним из примеров советско-индийского культурного сотрудничества и являются упомянутые выше археографические экспедиции.

Первая экспедиция выявила наличие интересующих нас материалов в рукописохранилищах и установила научные контакты с индийскими коллегами. Вторая экспедиция завершила поиск, начатый первой, и приступила к научному описанию, микрофильмированию и фотографированию отобранных уникальных памятников узбекской литературы, представляющих значительную ценность для изучения истории литературы и искусства узбекского народа и народов Советского Востока в целом.

Участники второй экспедиции в течение трех месяцев работали в книгоохранилищах Нью-Дели, Патны, Калькутты, Лакхнау, Альвара, Джайпура, Рампура, Майсура, Хайдарабада и Алигарха. Благодаря вниманию индийских коллег и любезности местной администрации нам удалось ознакомиться с рядом университетских библиотек, музеев, архивов и частных коллекций. Успеху работы узбекские ученые во многом обязаны бывшему в то время министром просвещения Индии, почетному члену Академии наук СССР, профессору Сеид Нурул Хасану и профессору Сатишу Чандра. Во всех рукописохранилищах были созданы необходимые условия для проведения исследований. Профессора Рам Рахул, Ходжа Ахмад Фаррухи, Хаким Абдулхамид Бухари, Ранд Хава, Нариндра Нат из Дели; профессор Назир Ахмад, доктора Рахматуллахан, Низами, Мансура из Алигарха; профессора Мухаммад Кукан, Мухаммад Гавс из Мадраса; профессор Имтияз Али Арши из Рампура; профессор Сарасвати из Калькутты; доктор Абид Риза Бедар; профессор Мухаммад Юсуфиддин, Кришнамурт, Абид Алихан из Хайдарабада и многие другие индийские коллеги проявили большой интерес к работе советских специалистов и оказывали им всяческую помощь. Мы ознакомились с тематикой и методами работы индийских источниковедов и составителей каталогов восточных рукописей, с условиями хранения, научной обработкой, каталогизацией, публикацией лучших памятников литературы и книжного искусства.

Как известно, в годы господства английских колонизаторов наиболее ценные, уникальные по своему художественному оформлению рукописи были вывезены из Индии и ныне являются украшением отдела рукописей Британского музея, библиотеки «Индиан Оффис» в Лондоне, королевской библиотеки в Виндзоре и других британских книжных хранилищ. Особенно сильному опустошению были подвергнуты придворные библиотеки бабуридов. После свержения колониального ига памятники духовной культуры индийского народа были взяты под охрану государства. Индийское правительство специальным законом запретило любую форму вывоза древних рукописей за пределы страны. За короткий срок был наведен определенный порядок в сосредоточении и хранении рукописей в государственных фондах, музеях, книгоохранилищах.

Научная организация хранения рукописей, их исследование и публикация прекрасно поставлены в Национальном музее в Нью-Дели, Государственной библиотеке «Худобахш» в городе Патна, в Государственной библиотеке восточных рукописей в Рампуре, библиотеке Мусульманского университета в Алигархе, университете «Усмания», Государственном архиве, Саларджанг Музее в городе Хайдарабаде и Институте востоковедения в Мадрасе. Среди частных коллекций выделяется библиотека профессора риторики Лакхнауского университета Эмира Хайдархана, в которой наряду с многочисленными печатными книгами хранится более пятнадцати тысяч томов рукописей на арабском, персидском, урду и тюркских языках.

За время работы участники экспедиций отобрали из 138305 томов, хранящихся в обследованных индийских фондах, 297 рукописей и дали

их краткое описание. Из числа последних, имеющих непосредственное отношение к духовной культуре народов Советского Востока, микрофильмирована 41 рукопись и изготовлено более тысячи цветных диапозитивов с миниатюр, орнаментов и образцов художественного письма XIV—XVII веков.

Среди отобранных рукописей — хайдарабадский список мемуаров Бабура — «Бабурнаме» на узбекском языке, переписанный в XVII веке. Факсимиле этой рукописи в 1905 году было опубликовано в Лейдене А. Бевериджем. В библиотеке «Азиатского общества» в Калькутте узбекские ученые обнаружили и другую рукопись того же произведения, переписанную в XVIII веке. В Саларджанг Музее были найдены два, а в Джайпуре один список «Дивана» Захириддина Бабура на узбекском языке (XVIII век). В Мадрасе удалось обнаружить сокращенный стихотворный перевод на персидский язык трактата Бабура об арузе, выполненный в XVIII веке ученым, поэтом и переводчиком Азфари Курагани, назвавшим трактат «Арузада».

Следует заметить, что рукописей произведений Алишера Навои в индийских фондах не много. В библиотеке университета «Усмания» в Хайдарабаде хранятся «Дивани Фани» и «Лисон ут-тайр», переписанные в начале XVI века в Герате, и великолепная рукопись перевода на фарси «Маджалис ан-нафаис».

В библиотеке Академии художеств в столице Кашмира Сринагаре имеются рукописи произведений узбекских поэтов: Хайдара Хорезми «Гулшан ал-асрар», Дурбека «Юсуф и Зулейха», Лутфи «Гуль и Навруз», семь списков «Дивана» Зебуннисабегим и «Оды» ташкентского поэта XIV века Бадриддина Чачи, переписанные в Индии.

Самой ценной находкой экспедиции может считаться «Диван» до сего времени не известного науке узбекского поэта, жившего на рубеже XIV—XV веков и писавшего под псевдонимом «Хафиз Хорезми». В рукописехранилище Саларджанг Музея хранится 8122 рукописи; 27 из них на тюркских языках, причем только шесть — художественные произведения. Данные тюркские рукописи не вошли в каталог, изданный этим музеем, краткие сведения о них были обнаружены лишь в музейной картотеке. Рукопись «Диван Хафиза на тюркском языке» значилась под № 4298 и названием *ديوانی حافظ به زبانی ترکی*. По палеографическим данным, список относится к концу XIV и первой четверти XV века. Во время первой экспедиции не удалось более подробно ознакомиться с рукописью и пришлось руководствоваться описаниями индийских коллег. Были выписаны начальные и конечные бейты первых и последних газелей, китъа, рубай и произведений других жанров, переписаны несколько газелей. По возвращении в Ташкент выписки были сверены с «Диваном» Хафиза Ширази и, таким образом, было установлено, что это — произведения совершенно разных поэтов. В имеющемся в Ташкенте каталоге рукописных фондов разных стран указаны 156 исторических личностей, известных под псевдонимом или носивших имя *Хафиз*, однако среди них не оказалось узбекского поэта Хафиза. Кто же этот Хафиз, писавший в XIV—XV веках касыды, газели, таркибанды, тарджибанды, мухаммасы, мустазады, рубай и китъа на узбекском языке, доступном и современному читателю? Ответ был найден в «Диване» самого поэта, ксерографическую копию которого любезно прислали нам коллеги из Саларджанг Музея. Тщательное изучение копии «Дивана» позволило установить настоящее имя поэта — Абдулрахим. Псевдоним *Хафиз* он избрал, чтобы вступить в поэтическое состязание со своим старшим современником, великим поэтом Хафизом:

حافظنى كورونك اوشبو زمان ترك تيليندا
 كر كيجنى اسا فارس دا اون حافظ شيراز

Абдулрахим был уроженцем Хорезма (в двух газелях на страницах 18 и 22 поэт свой псевдоним приводит с нисбой «Хафиз Хоразмий»), но феодальные смуты заставили его искать пристанище на чужбине. Он жил в Ширазе при дворе тимурида Султан Ибрахима (1414—1435), на смерть которого написал блестящую марсию (стр. 52—58).

«Диван» Хафиза Хорезми насчитывает 586 страниц (пагинация наша), формат рукописи 15×26 см, формат текста 12×18 см; на каждой странице 15—17 строк; рукопись переписана обыкновенным рабочим почерком *наسخ* в два столбика в рамках из черной туши, имеются кустоды. В начале касыд и газелей поставлены два примитивных *унвана*, бумага ширазская, шелковая, лощеная. На страницах 52—58 на другой, кремового цвета бумаге красивым почерком *насталик* переписана марсия на кончину Султан Ибрахима. Рукопись обрывается на первом бейте двенадцатого рубаи. Книга сильно повреждена, просматриваются водяные пятна на многих страницах.

«Диван» Хафиза Хорезми начинается с касыд; их всего девять и они включают 439 бейтов (стр. 2—22, 25—32), затем следуют таркиб-банд — 40 бейтов (стр. 22—25), 3 тарджибанда — 272 бейта (стр. 32—50), мухаммас — 25 бейтов (стр. 50—51) и марсия — 94 бейта (стр. 52—58). С 60-й страницы начинаются газели (до стр. 574), их всего 1052—17559 бейтов, затем следуют 2 мустазада — 41 бейт (стр. 568—569), 31 китъа — 139 бейтов (стр. 575—584) и, наконец, 12 рубаи — 23 бейта (стр. 585—586). В сборнике всего 37264 поэтических строки.

По своему мировоззрению Хафиз Хорезми принадлежал к демократическому направлению в суфизме. В своих стихотворениях он несколько раз с благоговением вспоминает Мансура Халладжа. Но вся его лирика в основном — светского содержания. Поэт воспевает любовь, дружбу, свободу личности, чем предвосхищает творчество Лутфи, Атаи, Саккаки и великого Навои. Язык Хафиза Хорезми прост, общедоступен, но включает и диалектизмы, характерные для хорезмского говора.

Произведения вновь открытого узбекского поэта XIV—XV веков свидетельствуют о высоком уровне развития узбекской художественной литературы и литературного языка в ту эпоху.

Вторым открытием явился сборник философско-дидактических поэм узбекского поэта первой половины XV века Саида Касыми. Рукописи хранятся в библиотеке «Риза» в Рампуре. Произведения Касыми переплетены в трех книгах: «Маджмаъ ул-ахбар» (инв. № 753), «Гулшани роз» (инв. № 48), «Хақиқатнома» и «Илоҳийнома» (инв. № 85), однако старая пагинация во всех трех книгах общая, начинается с листа 30^a и продолжается до листа 114^a, всего 82 листа. Формат листов — 17×25 см, текста — 15×16 см, текст в два столбика взят в рамку из цветных и золотистых линий, на странице по 15 строк. В начале каждого произведения имеется *унван* тонкой работы, текст написан черной тушью, заглавия — жидким золотом, бумага кремовая, бухарская. Рукописи реставрированы. На листе 114^a имеется колофон, где сообщается, что рукопись переписана в 1044 году хиджры (1634 год по христианскому летосчислению) в Бухаре, переписчиком Мухаммадом Садик Мушни. В традиционные сюжеты дидактических масневи вставлены многочисленные сюжетные газели-притчи, в которых нашли отражение социально-политические события эпохи. Язык простой, понятный современному читателю. На листе 99^a «Хақиқатнома» приведена дата завер-

шения произведения *اوجدا بولدى طيار سكينز يوز التمش* то есть 1458/59 годы по современному летосчислению.

В исследованной нами справочной литературе имя узбекского поэта Саида Қасыми не значится. Безусловно, данная находка обогатила историю узбекской литературы XV века.

Рукописный фонд Саларджанг Музея порадовал участников второй экспедиции прекрасно оформленным списком «Дивана» узбекского поэта Фараги (40 страниц) и рукописью «Дивана» персоязычного поэта Мир Мухаммада Газневи (67 страниц).

Как известно, автографы поэтов и ученых Востока прошлых веков являются чрезвычайной редкостью, за исключением автографов Джами. В Хайдарабаде, в частной библиотеке «Саидия» доктора Мухаммада Юсуфиддина нам посчастливилось увидеть двухтомное сочинение Джами «Джавом ат-тибян фи тафсир» на арабском языке, переписанное самим поэтом мельчайшим *наسخом* (1224 страницы). Здесь мы также обнаружили автограф неизвестного доселе науке произведения Джами «Иджазати ул-табии» на персидском языке (600 страниц). В частной коллекции профессора Рахматуллахана из Алигарха удалось сфотографировать автограф Саади Ширази. На титульном листе рукописи, переписанной хорезмским ученым-филологом Замахшари (XIII век), в семи строках сообщается, что в результате нашествия монголов поэт был вынужден оставить родину и эмигрировать в Багдад. Рукопись принадлежала самому Саади, затем Акбару и Шахиджахану. По заявлению нынешнего владельца рукописи профессора Рахматуллахана, эти семь строк — единственный в мире дошедший до нас автограф Саади.

В книгохранилищах Индии имеется немало рукописей произведений азербайджанских поэтов Низами, Насими, Саиба Тебризи, Физули и др. Среди них особую ценность, на наш взгляд, представляет рукопись полного свода поэтических произведений (*куллият*) классика азербайджанской литературы Саиба Тебризи, переписанная самим поэтом. Куллият-автограф является собственностью доктора Мухаммад Эмира Хайдархана. В куллияте, состоящем из 2308 страниц, представлены образцы почти всех жанров традиционной восточной поэзии. Подлинность автографа Саиба Тебризи подтверждена иранским ученым Сандом Нафиси, указавшим на титульном листе, что данная рукопись является автографом поэта. Рукопись нами полностью микрофильмирована для Академии наук Азербайджанской ССР.

Рукопись *тазкира* «Риёз аш-шуаро» на персидском языке, хранящаяся в Национальном Музее в Нью-Дели, принадлежит перу дагестанского ученого и поэта Вала-и Дагистани. Это ценный источник для изучения истории литератур Востока. Двухтомная рукопись тазкира переписана в 1751 году и состоит из 934 страниц; в ней приводятся сведения о поэтах и писателях Кавказа, Средней Азии, Хорасана и Ирана. Рукопись нами микрофильмирована для ученых Дагестанской АССР. В библиотеке «Риза» в Рампуре экспедицией был обнаружен и снят на пленку «Диван» Байрамхана, туркменского поэта XVI века, переплетенный в одну книгу со сборником лирики Камрана, сына Бабура.

Судя по просмотренным нами рукописям, в области естественных наук в Индии широкой популярностью пользовались труды Ибн Сины, Улугбека, Али Кушчи, оказавших заметное влияние на развитие медицинской и астрономической науки в Индии. Во всех рукописных фондах хранится много трудов этих ученых. Интересно отметить, что в XVI—XVII веках произведения среднеазиатских ученых были переведе-

ны с арабского на персидский язык, понятный почти всем народам Среднего Востока, и многократно переписывались.

Одной из научных проблем, разрабатываемых Институтом рукописей Академии наук Узбекской ССР, является сбор, изучение и публикация образцов восточных миниатюр, книжного орнамента и каллиграфии. Во время первой экспедиции было отобрано 70 художественно оформленных рукописей, созданных в Герате, Бухаре, Самарканде, Кашмире, Тебризе. После второй экспедиции их число возросло до 107. Большинство из этих памятников создано в XV—XVI веках. Среди них большой интерес представляет красочно оформленная рукопись «Равзат ал-мухибин» бухарской художественной школы XVI века, хранящаяся в Саларджанг Музее. Она свидетельствует о высоком уровне развития миниатюрной живописи в городах Средней Азии.

Экспедиции способствовали установлению научных контактов со многими научными учреждениями и учеными, обмену с ними научной информацией; были обсуждены также вопросы взаимной публикации статей советских и индийских ученых и совместной разработки отдельных проблем, интересующих специалистов обеих стран.

Научная библиотека Института рукописей Академии наук Узбекской ССР обогатилась новыми каталогами восточных рукописей и трудами индийских востоковедов в количестве 52 наименований, которые были преподнесены участникам экспедиций индийскими коллегами. Институт и впредь будет продолжать обмен научной литературой с научными учреждениями и отдельными учеными дружественной Индии.

РЕЦЕНЗИИ

Р. М. БИРЮКОВИЧ. МОРФОЛОГИЯ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

Ч. I. КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО. М., 1979, 91 стр.

Рецензируемая работа является результатом изучения автором языка чулымских тюрков, начатого сравнительно недавно известным исследователем сибирских языков А. П. Дульзоном. Данные языка чулымских тюрков до сих пор не используются в полной мере в сравнительно-исторических и ареальных исследованиях в связи с отсутствием достаточного количества соответствующих публикаций. Поэтому работа Р. М. Бирюкович — это новый шаг на пути восполнения пробела в исследовании малоизученного бесписьменного чулымско-тюркского языка.

В монографии рассматриваются категории склонения, принадлежности и числа имени существительного. При анализе указанных категорий автор пользуется методом грамматических оппозиций, дистрибутивным методом и методом семантического анализа предложений. Исследование проводится на материале полевых записей покойного А. П. Дульзона и самого автора.

Анализ категории склонения автор начинает традиционно — с формальных средств выражения падежей. Ею приводится полная парадигма склонения имен существительных простого и притяжательного склонения в единственном и во множественном числе.

Семантико-синтаксические функции падежных форм исследуются в работе на основе соотношения поверхностной и глубокой структур предложения. В глубокой структуре, представляющей собой способ именованного сложного объекта, называемого «ситуацией», обычно выделяют семантические элементы или актанты. В языкознании нет единого мнения в вопросе выделения количества актантов. Автор оперирует такими актантами, как «субъект», «адресат» и «инструмент», правомерность включения которых в состав участников ситуации не вызывает ни у кого сомнений. При интерпретации отношений между семантическими элементами (актантами) глубокой структуры автор исходит из кон-

цепции Е. Л. Кривченко¹, согласно которой семантические элементы, объединяясь общим признаком — отношением причастности к событию, — делятся на два ранга. Актанты первого ранга объединяются отношением к совершаемости события. Актанты второго ранга объединяются отношением к месту, где совершается данное событие. Само понятие причастности актантов к событию делится по двум признакам: 1) по характеру связи (непосредственная/опосредствованная или прямая/косвенная); 2) по направленности к месту совершения.

Эти семантические оппозиции, согласно принципу изоморфизма семантической и синтаксической структур, коррелируют с синтаксическими: 1) по способу связи: прямой — косвенной, синтаксический объект — синтаксический адресат, синтаксический субъект — синтаксический инструмент; 2) по направленности: от синтаксического субъекта — к синтаксическому объекту; от синтаксического инструмента — к синтаксическому адресату.

Выделенные четыре синтаксические позиции, как известно, могут быть выражены в структуре предложения. Эти синтаксические актанты соотносятся с реальными участниками события опосредствованно через семантические актанты.

Подход с позиций соотношения семантических и синтаксических актантов позволил автору четко разграничить первичные или основные и производные функции (значения) отдельных падежей, что выгодно отличает работу Р. М. Бирюкович от традиционного описания малоизученных бесписьменных языков. К первичным или основным значениям автор относит значения, характеризующиеся актантной соотношенностью (соотношенностью с актантами первого ранга), к производным — значения, обусловленные соотношенностью с актантами вто-

¹ Е. Л. Кривченко. К вопросу об определении значения актантов. — В сб.: «Проблемы семантики синтаксиса». Куйбышев (в печати).

рого ранга, к частным — значения, не имеющие актантной соотнесенности.

На основе семантического анализа Р. М. Бирюкович выделяет дифференциальные признаки каждого падежа. Это позволяет автору найти ключ к объяснению некоторых явлений тюркских языков, обычно только констатируемых в морфологических работах. Так, в тувинском языке² действие в настоящем времени для обозначения места совершения требует наличия имени в форме местного падежа, в прошедшем и будущем — имени в форме дательного падежа. Данному обстоятельству автор рецензируемой работы дает следующее объяснение: «Прошедшее и будущее время имеют направленность, точкой отсчета которой на временной оси является настоящее время, а поскольку направленность является дифференциальным признаком формы дательного падежа, то для обозначения отнесенности во времени в направлении прошедшего и будущего используется форма дательного падежа» (стр. 38). В том же тувинском языке³ в функции подлежащего используется необычная для других тюркских языков форма исходного падежа. По мнению автора работы, «Данная синтаксическая функция хорошо согласуется с актантной соотнесенностью элементов поверхностной структуры. Поскольку дифференциальным признаком исходного падежа является исходность, теоретически вполне допустимо, что он может обозначать актанта, который сам является исходным пунктом действия. Таким актантом, который занимает позицию исходного пункта сообщения, является семантический субъект, вот почему в поверхностной структуре подлежащее в некоторых языках может стоять в форме исходного падежа» (стр. 51).

Выделенные дифференциальные признаки позволяют автору определить следующие падежные корреляции: **винительный и дательный**: 1) одинаковая направленность (к), 2) разные способы связи: прямой, косвенный; **дательный и орудный**: 1) разная направленность (к, от), 2) одинаковый способ связи: косвенность; **орудный и исходный**: 1) одинаковая направленность (от), 2) разные способы связи: косвенный, прямой.

Основной падеж, немаркированный ни по направленности ни по способу связи, коррелирует с винительным и родительным падежами.

Вопрос об изоморфизме как основного и родительного, так и основного и винительного падежей находит в работе новое, оригинальное решение. Р. М. Бирюкович попыталась показать, что противопоставление основного и родительного падежей базируется не только на противопоставлении значений определенности/неопределенности, хотя эти значения и свойственны указан-

ным падежам, а опирается на универсальную семантическую оппозицию включенности/невключенности. Так, примеры изафета II и изафета III (*inäk sūdū* 'коровье молоко' и *inäktiñ sūdū* 'молоко коровы') указывают на то, что в первом примере определитель семантического актанта (*inäk*) обозначает предмет, не являющийся субъектом обладания (посессором) определяемого предмета (здесь просто выражается отношение предмета и источника), а во втором — (*inäktiñ sūdū*) определитель семантического актанта (*inäktiñ*) обозначает предмет, являющийся субъектом обладания (посессором) определяемого предмета. Это свидетельствует, как утверждает Р. М. Бирюкович, о том, что «объект (предмет), обозначенный именем в форме родительного падежа, классифицируется по признаку включенности в сферу посессивности предмета. Противопоставление родительного и основного падежей является формой выражения частной семантической оппозиции вхождения/невхождения в сферу посессивности субъекта, которая входит в более обобщенную оппозицию, классифицирующую объекты по вхождению/невхождению в сферу существования» (стр. 23).

На основе анализа приведенных в работе примеров автор стремится показать, что значения основного и винительного падежей не сводятся только к значениям определенности/неопределенности в артиклевой функции знания/незнания, а входят в более широкую понятийную категорию включенности/невключенности⁴, представленную частными оппозициями: а) свой/чужой. Формальным выражением признака «свой» является обязательный детерминант (притяжательное местоимение) плюс показатель винительного падежа (простая, непритяжательная форма); б) включенный/невключенный. Формальным выражением признака «включенный», как считает автор, являются: 1) указательное местоимение плюс форма винительного падежа или 2) отсутствие указательного местоимения при обязательности аффикса винительного падежа. Такой подход позволяет объяснить все случаи так называемых «отклонений», наблюдаемых во многих тюркских языках в употреблении винительного падежа.

Анализ категории принадлежности в монографии также начинается с описания формальных средств выражения. Как и в предыдущем разделе, здесь наряду с материалами из А. П. Дульзона излагаются и собственные наблюдения автора. Достоинством данного раздела, как и предшествующего, является исследование Р. М. Бирюкович семантики указанной категории.

⁴ О выделении категории включенности/невключенности, близкий/далекий см.: Т. В. Цивьян. О некоторых способах оппозиции в языке оппозиции внутренних/внешних. — В сб.: «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 128.

³ Там же, стр. 135.

Категория принадлежности привлекала внимание многих ученых. Р. М. Бирюкович, учитывая сложившиеся в тюркологии традиции изучения этой категории, попыталась подойти к решению проблемы с позиций универсальных семантических категорий. Приведя отрывок из сказки, автор обращается к иллюстративным примерам, показывая, что формы типа *че:ге* '(его) черт', *күске:же* '(его)мышь' не выражают принадлежности, то есть этим она подтверждает высказанное в литературе мнение о том, что значения категории принадлежности нельзя сводить к значениям реальной принадлежности, особенно ярко это проявляется в форме 3-го лица. В работе подчеркивается, что противопоставление категориальных форм 1-го и 2-го лица формам 3-го лица осуществляется в языке в целях дифференциации объектов по признаку включенности в сферу говорящего, то есть участника коммуникации, с одной стороны, и в сферу лица (предмета), не являющегося участником коммуникации, — с другой. Таким образом, категория принадлежности понимается автором в более широком смысле, то есть в значении отношения включенности лица (предмета) в сферу существования другого. Дополнительным подтверждением того, что категория принадлежности выражает универсальную семантическую оппозицию включенность/не-включенность, является, по мнению автора,

проявление ее в более частной оппозиции отчуждаемость/неотчуждаемость. Все имена исотчуждаемых объектов маркированы аффиксами принадлежности, имена отчуждаемых объектов — не маркированы.

Интересен подход автора к решению проблемы категории числа. На основе отсутствия структурной функции у форм с *-лар* и без *-лар* и использования разнообразных средств выражения единичности, что не характерно для формы без *-лар*, автор делает вывод о наличии понятийной категории количества в чулымско-тюркском языке. Можно только сожалеть, что этот раздел написан более схематично, чем предыдущие.

Исследованию лингвистических категорий было бы целесообразно предпослать небольшую историческую и географическую справку о носителях языка.

В связи с отсутствием в печати текстов на чулымско-тюркском языке следовало бы завершить работу имеющимися в распоряжении автора текстовыми иллюстрациями.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы в будущем столь же удачно были изданы исследования следующих разделов морфологии языка, грамматический строй которого до сих пор не исследовался в тюркологической литературе.

А. А. Чеченов

Я. С. АХМЕТГАЛЕЕВА. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПАМЯТНИКА «КИСЕКБАШ КИТАБЫ»

М., 1979, 191 стр.

Средневековый дастан «Кисекбаш китабы» издавна пользовался широкой популярностью среди различных слоев татарского населения. До революции он использовался в татарских медресе в качестве учебника. Однако, несмотря на важное место, которое этот памятник занимал в истории татарской литературы, он до сих пор не был предметом специального изучения. Исследование языка памятника представляет особый интерес для изучения истории татарского языка, так как «Кисекбаш китабы» относится к источникам, язык которых отражает переходный этап от древнетюркского языка народов Поволжья к языку татарской народности.

Монография Я. С. Ахметгалеевой содержит общелингвистический и краткий лингвистический анализ дастана. В ней дана история сюжета, определены жанр произведения и ритмика стиха, описаны графофонетические, морфологические и лексические особенности языка дастана. Сюжет памятника рассматривается в плане выяс-

нения его связей с литературной и фольклорной традициями, а также с реальными историческими событиями того времени. Автор обращается к спорному и трудному вопросу об авторстве памятника. Языковые особенности дастана сопоставляются с данными современного татарского языка и его диалектов, грамматические формы — с фактами кыпчакских и огузских языков, а также с языком памятников тюркской письменности XI—XV веков.

Я. С. Ахметгалеева провела текстологическое исследование девятнадцати дошедших до нашего времени рукописей памятника, не обойдя вниманием некоторые печатные издания. Книга снабжена сводным критическим текстом, его транскрипцией, подстрочным переводом и словарем. В книгу включен и поэтический перевод дастана, выполненный С. Ивановым.

Книга состоит из предисловия, списка сокращений, введения, пяти глав собственно исследования, заключения и приложений, в число которых входят: транскрипция тек-

ста, подстрочный перевод, глоссарий, указатель имен и географических названий, фрагменты рукописей «Кисекбаш китабы», список использованной литературы.

В предисловии говорится о целях и задачах исследования, его научной значимости и актуальности; во введении излагается краткая история изучения дастана, делается вывод о «необходимости последовательного исследования» памятника «с точки зрения системного описания его языка» и «определения его места в истории литературы» (стр. 11). Используемая в работе транскрипция или, вернее, транслитерация, построенная на латинской основе, передает, естественно, не произношение автора дастана или одного из его переписчиков, а известную по другим источникам «норму» произношения, существовавшую в прежнее время в данном регионе. Все это автору следовало особо оговорить и объяснить свое отношение к передаче этой «нормы» и отклонениям от нее, а также «особенности» применяемой ею транскрипции.

В первой главе дается описание рукописей дастана, находящихся в хранилищах СССР и за рубежом, из которого явствует, что памятник был распространен в основном в Татарской АССР и в Среднем и Нижнем Поволжье. В специальном разделе рассматривается вопрос об авторстве дастана, считающегося по сей день произведением анонимным.

Вторая глава работы посвящена истории сюжета, определению жанра, характеристике героев дастана, места действия и особенностям стиха. Я. С. Ахметгалева приходит к выводу, что дастан создан не ранее XIII и не позже XIV века. В нем объединены два фольклорных сюжета: 1) колобок (голова) и 2) змеборец и девица. Для стиха дастана характерны: аффиксальная рифма, равносложность (11 слогов), синтаксический параллелизм.

Третья глава посвящена краткому обзору системы гласных и согласных, в которой, по мнению автора, «проявляется большое сходство с татарским языком и его диалектами» (стр. 73).

Четвертая глава представляет собой краткий очерк морфологии памятника по разделу имен, местоимений, глаголов, наречий, послелогов, союзов, частиц. Автор заключает, что язык памятника является «более кыпчакским, чем огузским», близким к языку кыпчакско-огузских памятников «Мухаббат-нама», «Хосров и Ширин» и др.

В пятой главе рассматривается лексика дастана по лексико-семантическим группам: неживая природа, живая природа, челове-

ческое общество, отвлеченные понятия, обозначения пространства. В каждой группе выявляются слова общетюркского происхождения, арабские и персидские заимствования. Отмечаются они и в группах: прилагательные, глаголы, наречия, числительные, местоимения. Отдельно останавливается автор на «тюркских словах, изменивших форму или значение в современном татарском языке», на «арабских словах, изменивших форму или значение в современном татарском языке», на «персидских словах, не употребляющихся в современном татарском языке», на «лексических вариантах в рукописях „Кисекбаш китабы“». Я. С. Ахметгалева приходит к выводу, что «основу словарного богатства дастана составляет тюркская лексика. Значительный объем среди заимствований из других языков занимают арабизмы. Персидские заимствования составляют незначительную часть лексики языка „Кисекбаш китабы“». Большая часть лексического состава памятника сохранилась в современном татарском языке и его диалектах» (стр. 118).

Резюмируя свои выводы, автор справедливо заключает: «В настоящее время остро ощущается необходимость общепилологического исследования средневековых тюркоязычных памятников урало-поволжского региона, что даст важный материал не только для изучения развития татарской литературы и построения исторической грамматики татарского языка, но и для всей тюркологии» (стр. 121).

Достоинством монографии Я. С. Ахметгалеевой является публикация в ней сводного критического текста дастана в арабской графике и в латинской транскрипции (вернее — транслитерации с элементами транскрипции) на основе самой старой и полной рукописи и с указанием основных разночтений по другим рукописям. Подстрочный перевод текста точен, поэтический перевод С. Иванова сделан на высоком художественном уровне. Словарь к тексту, составленный в арабской графике и в указанной транскрипции, — полон, в нем отражены арабские и персидские заимствования.

Публикация сводного критического текста «Кисекбаш китабы» и словаря к нему, общепилологический и лингвистический анализ памятника вводят в науку новый языковой источник урало-поволжского региона периода тюркского средневековья. В этом — ценность монографии Я. С. Ахметгалеевой.

Л. Дмитриева

Н. ОРАЛБАЕВА. ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ЕТІСТІКТІҢ АНАЛИТИКАЛЫҚ ФОРМАНТТАРЫ

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1975, 136 стр.

Н. ОРАЛБАЕВА. ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ЕТІСТІКТІҢ АНАЛИТИКАЛЫҚ ФОРМАНТТАРЫНЫҢ ҚҰРЫЛЫСЫ МЕН МАҒЫНАСЫ

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1979, 194 стр.

Н. Оралбаевой изданы две книги, посвященные изучению аналитических формантов глагола в современном казахском языке.

В первой книге «Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары» изложена, в основном, история формирования, развития и функционирования аналитических формантов казахского глагола, охарактеризованы общие свойства и специфические особенности данного типа сложных глагольных конструкций в отличие от других сходных языковых явлений. Автор детально рассматривает каждый аналитический формант, исходя из его лексико-грамматических, грамматических значений и в соотношении с категориями казахского глагола.

Во второй книге «Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы» дается научное освещение структуры семантико-аналитических формантов казахского глагола.

Рецензируемые работы Н. Оралбаевой, так же как ранее изданные работы А. А. Юлдашева¹, посвящены важному аспекту изучения тюркского глагола.

Казахский глагол, подобно глаголам других тюркских языков, особенно в плане синтетических моделей, достаточно хорошо изучен, чего нельзя сказать об аналитических глагольных конструкциях. На это справедливо указал Ф. А. Ганиев². Причиной неизученности аналитических форм глагола в тюркских языках является не только чрезвычайная сложность, но и укorenившаяся в лингвистической типологии интерпретация, согласно которой агглютинирующие тюркские языки, в том числе и казахский, по характеру морфологизации относятся к языкам синтетическим³.

В исследованиях А. А. Юлдашева, Ц. Ж. Цыдыпова⁴ и Н. Оралбаевой, посвященных аналитическим формам глагола,

много общего. Вместе с тем каждое из них оригинально, и все они дополняют друг друга.

Освещение аналитических формантов в первой работе Н. Оралбаевой начинается с рассмотрения их разновидностей в зависимости от истоков образования: 1) на базе сложных глаголов; 2) посредством присоединения служебных слов: *ет, еді, екен, емес* и *жоқ*; 3) путем их слияния друг с другом (стр. 41).

Говоря о составе аналитических формантов, автор выявляет те служебные компоненты, при помощи которых знаменательные и вспомогательные глаголы образуют аналитическое целое, а затем останавливается на каждом из них.

В ряде случаев Н. Оралбаева выходит за рамки требований, предъявляемых к учебному пособию, каковым является настоящая работа, и привлекает языковые факты, имеющие сравнительно-историческое значение (стр. 42, 49 и др.).

Значительный интерес представляет та часть работы (стр. 54—76), в которой интерпретируются специфические черты аналитических формантов в отличие от сходных языковых явлений: сложных глаголов, перифрастических форм, составных и других форм глаголов, устойчивых и свободных словосочетаний.

Аналитический формант — составная и постоянная часть аналитической формы, отличает ее от устойчивых словосочетаний. Способы сочетания компонентов этих двух конструкций различны, они неоднородны также и по составу, ввиду принадлежности их компонентов к различным частям речи. Аналитическая форма является объектом морфологии, тогда как устойчивое словосочетание — объект фразеологии, то есть лексикологии. Эти и другие научно обоснованные теоретические критерии автор подтверждает, обращаясь в своих обобщениях к конкретным фактам языка.

В основе научного толкования, изложенного в книге материала, лежит выяснение взаимоотношений аналитических формантов с категориями глагола (стр. 71—137). Особого внимания заслуживают аналитические форманты категорий характера протекания действия и модальности, ранее не изучавшиеся. Рассмотрение аналитических формантов проливает свет также на каждое из наклонений казахского глагола (стр. 122).

Специально останавливается автор на аналитических формантах положительной и отрицательной форм глагола.

¹ А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958; *его же*. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

² См.: Ф. А. Ганиев. Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи. — «Советская тюркология», 1979, № 1, стр. 3—8.

³ «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.

⁴ Ц. Ж. Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.

Вторая из рецензируемых книг начинается с всесторонней характеристики аналитических формантов.

Основные глаголы с недостаточным глаголом в формах *еді, екен, емес* и отрицательным словом *жоқ* (стр. 17—28) квалифицируются автором как глаголы с неосложненными одноморфемными аналитическими формантами. В отличие от других несложненных аналитических формантов в них отсутствуют соединительные аффиксы двух компонентов конструкций. Поэтому автор соответственно обозначает их *Ø еді, Ø емес, Ø екен* и т. д. К этой же группе относятся аналитические формы глагола типа: *отыр еді, жур екен, келген емес, барған жоқ* и др.

Двухморфемные конструкции типа: *-п ал, -п бер, -п бол, -п тус, -п қой, -п кет, -п жур, -п өт* и т. д. по своей продуктивности и абстрагированности отличаются от других структурных разновидностей изучаемых формантов. В целях конкретизации и адекватного описания их типов автор предлагает некоторые формализованные модели (стр. 30, 33).

Следующие типы формантов, квалифицируемых как осложненные, состоят из трех (стр. 37—48) и четырех (стр. 48—51) морфем. Автор приводит их модели (стр. 50) с соответствующими пояснениями. Как неосложненным, так и осложненным аналитическим формантам присущи следующие общие признаки: 1) каждый из формантов выражает одно значение и выполняет функцию одной морфемы; 2) компоненты формантов как по форме, так и по иерархии следования, а также выражению значения и принадлежности к той или иной категории глагола строго разграничены и функционируют как грамматикализованное единое целое. Их значение, как правильно констатирует автор, не является простой суммой составляющих частей. Оно получает соответствующее развитие посредством идиоматизации и постепенного абстрагирования первоначального значения в ходе длительного совместного функционирования.

Во втором разделе книги автор рассматривает аналитические форманты, исходя из их общего вспомогательного глагола. Количество вспомогательных глаголов не превышает тридцати, однако в сочетании с основными компонентами они образуют вдвое большее число сложных конструкций. Такое несоответствие связано с потенциальными возможностями сочетания нескольких аффиксальных морфем с тем или иным вспомогательным глаголом. Например, *тұр* варьируется следующим образом: *-п тұр, -а тұр, -ғалы тұр; -п кел, -е (-а) кел, -гісі (-қысы) кел* и т. д. (стр. 77).

Аналитические форманты при строгой системности весьма разнообразны по составу. Одни из них можно сгруппировать и отнести к непарным аналитическим формантам глагола (тип: *-п таста, -п жібер*), другие, наоборот, — к парным: [1] *-п кет, -а кет;*

2) *-п қой, -а қой;* 3) *-ғы (-м, -ң, -сы), кел, -п кел* и др.]. К групповым формантам относятся такие, например, как: *-ған еді, -ушы еді, -са еді, -ғай еді, -са игі еді; -п еді, -мақ еді, -р еді, -йтін еді* и т. д. С одним только вспомогательным глаголом *еді (>эрс + -ди)* образуется десять аналитических формантов.

Добрую половину своей второй книги Н. Оралбаева посвятила семантике аналитических формантов глагола (стр. 130—192).

Говоря об однозначности семантики аналитических формантов, автор исходит из общеизвестного положения, гласящего, что агглютинативным языкам свойственна однозначность аффиксов и, следовательно, эта общая закономерность присуща аналитическим формантам, как *-п ал* и *-а ал*, при помощи которых образуются глагольные конструкции типа: *оқы-п ал, оқы-й ал*. Каждая из этих конструкций включает разные по составу и семантике аналитические форманты глагола с одним определенным оттенком значения. Вместе с тем встречаются и многозначные аналитические форманты, например, *-п отыр, -п тұр, -п жур*. В таком сочетании они выражают: во-первых, изъявительное наклонение, во-вторых, настоящее конкретное время и, в-третьих, значение второй фазы действия. Такую особенность этих формантов автор объясняет тем, что вспомогательные глаголы *отыр, тұр, жур* (за исключением *жатыр*) в процессе многовекового функционирования слились с показателем конкретного настоящего времени — глаголом *тұр*. Многозначность формантов указанного времени — результат слияния двух морфем.

Далее в работе анализируются синонимичность аналитических формантов. На фактах языка автором выявлены и квалифицированы пятнадцать синонимических рядов (стр. 153), каждый из которых получает научное толкование в строгой последовательности.

В заключение следует подчеркнуть, что Н. Оралбаева впервые в казахской лингвистике дала полную характеристику аналитических формантов. В ее работах система сочетаемости аналитических формантов глагола получила научно обоснованное объяснение, ею осуществлено также моделирование структурных типов аналитических формантов и определено их место в структуре глагола и слова вообще.

А. К. Калыбаева (Хасенова).

⁵ В соответствии с его генезисом древнетюркский глагол *ег-* в научной литературе именуется еще «недостаточным» (см.: А. Ходжаев. Недостаточный глагол в узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1968).

«КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ». (ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, БАСНИ)

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1979, 272 стр.

Библиотека образцов устнопоэтического творчества тюрко-монгольских народов пополнилась новым интересным сборником — научной публикацией казахских легенд, преданий, бытовых рассказов, сказок и басен о животных. Следует отметить, что до недавнего времени наши ученые ограничивались в основном публикацией популярных и научно-популярных изданий фольклорных образцов.

В последнее десятилетие стали появляться превосходные в научном отношении публикации, осуществленные башкирскими и татарскими фольклористами¹. Особое место среди подобных изданий занимают тома серий «Башкирское народное творчество» и «Татарское народное творчество», содержащие образцы башкирского эпоса и сказок, а также «короткие песни» и сказки татарского народа. Тексты сказок в обеих публикациях снабжены обстоятельными комментариями, включающими сведения о распространенности сюжетов в фольклоре тюрко-монгольских народов и типологический анализ сюжетов по международным указателям. Башкирскими издателями, кроме того, приводятся материалы по истории отдельных сказочных сюжетов. В той и другой сериях тексты публикуются только на языке оригинала.

Традиция научных изданий образцов устнопоэтического творчества в казахской фольклористике имеет давнюю историю и ряд специфических особенностей. Уже первые издания, посвященные казахскому эпосу, знакомили читателя с казахскими фольклорными текстами, снабженными переводом на русский язык. Тексты публиковались с максимально возможным числом вариантов и не подвергались редактированию. Наконец, издания оснащались соответствующим научным аппаратом, включающим глоссарий, комментарии, разночтения,

и предварялись обстоятельной вводной статьей².

Эти же принципы придерживались составители и последующих научных изданий казахских фольклорных текстов³, в том числе и рецензируемого сборника. Составители последнего — С. А. Каскабасов, Е. А. Костюхин, Н. С. Смирнова, Е. Д. Турсунов — ставили своей целью «дать более широкую картину фольклорной традиции, в русле которой бытовала и развивалась казахская сказка о животных» (стр. 210), в связи с чем ими были включены в издание, помимо сказок, тексты легенд, преданий, бытовых рассказов и басен. Сборник состоит из двух обширных разделов: «Легенды, предания и бытовые рассказы о животных» (составление и комментарий Е. Д. Турсунова) и «Сказки, апологи и басни о животных» (составители С. А. Каскабасов, Е. А. Костюхин, Е. Д. Турсунов).

В соответствии с этим в сборнике представлены два комментария. Составители объясняют это следующим образом: «Два раздела, из которых состоит сборник, включают принципиально различный материал. Предания, сказки и легенды о животных восходят к глубокой древности, что не значит, конечно, будто весь материал этих жанров архаичен: здесь много и нового. Но предания, сказки и легенды, старые и новые, теснейшим образом связаны с бытом, верованиями, укладом. Сказки о животных (опять-таки независимо от того, древнего они происхождения или нового), басни в стадильном отношении моложе и с бытом почти не связаны. Они принадлежат преимущественно области духовной культуры... Этими различиями обусловлены и разные типы комментариев к разделам. Предания, сказки-ангемы и легенды сопровождаются комментарием прежде всего этнографическим, позволяющим установить их место в истории народной культуры. Сказки и басни же требуют типологического анализа

¹ «Татар халык табышмаклары». Төзүчөсү Н. Исәнбәт. Казан, 1970; Ж. Фәйзи. Халык жәүһәрләре. — «Татар халкының хәзерге заман музыка фольклоры». Казан, 1971; М. Нигъмәтжанов. Татар халык жырлары. Казан, 1976; «Башқорт халык ижады. Эпос», 1—2 китаптар. Төзүсү М. Сәғитов. Өфө, 1972, 1973; «Башқорт халык ижады. Әкияттар», 1—2 китаптар. Төзүсүләр М. Минһажетдинов, Ә. Харисов, аңлатмалар Л. Барак менән М. Минһажетдиновтыкы. Өфө, 1976; «Татар халык ижаты. Кыска жырлар». Төзүчө И. Надиров. Казан, 1976; «Татар халык ижаты. Әкиятләр», 1—2 китаптар. Төзүчеләр Х. Гатина, Х. Ярми. Казан, 1977—1978.

² «Қозы Көрпеш-Баян сұлу». Составитель И. Дюсенбаев. Алма-Ата, 1959; «Қамбар-батыр». Составители Н. Смирнова, М. Гумарова. Алма-Ата, 1959; «Алпамыс-батыр». Составители Н. Смирнова, Т. Сыдыков. Алма-Ата, 1961; «Қыз Жібек». Составители Н. Смирнова, М. Гумарова. Алма-Ата, 1963.

³ «Казахская народная поэзия (Из образцов, собранных и записанных А. А. Диваевым)». Составитель Н. С. Смирнова, М. Г. Гумарова, М. С. Сильченко, Т. С. Сыдыков. Алма-Ата, 1964; «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации)». Составители Н. С. Смирнова, Е. Д. Турсунов, С. А. Каскабасов. Алма-Ата, 1972.

сюжетов, который должен определить их место в общетюркском и мировом фольклоре, обнаружить их интернациональные связи» (стр. 5).

Следует согласиться с этим мнением составителей. Благодаря дифференцированному подходу к комментированию различных жанров «животного эпоса» им удалось показать богатство казахского фольклора в условиях его живого бытования и жанровой специфики. В комментарии Е. Д. Турсунова читатель найдет также интересные сведения об истории отдельных сюжетов и мотивов, легенд и преданий, о распространенности их в русле тюрко-монгольской устнопоэтической традиции. Безусловного внимания заслуживают, в частности, заключения комментатора по поводу генетической истории текстов: «Кукушка», «Легенда о происхождении сурка», «Кор-тышкан», «Предки домашних животных», «Откуда рождаются скакуны-тулпары», «Легенда о ласточке», «О кумае», «Птица Шынырау», «О псе-сырттане», «Серая собака», «Лебедь». Комментарии к этим текстам — своеобразные эссе, включающие различный историко-фольклорный, археологический и этнографический материал.

Столь же интересны комментарии к текстам второго раздела, раскрывающие место казахских вариантов в системе тюрко-монгольского фольклора, их национальную или региональную специфику, а также типологический анализ сюжетов. Комментаторы показывают сложные пути взаимодействия казахской фольклорной традиции с тюрко-монгольской, составной частью которой она является, а также с древними традициями восточной литературы. В обоих комментариях тексты паспортизированы. Несомненным достоинством сборника является то, что благодаря типологическому анализу сюжетов по международным указателям казахская сказка о животных вво-

дится в широкий научный обиход и при этом выявляется место казахской сказочной традиции в системе мирового фольклора.

Составители бережно отнеслись к текстам публикуемых фольклорных образцов, проделали большую текстологическую работу по установлению аутентичности текстов, помещенных в различного рода периодических и неперидических изданиях дореволюционного и советского времени, а также хранящихся в архивных собраниях Алма-Аты, Оренбурга и других городов нашей страны. В результате составители обнаружили целый ряд текстов, подлинность которых, однако, вызывает сомнение по различным причинам (редакторская правка, перевод иноязычных текстов на казахский язык и пр.). Все они включены в особый «Указатель текстов, не вошедших в сборник», где в каждом конкретном случае причина сомнительности текста специально оговаривается. Такого рода работа проделана казахскими фольклористами впервые.

Чтобы сделать сборник доступным по возможности большему числу фольклористов, составители приводят тексты с адекватным переводом их на русский язык. При этом переводчики (ими являются сами составители — Е. Д. Турсунов и С. А. Каскабасов) старались по мере возможности сохранять в переводе художественность текстов без ущерба для точности и адекватности передачи их содержания.

Издание сборника «Казахские сказки о животных» является заметным событием не только в казахской, но и во всей тюрко-монгольской фольклористике, ибо это итог многолетней работы казахских фольклористов по выработке принципов научного издания устнопоэтических образцов на основе тесной взаимосвязи казахской и в целом тюрко-монгольской устнопоэтических традиций.

Р. Бердибаев

«БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ ФРАЗЕОЛОГИИ»

ВЫПУСК V, СОСТАВИТЕЛЬ А. М. БУШУИ, ИЗД-ВО Сам.ГУ, САМАРКАНД,
1979, 246 стр.

Рецензируемый библиографический указатель по вопросам фразеологии составлен А. М. Бушуем на основе материалов исследований, изданных в 1976—1978 годах как в нашей стране, так и за рубежом. В нем отражено свыше 3400 новых работ по самым различным аспектам фразеологии. Сюда же вошли выявленные автором пропуски за прошлые годы. Основные вопросы научного исследования фразеологии составитель подразделил на тридцать глав.

6 «Советская тюркология». № 2.

В каждой главе ярко проявляется реферативность и что особенно ценно — названия публикаций дифференцированы по языкам. Читатель может легко отыскать нужную ему литературу на любом языке.

В книге нашли достаточно полное отражение исследования по тюркской фразеологии. Указаны почти все труды крупных специалистов, работающих в тюркоязычных республиках в области фразеологии: Ш. Рахматуллаева, С. К. Кенесбаева,

Г. А. Байрамова, З. Ураксина, Г. Х. Ахунзянова, М. Чернова и др. Вместе с тем читатель найдет в указателе и много новых имен молодых исследователей тюркской фразеологии.

Библиография наряду с информацией о работах ориентирует тюркологов на изучение актуальных проблем фразеологии, таких, как историческая фразеология и фразеология говоров и диалектов. В связи с этим хочется отметить, что в работах по диалектологии тюркских языков в основном и прежде всего делается упор на лексику, а богатые фразеологические материалы говоров и диалектов обычно остаются вне поля зрения исследователей. Между тем фразеологизмы могут содержать интересные данные по истории языка, этнографии, истории народа. Недостаточное внимание к фразеологизмам делает неполным наше представление о том или ином диалекте. Это особенно сильно ощущается в

таких многодиалектных языках, как узбекский.

Отмечая ценность и полезность работы, хотелось бы высказать одно пожелание. В настоящее время во всех тюркоязычных республиках на национальном языке издаются многочисленные газеты и журналы. В довольно распространенной в них рубрике «Почему мы так говорим?» в популярной форме публикуются самые разнообразные материалы о фразеологизмах, которые в последующих выпусках библиографии было бы весьма полезно учесть.

Несмотря на мелкие недостатки (например, отнесение работ Т. А. Байматова по иранской фразеологии к тюркской), библиографический указатель А. М. Бушуя явится ценным справочным пособием при координировании и кооперировании научно-исследовательских работ в области фразеологии тюркских языков.

Э. А. Умаров

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

9—10 апреля 1980 года в Казани состоялась научная конференция языковедов Татарии, посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию образования Татарской АССР.

Конференция была организована Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР и Казанским государственным педагогическим институтом. В работе конференции помимо сотрудников указанных учреждений принимали участие также представители профессорско-преподавательского состава Казанского государственного университета, Башкирского государственного университета и Елабужского педагогического института. На конференции было заслушано более сорока докладов и сообщений.

М. З. Закиев в докладе «О методологии научных исследований по татарской лингвистике» подчеркнул огромное значение разработки В. И. Лениным марксистской методологии научного познания и подверг критике отдельные работы по татарскому языкознанию, недостатком которых, по его мнению, является неумение их авторов пользоваться этой методологией. Основываясь на постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», М. З. Закиев предложил в целях повышения теоретического и методологического уровня лингвистических исследований организовать постоянно действующий городской семинар языковедов по углубленному творческому изучению марксистско-ленинской методологии научного познания.

И. А. Абдуллин в докладе «В. И. Ленин у истоков большевистской печати на татарском языке» остановился на истории создания в годы первой русской революции более ста большевистских листовок и брошюр на татарском языке, отметил их ценность для изучения истории татарского литературного языка. На основе богатого фактического материала (писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Казанский коми-

тет РСДРП, трудов В. И. Ленина и т. д.) докладчик раскрыл роль В. И. Ленина в зарождении большевистской печати на татарском языке, распространении марксизма в Татарии.

В докладе Л. К. Байрамовой «Фразеологизмы в произведениях В. И. Ленина и их перевод на татарский язык» рассматривались трансформации В. И. Лениным общеупотребительных фразеологизмов. Докладчик отметила, что абсолютно тождественных им фразеологических эквивалентов в татарском языке мало. Приблизительные татарские фразеологические эквиваленты и аналоги не вполне соответствуют политическому контексту работ В. И. Ленина, употребляющего общезыковые фразеологические единицы фрагментарно, эллиптировано или использующего контекстуально-ситуативные синонимы. Поэтому наиболее верным методом перевода последних на татарский язык, по ее мнению, является калькирование.

С докладом «Особенности лексики текстов о В. И. Ленине в Татарии, включенных в книги для чтения на родном языке I—III классов», выступила М. Х. Хасанова. Проанализировав учебные пособия для начальных классов и опыт работы учителей татарских школ, она подчеркнула необходимость объединения усилий лингвистов, литературоведов и методистов в целях разработки словарей и справочников для школьников.

В докладе Ф. А. Ганиева «Актуальные проблемы исследования морфологии современного татарского литературного языка» говорилось о научной базе для создания академической грамматики татарского языка, об актуальных проблемах морфологии, таких, например, как классификация частей речи, выделение дополнительных синтетических падежей с аффиксами *-лы (-ле)*, *-сыз (-сез)*, *-дай (-дәй)* и т. д. По мнению Ф. А. Ганиева, проблема акционорта (способов действия) должна быть правильно интерпретирована в вузовских учебниках и научно-описательных грамматиках, а иссле-

дование морфологических категорий в них — основываться на марксистско-ленинском учении о форме и содержании.

Доклад *Ф. С. Фасеева* «О современном состоянии, проблемах и методах исторического исследования татарского языка» показал сложность данной проблемы, акцентировал внимание на актуальных проблемах этногенеза, лингвогенеза, происхождения диалектов, письменной-литературных (тюрки) и современных языков. Докладчик особо подчеркнул значение источников для изучения истории языка, без которых невозможно проследить историко-языковые закономерности и подтвердить правильность существующих гипотез. Докладчик указал, что все еще продолжают отставать источниковедение и публикация письменных памятников, а это в известной мере связано с недоработками в области алфавита, орфографии, транскрипции, транслитерации и т. д.

В докладе *В. Х. Хакова* «Основные тенденции и закономерности развития татарского литературного языка после Октябрьской социалистической революции» говорилось о становлении лексических, фонетических и грамматических норм, а также стилистической системы татарского языка после Октября.

М. Г. Мухамдиев в докладе «Татарская лексикография за 60 лет», проследив развитие татарской лексикографии в советское время, отметил подготовку словарей различного профиля и успешную разработку ряда теоретических вопросов лексикологии и лексикографии. Об этом свидетельствует издание двух томов трехтомного «Толкового словаря татарского языка». Татарским лексикографам, по мнению докладчика, теперь предстоит подготовить новый трехтомный «Русско-татарский словарь», отвечающий современному уровню развития тюркской лексикографии.

В докладе *И. Б. Башировой* «Состояние изучения стилистики татарского языка: проблемы и задачи» отмечались успехи, достигнутые в области научной разработки стилистики (издание многочисленных статей, около двух десятков монографий), было указано на необходимость исследования современного состояния функциональных стилей и комплексного изучения разговорной и художественной речи.

Ф. С. Сафиуллина в докладе «Актуальные вопросы изучения татарской разговорной речи» остановилась на определении понятий «разговорная речь», «устно-речевой» и «диалектный» синтаксис. Она высказала мысль, что основные синтаксические особенности разговорной речи отражаются в языке художественной литературы и поэтому последняя может служить, наряду с живой разговорной речью, надежным источником для исследователя данной проблемы.

Доклад *Г. Х. Ахатова* «Изучение татарского языка в Башкирском государственном университете» огласила *Б. С. Салимгареева*.

В нем сообщалось о научно-исследовательской работе по изучению актуальных проблем татарского языка, проводимой кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета.

Многие доклады были посвящены изложению итогов отдельных исследований по различным разделам татарской лингвистики.

Д. Г. Тумашева в докладе «Функционально-семантическое исследование грамматических категорий татарского глагола» показала перспективность данного метода в теоретическом и практическом отношениях. По ее мнению, применение метода функционально-семантического анализа, разработанного в трудах отечественных языковедов, позволяет, с одной стороны, расширить и уточнить наши представления об организации структуры значения глагольных категорий (в системе языка и функционирования их в речи), с другой — выявить средства различных языковых уровней, участвующих в выражении того или иного грамматического значения. Как считает докладчик, изучение взаимодействия глагольных категорий с контекстом дает также выход в грамматическую стилистику.

Доклад *М. А. Сагитова* «Метод лингвистического моделирования в татарской фонетике» был посвящен исследованию синтагматики татарских согласных звуков методом лингвистического моделирования. Докладчик информировал конференцию о том, что с помощью формально-логического и математического аппарата создан полный корпус бинарных и тернарных синтагм согласных звуков, реально и потенциально существующих в современном татарском языке; осуществлена также разбивка их на классы, выявлены синтагматические отношения как между интервокальными, так и финальными сочетаниями согласных звуков, установлены законы их сочетаемости в интервокальных и финальных позициях.

С. М. Ибрагимов, выступивший с докладом «Основные факторы выбора синтаксических синонимов», указал на следующие определяющие факторы: 1) стиль речи, 2) литературную традицию языка, 3) структурные особенности синтаксических конструкций, 4) языковые средства связи, участвующие в образовании синтаксических синонимов, 5) грамматическую омонимию, 6) синтаксическую аттракцию.

Доклад *Х. Р. Курбатова* «Стилевые приемы в древнетатарской художественной литературе» был посвящен поэтическим стилистическим факторам: автологическому и металогиическому приемам, типологии образно-выразительных средств, речевым формулам (зачин, концовка и т. д.), архитектонике и метрике в древнетатарской литературе.

Принципы и специфика составления словаря идиом татарского языка и словаря синонимов были четко изложены в докладах *Г. Х. Ахунзянова* и *Ш. С. Ханбиковой*.

В ряде докладов большое внимание уделялось актуальным вопросам билингвизма и русско-татарского взаимовлияния.

Р. А. Юсупов в докладе «Двуязычие: взаимодействие русского и татарского языков» отметил, что знание татарами наряду с родным языком и русского способствует значительному обогащению и развитию татарского языка, в особенности его лексико-фразеологической системы. Докладчик указал также и на определенное влияние, оказываемое татарским языком на русский, главным образом, в процессе художественного перевода с татарского языка на русский: в произведениях литературы проникают фразеологизмы и тропы, созданные по образцу соответствующих средств татарского языка, наряду с названиями специфических реалий.

В докладе *К. З. Зиннатуллиной* «Смысловые, грамматические и структурные особенности сложноподчиненных предложений в татарском языке в сопоставлении с русскими» подчеркивалось, что в обоих указанных языках сложноподчиненное предложение представляет собой целостную синтаксическую единицу, характеризующуюся семантической, грамматической и структурной спаянностью компонентов. В смысловых и структурных отношениях между компонентами сложноподчиненных предложений сопоставляемых языков наблюдается большое сходство, объясняемое единством отражаемой этими языками объективной действительности, общностью законов мышления и функций языка. В грамматической связи частей сложноподчиненных предложений отмечаются как сходства, так и значительные различия, связанные с принадлежностью языков к разным типологическим группам и языковым семьям.

Р. А. Юналеева в докладе «Лингвогеографический аспект в изучении тюркизмов русского языка» пришла к заключению, что анализ тюркизмов с последующим картографированием позволяет выявить степень их распространения и характер функционирования в лексико-семантической системе русского языка, а также дает возможность отразить в обобщенном виде ареальные особенности отдельных тематических групп и подгрупп.

Л. С. Бурганова, в сделанном ею сообщении «Особенности тюркизмов в русском языке с точки зрения словообразования», отметила, что тюркизмы, попадая на русскую почву, утрачивают, как правило, всякую членимость и соотнесенность, которыми характеризовались в языке-этимоне. Подчиняясь законам словообразования, тюркское заимствование получает способность к словопроизводству в результате его переосмысления и выделения уже на русской почве словообразующей основы.

Выступление *А. Булатова* было посвящено истории заимствований тюркизмов русским языком. *А. Булатов* привел более ста тюркизмов, не представленных в словаре *Е. Н. Шиповой* и в других источниках.

Р. А. Асылгараева в докладе «Влияние двуязычия на изучение русского и родного языков в вузе» обосновала возможность транспозитивного влияния русского литературного языка на изучение татарского литературного языка в условиях двуязычия на двухпрофильном отделении педагогического института.

В докладе *З. З. Саитова* «О тенденциях развития татарско-русского двуязычия после Октябрьской революции» говорилось о факторах, способствующих массовому распространению татарско-русского двуязычия (возникновение крупных предприятий, новых городов, совхозов, развитие нефтяной промышленности, расширение транспортной сети, урбанизация и т. д.).

В сообщении *М. Б. Хайруллина* «Об освоении интернациональных слов в татарском языке» был прослежен процесс освоения интернациональной лексики фонетической, лексико-семантической и морфологической системами татарского языка.

В выступлении *С. Г. Васильевой* «Оксиморон в русском и татарском языках» была раскрыта общность семантической основы русских и татарских оксиморонов и показано их структурное различие.

Ряд докладов и сообщений был посвящен исторической и современной диалектологии, истории языка и исторической грамматике, изучению языка письменных памятников, этногенезу татарского народа и т. д.

Н. Б. Бурганова в докладе «К вопросу об исследовании лексики татарского языка по тематическим группам» сообщила, что рассмотрение диалектной лексики по тематическим группам, отражающим различные стороны жизни народа, оправдало себя при первичном накоплении диалектологического материала и изучении его в лингвогеографическом плане. Докладчик считает, что тематический аспект остается основным и при создании исторической диалектологии, так как позволяет более всесторонне и системно связать языковые явления с данными исторической науки, определить пути развития семантики слов, их временные пласты в определенной тематической группе.

Р. Г. Фахрутдинов в своем докладе «Кыпчакский компонент в этногенезе татар Среднего Поволжья и Приуралья» пришел к следующему заключению: сопоставительный анализ историко-археологического и лингвистического материала показывает, что кыпчакский компонент был основным в этногенезе татар-мишарей, хотя немаловажную роль в нем сыграли и волжские булгары, а затем и поволжские кыпчаки — саксы. Булгарский и кыпчакский языки были двумя основными диалектами тюркского языка средневековой Восточной Европы, на основе которых сформировался литературный язык, известный под названием «поволжский тюрки».

В докладе *Д. Б. Рамазановой* «О взаимовлиянии говоров близкородственных языков на смежной территории» говорилось о взаи-

мовлянии татарского и башкирского языков в Башкирии. Д. Б. Рамазанова отметила значительную роль татарского языка в формировании говоров удмуртского, чувашского, башкирского языков, распространенных на западе Башкирии. В свою очередь и татарские говоры запада Башкирской АССР подверглись заметному влиянию башкирского языка. Большое место в докладе было уделено общим с башкирским языком особенностям белебеевского и мензелинского говоров (юго-западная Башкирия) на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Л. Ш. Арсланов в сообщении «Характерные особенности татарских говоров Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края» остановился на особенностях основных говоров татарского языка, выделив факторы, способствующие образованию в них общих и различительных признаков. Докладчик высказал мнение, что общие признаки обусловлены: 1) взаимодействием и смешением говоров и диалектов, 2) взаимодействием татарских говоров с языком астраханских ногайцев-юртовцев, казахским и ногайским языками, 3) языком городских татар, испытавшим влияние языка юртовских татар, 4) влиянием татарского литературного языка.

В докладе Ф. С. Баязитовой «Об этнических компонентах крещеных татар по данным языка» говорилось о том, что основная масса крещеных татар сформировалась в результате христианизации Казанского ханства. В языке отдельных групп крещеных татар прослеживаются следы угрофинских, чувашского и других тюркских языков, в основном, кыпчакского типа.

В сообщении Т. Х. Хайрутдиновой «Место говора златоустовских татар в диалектной системе татарского языка» отмечалось, что хотя по фонетическим, лексическим и грамматическим особенностям этот говор имеет много общего с говорами всех диалектов татарского языка, однако по своим основным признакам он относится к среднему диалекту.

Р. Г. Ахметьянов в докладе «О древнекыпчакских компонентах в языках Среднего Поволжья» говорил о древнекыпчакских лексических, фонетических и морфологических изоглоссах, связывающих между собой восточный (западносибирский) и западный (мишарский) диалекты татарского языка, караимский, карачаево-балкарский, чувашский языки, а также некоторые говоры азербайджанского и киргизского языков и высказал предположение об их общем источнике.

Г. Ф. Саттаров в докладе «Татарская ономастика и вопросы этногенеза» на осно-

ве исторических и ономастических данных показал наличие различных этнических компонентов у татар населенного пункта Молвино (Мулла иле) Зеленодольского района ТАССР.

В сообщении Ф. Г. Гариповой «Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар» рассматривались этнопонимы, восходящие к этнонимам ногайских племен; эти этнопонимы находят свои параллели у каракалпаков, башкир, узбеков, в Малом жузе казахского народа. Докладчик считает, что данные топонимы свидетельствуют об участии ногайцев в этногенезе казанских татар.

Р. К. Рахимова в докладе «Некоторые итоги изучения профессиональной лексики татарского языка» говорила о накопленном с 1965 года богатом фактическом материале, не зафиксированном ни в каких источниках и представляющем большую ценность для изучения истории татарского народа, его языка и терминологии. Докладчик указала на целесообразность составления в дальнейшем отраслевых словарей с целью изучения профессиональной лексики в сравнительно-историческом плане.

В докладе Ф. С. Хакимзянова «О характере волжско-булгарского языка и языка эпитафий XIII—XIV веков» был поставлен вопрос о необходимости изучения языка булгарских памятников с точки зрения их функциональной предназначенности. По мнению докладчика, язык части эпитафий отражает бытовавший некогда *p*-язык (уже мертвый); другая часть памятников написана булгарским койне, сформировавшимся на территории Среднего Поволжья и Прикамья и служившим языком общения различных племен в XIII—XIV веках.

В сообщении А. Х. Маннаповой «О языке татарской деловой письменности XVII века» говорилось о языке деловых бумаг XVII века, в которых нашли отражение дипломатические отношения между Русским государством и восточными ханствами.

Свое сообщение «О происхождении некоторых татарских и русских географических названий, имеющих пространственное значение» А. Ш. Скворцова посвятила сопоставительному анализу топонимов.

Сравнительный анализ причинно-следственных отношений в татарском и чувашском языках был представлен в сообщении В. М. Романовой.

Конференция приняла рекомендации, определяющие дальнейшие задачи и перспективы развития татарского языкознания.

Ф. Ганиев, Ф. Сафиуллина

PERSONALIA

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАСКАКОВ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения члена редколлегии журнала «Советская тюркология», доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова, одного из крупных советских лингвистов, внесшего своими трудами ценный вклад в развитие отечественной и мировой тюркологической науки.

Николай Александрович Баскаков родился 22 марта 1905 года в городе Сольвычегодске бывшей Вологодской губернии. После окончания средней школы в городе Грязовце (куда в 1908 году переехала семья Баскаковых) будущий ученый продолжает образование в Ленинградском педагогическом техникуме им. Н. Ушинского, а затем в Московском университете на ис-

торико-этнологическом факультете, который он оканчивает в 1929 году.

Научные интересы Н. А. Баскакова в то время еще окончательно не определились. В апреле 1926 года деканат факультета и этнографо-археологический музей I МГУ, научным сотрудником которого Н. А. Баскаков состоял еще будучи студентом, направляют его в Каракалпакскую область для сбора материала по этнографии и языку каракалпаков. Результаты полевых изысканий легли в основу первой его научной работы «Этнографические очерки каракалпаков», завершённой им в 1927 году. В 1928 году Н. А. Баскаков командирован университетом в Хиву и Каракалпакскую автономную область с этнографическими и фольклорными заданиями. Попутно Н. А. Баскаков посещает Казахстан, где собирает материал по языку и фольклору уйгуров. В 1929 году он был приглашен Центральным музеем народоведения на должность сотрудника Хивинской экспедиции. В 1930 году Н. А. Баскакова командировают в город Турткуль (Каракалпакская АО), где он возглавляет этнолого-лингвистическую секцию Комплексного научно-исследовательского института.

Интенсивная полевая работа, постоянные контакты с носителями тюркских языков способствовали окончательному определению научных интересов Н. А. Баскакова — он приступает к изучению живых тюркских языков и их диалектов, преимущественно в то время малоизученных.

В 1930 году Н. А. Баскаков участвует в качестве руководителя отряда в работе лингвистической экспедиции по изучению языка населения северных районов Каракалпакской АО, организованной С. Е. Маловым. Результаты этих исследований были обобщены Н. А. Баскаковым в «Краткой грамматике каракалпакского языка», изданной в Турткуле в 1932 году.

В последовавшие затем годы Н. А. Баскаков неоднократно бывал в Каракалпакии, Ойротской автономной области, Казахстане, Киргизии, Дагестане и на Северном Кавказе, где собирал материал по тюркским языкам. В Великую Отечественную войну Н. А. Баскаков — доброволец Киевской дивизии народного ополчения; решением Академии наук СССР он отзывается из дивизии и направляется на работу в Горно-Алтайскую автономную область (1941—1943). Итогом проведенных исследований живых языков явились его монографические работы: «Ногайский язык и его диалекты» (1940), «Каракалпакский язык», тт. I—II (1951—1952), «Диалекты алтайского языка» (1956), «Алтайский язык» (1958) и, наконец, многотомник «Северные диалекты алтайского языка», очередные тома которого выходят в свет по настоящее время.

Глубокое знакомство с живыми тюркскими языками послужило прочной основой для разработки Н. А. Баскаковым оригинальной системы взглядов на грамматическую природу тюркских языков, позволившей ему вплотную подойти к решению многих узловых вопросов тюркской грамматики, таких, например, как категории времени и наклонения, система спряжения и категория залога, структура слова и соотношение основных синтаксических единиц.

Многолетние исследования конкретных языков и отдельных теоретических проблем позволили Н. А. Баскакову перейти к широким обобщениям, относящимся ко всем тюркским языкам и их диалектам в процессе их исторического развития. Здесь прежде всего следует назвать его монографии: «Тюркские языки» (1960) и «Введение в изучение тюркских языков» (1962), работу «Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования» (1952) и серию исследований в новой для тюркологии области — «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков». К настоящему времени уже вышли в свет два тома этой серии: «Словосочетание и предложение» (1975) и «Морфологическая структура слова» (1979). Ученый продол-

жает сейчас работу над историко-типологической фонологией.

Говоря о деятельности Н. А. Баскакова, нельзя не упомянуть об активном его участии в культурном строительстве тюркоязычных народов СССР, в частности в разработке алфавитов и орфографий, в создании (в качестве автора или редактора) национально-русских и русско-национальных словарей по многим тюркским языкам Советского Союза (уйгурско-русский, каракалпакско-русский, русско-каракалпакский, алтайско-русский, хакасско-русский, туркменско-русский, русско-туркменский, русско-ногайский, гагаузско-русско-молдавский, караимско-русско-польский словари). Для большинства тюркоязычных республик и областей нашей страны Н. А. Баскаковым подготовлены многочисленные высококвалифицированные национальные кадры лингвистов.

Обширная, поистине энциклопедическая эрудиция позволяет Н. А. Баскакову выходить за пределы сферы его непосредственных научных исследований. С большим интересом была встречена читателями его последняя монография «Русские фамилии тюркского происхождения» (1979).

Безаветная преданность науке, неустанный труд, без чего невозможно представить себе Н. А. Баскакова, снискали ему всеобщее признание коллег, широкой научной общественности в стране и за рубежом. И, сердечно поздравляя Николая Александровича Баскакова — заслуженного деятеля науки РСФСР, Туркменской и Казахской ССР, Каракалпакской АССР, почетного члена Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Турецкого лингвистического общества, Международного Урало-Алтайского общества (ФРГ), Научного общества польских ориенталистов, Научного общества венгерских ориенталистов, члена-корреспондента Финно-Угорского общества (Хельсинки) — с его юбилеем, мы желаем ему от имени его коллег, друзей и учеников крепкого здоровья, новых свершений в науке, примером высокого служения которой является его жизнь.

Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев

МУХТАР ГУСЕЙН ОГЛЫ ГУСЕЙНЗАДЕ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения видного азербайджанского языковеда, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии Азербайджанской ССР Мухтара Гусейн оглы Гусейнзаде.

М. Г. Гусейнзаде родился 21 марта 1900 года в селении Зунуз (Иранский Азербайджан). С 13 лет он работал горнорабочим на медных рудниках в Закавказье. После установления Советской власти в Азербайджане окончил в Гяндже (ныне Кировабад) рабфак, затем Бакинский университет и в Москве — аспирантуру.

В 1946 году М. Г. Гусейнзаде защитил кандидатскую диссертацию «Современный азербайджанский язык (лексика, фонетика, морфология)», вышедшую в 1954 году отдельным изданием. Эта работа была первым капитальным исследованием по фонетическому и грамматическому строю азербайджанского языка. Раздел, посвященный

лексике, положил начало азербайджанской лексикологии. Книга М. Г. Гусейнзаде явилась первым учебником по курсу современного азербайджанского языка. Этот труд содержал обширный информационный материал и менее чем за двадцать лет трижды переиздавался (1963, 1973). Третье издание работы «Современный азербайджанский язык (Морфология)» составило третью часть коллективного учебника «Современный азербайджанский язык» (в четырех частях). За эту работу М. Г. Гусейнзаде вместе с авторами других частей в 1974 году была присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР. В настоящее время М. Г. Гусейнзаде подготавливает к печати четвертое издание своей книги.

М. Г. Гусейнзаде — крупный специалист и в области синтаксиса азербайджанского языка. Его работы, посвященные особенностям синтаксической структуры азербайджанского языка, такие, например, как монография «Односоставные и сложные словосочетания в современном азербайджанском языке», отдельные главы, написанные им для двухтомника «Синтаксис азербайджанского языка», а также статьи об определительных словосочетаниях первого и второго типа в современном азербайджанском языке, хорошо известны советским и зарубежным тюркологам. Эти работы М. Г. Гусейнзаде составили основу его монографического исследования «Определительные словосочетания в современном азербайджанском языке», защищенного им в качестве докторской диссертации в 1973 году.

Особо следует сказать об учебнике для средней школы «Азербайджанский язык (Синтаксис)», написанном М. Г. Гусейнзаде в соавторстве с академиком М. Ш. Ширалиевым. Уже в первом издании этого учебника (1938) на большом текстовом материале и тщательно подобранных упражнениях были раскрыты авторами все узловые понятия, элементы и разделы азербайджанского синтаксиса в современном его понимании. Простое и сложное предложение, характеристика интонационных, лек-

сико-морфологических средств, категории лица, союзной и бессоюзной связи предложений, изложение основ пунктуации и ряда проблемных вопросов тюркологии, получившие освещение в этом учебнике, привлекли внимание специалистов и стали предметом широкого и плодотворного обсуждения. В последующих изданиях этого ныне стабильного учебника современного азербайджанского языка при неизменности синтаксической концепции авторов фактический материал, терминология и т. п. ими постоянно обновлялись.

Заслуживают быть отмеченными и такие работы М. Г. Гусейнзаде, как «Знаки препинания азербайджанского языка» (1945, в соавторстве с М. Ш. Ширалиевым), «История развития азербайджанского языкознания» (1948), «Развитие азербайджанского языкознания за годы Советской власти», «Очерк 40-летней истории азербайджанского языкознания» (1960).

М. Г. Гусейнзаде известен и как опытный педагог, почти полвека ведущий преподавательскую работу в высших учебных заведениях республики. С 1935 года он — декан факультета языка и литературы вновь организованного двухгодичного Учительского института, в период 1936—1941 годов — руководитель кафедры языка и литературы Азербайджанского заочного педагогического института. Около сорока лет

М. Г. Гусейнзаде преподает в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова. В 1943—1948 годах М. Г. Гусейнзаде одновременно возглавлял деканат филологического факультета и кафедру азербайджанского языка в Кировабадском педагогическом институте. С 1953 по 1957 год он заведовал отделом современного азербайджанского языка Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

Особенно велики заслуги М. Г. Гусейнзаде в деле подготовки кадров языковедов: практически все специалисты по азербайджанскому языку, имеющие ученую степень, — его ученики.

М. Г. Гусейнзаде принимает активное участие в общественной и партийной жизни Азгосуниверситета, многие годы руководя ученым и методическим советами на филологическом факультете.

Заслуги М. Г. Гусейнзаде в развитии современного азербайджанского языкознания получили высокую оценку. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями СССР.

В связи с юбилеем М. Г. Гусейнзаде его коллеги, друзья и ученики желают ему доброго здоровья и больших успехов в научно-педагогической деятельности.

А. Ахундов

ХРОНИКА

ШЕСТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

10—11 марта 1980 года в Москве состоялось шестое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов.

Заседание открыл небольшим вступительным словом председатель Комитета академик *А. Н. Кононов* (Ленинград), который прежде всего поздравил от имени научной тюркскологической общественности доктора филологических наук, профессора Эмира Наджиповича Наджипа с 80-летием со дня рождения и пожелал ему дальнейших успехов в работе. К своему юбилею Э. Н. Наджип издал первый том многолетнего труда — «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века»; второй, третий и четвертый тома также подготовлены им к печати и представлены в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», причем второй том находится в печати.

А. Н. Кононов выступил с докладом «Актуальные проблемы тюркского языкознания в СССР». В последние годы, отметил докладчик, успешно велось фронтальное изучение фонетико-грамматического строя современных тюркских языков. При этом были охвачены все узловые проблемы фонетики, морфологии и синтаксиса тюркских языков и затронуты теоретические вопросы изучения тюркского словоизменения¹. Внимание тюркологов привлекали исследования как малоизученных языков², так и некото-

рых грамматических категорий, не получивших прежде достаточного освещения на материале тех или иных тюркских языков³.

Тюркологами по-прежнему много внимания уделяется синтаксису тюркских языков; появляются работы по синтаксису разговорной речи⁴. Исследуются вопросы синтаксиса словосочетаний и глагольных конструкций, простого и сложноподчиненного предложений в синхронном, историческом и сравнительном аспектах⁵. Для работ, выполненных в сравнительном аспекте, остаются актуальными вопросы, касающиеся как объектов, так и методики сопоставления (что с чем сопоставлять, как сопоставлять). В этой связи большой интерес представляют историко-типологические исследования Н. А. Баскакова по синтаксису и мор-

³ «Исследования по грамматике современного башкирского языка». Уфа, 1979; *М. М. Текуев*. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979; *Н. К. Якубова*. Расстановки аффиксов в узбекских словоформах. Ташкент, 1979.

⁴ См.: *Ф. С. Сафиуллина*. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978; *Б. Уринбаев*. Синтаксический строй узбекской разговорной речи. Ташкент, 1978.

⁵ *Л. А. Покровская*. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978; *М. К. Шарипов*. Вопросы словосочетаний узбекского языка. Ташкент, 1978 (на узбекском яз.); *Е. И. Коркина*. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. Якутск, 1979; *И. Х. Ахматов*. Проблемы семантического анализа простого предложения. Нальчик, 1979; *А. Б. Абдуллаев*. Конструкции с прямой речью в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1978; *Х. Назарова*. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV—начала XVI века. Ташкент, 1979.

¹ См. сборники статей: «Проблемы языков Азии и Африки (Фонетика, морфология, синтаксис, семантика)». М., 1979; «Теоретические вопросы карачаево-балкарского языка». Вып. 1. Нальчик, 1976.

² См.: *Э. Р. Тенишев*. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976; *его же*. Строй саларского языка. М., 1976; *В. И. Рассадин*. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978; *Р. М. Бирюкович*. Звуковой строй чулымско-тюркского языка (Методическое пособие). М., 1979; *ее же*. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 1. Категории имени существительного (Учебно-методические материалы). М., 1979; «Вопросы строя енисейских языков». Новосибирск, 1979.

фологии тюркских языков⁶; ученым задумано подобное же исследование по фонологии.

Как и раньше, большое место занимают общие обзоры грамматики тюркских языков.

Успешно развиваются такие отрасли тюркского языкознания, как лексикология и лексикография. Продолжается работа над «Этимологическим словарем тюркских языков». Труды Э. В. Севортяна выпущены первые два его тома⁷. Составленный ученым третий том Словаря подготовлен и сдан в печать его учениками и коллегами — Л. С. Левитской, Л. Г. Офросимовой-Серовой, Е. А. Пошлелуевским. В настоящее время Л. С. Левитская и Л. Г. Офросимова-Серова ведут работу по составлению следующего — четвертого тома Словаря.

Сектор алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР проводит исследования в области этимологии алтайских языков⁸.

Существенную помощь в изучении этимологии тюркских языков окажут исследователям историко-сравнительный словарь Э. Н. Наджила, содержащий исключительно богатый материал⁹.

Выходят в свет тома толковых словарей тюркских языков и новых двуязычных словарей, в том числе первый том русско-казахского словаря¹⁰; к сожалению, до сих пор нет казахско-русского словаря. Среди многочисленных работ по фразеологии¹¹ особое место занимает «Фразеологический словарь казахского языка», составленный С. К. Кенесбаевым и включающий свыше

десяти тысяч фразеологических единиц¹². В целом ряде работ по лексикологии — таких, например, как работы Т. М. Гарипова, К. Б. Бектаева, И. К. Кучкартаева, Г. Х. Ахатова, — изучение лексического состава тюркских языков ведется с помощью новых для тюркологии методов и приемов¹³.

Продолжаются сбор и обработка лексического и ономастического материала¹⁴. О. Т. Молчановой составлен прекрасный топонимический словарь Горного Алтая¹⁵, содержащий все географические названия края.

Особую область тюркской лексикологии составляют работы по теме «Turko-Rossica». Проблема восточных элементов в языке «Слова о полку Игореве», дискутировавшаяся русскими ориенталистами в начале XX века, нашла отражение в недавно изданной в нашей стране книге К. Менгеса¹⁶. Русским фамилиям тюркского происхождения посвящена книга Н. А. Баскакова¹⁷. Тюркизмы в русском языке исследуются в работах И. Г. Добродомова и Е. Н. Шиповой¹⁸.

Продолжают успешно развиваться тюркская диалектология и диалектография. В завершающей стадии, связанной с обобщением и картографированием собранных материалов, находится работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» (руководитель работы М. Ш. Ширалиев, научный консультант по картографированию М. А. Бородина). Выходят в

¹² *И. Кенесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977.*

¹³ *Т. М. Гарипов. Структурно-семантический глоссарий урало-поволжских языков. Уфа, 1979; К. Б. Бектаев. Статистико-информационная типология тюркских текстов. Алма-Ата, 1978; И. К. Кучкартаев. Значение слова и его валентность. Ташкент, 1977; его же. Валентный анализ глаголов речи в узбекском языке. Ташкент, 1977; Г. Х. Ахатов. Лексикология современного татарского языка. Учебное пособие. Казань, 1979 (на татарском яз.).*

¹⁴ *Т. Турсунова. Лексика прикладного искусства узбекского языка. Ташкент, 1978 (на узбекском яз.); А. Г. Шайхулов. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Автореф. канд. дисс. (далее — АКД). М., 1978.*

¹⁵ *О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.*

¹⁶ *К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.*

¹⁷ *Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.*

¹⁸ *Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; И. Г. Добродомов. Восточные слова в Азбуковнике конца XVI века. — «Питання східнослов'янської лексикографії XI—XVII ст. Матеріали симпозіуму». Київ, 1979; его же. Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках. — «Советская тюркология», 1979, № 5.*

⁶ *Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1976; его же. Историко-типологическая морфология тюркских языков (Структура слова и механизм агглютинации). М., 1979.*

⁷ *Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (I). Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974; (II). Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.*

⁸ «Исследования в области этимологии алтайских языков». Л., 1979.

⁹ *Э. Н. Наджил. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М., 1979.*

¹⁰ «Русско-казахский словарь». I т. (А—О). Алма-Ата, 1978; «Толковый словарь татарского языка». II т. (К—С). Казань, 1979; *Ш. У. Рахматуллаев. Толковый фразеологический словарь узбекского языка. Ташкент, 1978 (на узбекском яз.).*

¹¹ *Я. Ш. Хертек. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978; «Вопросы лексики и фразеологии чувашского языка» («Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР»). Вып. 87, Чебоксары, 1979; Х. Бердиев, Р. Расулов, Б. Ифдошев. Узбек фразеологиясидан материаллар. 2. кism. Самарқанд, 1979.*

свет исследования по лингвистической географии, выполненные на тюркском диалектном материале¹⁹.

Ведется изучение прежде не исследованных диалектов и говоров тюркских языков²⁰, их взаимоотношений с соответствующим современным литературным языком²¹. Издаются диалектные тексты²². Известное внимание уделяется проблемам исторической диалектологии тюркских языков²³.

С успехами тюркской диалектологии тесно связано развитие такой новой для тюркского языкознания отрасли, как ареальные исследования. Впервые методы ареальной лингвистики применены к изучению языков народов СССР Б. А. Серебrenникова. Н. З. Гаджиевой в серии работ исследованы тюркоязычные ареалы Средней Азии и Кавказа²⁴. Ареальное исследование склонения в тюркских языках юго-восточного региона выполнено и подготовлено к печати Г. Ф. Благовой²⁵. Т. М. Гарипов обследовал кыпчакские языки Урало-Поволжья с применением ареальных методов²⁶.

Плодотворными были сравнительно-исторические и сравнительные исследования в области грамматики тюркских языков: опубликованы «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» Н. З. Га-

джиевой и Б. А. Серебrenникова²⁷, «Очерки сравнительной морфологии тюркских языков» А. М. Щербака²⁸, ряд других работ²⁹.

Практика показала, что прогресс в области сравнительно-исторического изучения фонетики, грамматики, лексики тюркских языков связан с проблемой «алтайская гипотеза и тюркские языки». Появляются сравнительные исследования грамматики алтайских языков³⁰.

Изучение истории тюркских языков осложняется отсутствием непрерывной письменной-литературной традиции и до настоящего времени велось путем выборочного обследования отдельных памятников без установления предшествующих и последующих этапов развития тюркских письменной-литературных языков. В настоящее время на первый план выдвигаются проблемы типологии древнетюркских литературных языков³¹, при этом по-прежнему остаются остродискуссионными вопросы генетической преемственности некоторых из этих языков и современных тюркских языков Средней Азии³². Разрабатываются принципы комплексного лингвистического изучения средневековых тюркских текстов различных жанров³³.

Весьма результативным оказалось системное исследование частей речи и соответствующих грамматических категорий в языке восточнотюркских памятников XI—XII веков³⁴. Ведется лексико-грамматиче-

¹⁹ Т. Айдаров. Лингвистическая география. Алма-Ата, 1977 (на казахском яз.).

²⁰ См.: Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978; В. Джангидзе. Ингилойский диалект в Азербайджане. Вопросы грамматической и лексической интерференции. Тбилиси, 1978; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979; Ф. А. Абдуллаев. Огузское наречие узбекского языка. Ташкент, 1979 (на узбекском яз.); А. Шерматов. Узбекские народные говоры Кайшадарьинской области. Ташкент, 1978. Вышли в свет три выпуска межвузовского тематического сборника «Диалекты и топонимия Поволжья» (вып. 6, 7, 8, Чебоксары, 1978, 1979, 1980).

²¹ Х. Дониёров. Қипчоқ диалектларининг лексикаси. Лексик-стилистик имкониятлари ва ўзбек адабий тили. Тошкент, 1979.

²² «Материалы по татарской диалектологии». 4. Образцы текстов. Казань, 1978.

²³ «Исследования по исторической диалектологии татарского языка». Казань, 1979.

²⁴ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975; *её же*. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

²⁵ Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареальном освещении (юго-восточный регион). Автореф. докт. дисс. (далее — АДД). М., 1980.

²⁶ Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

²⁷ Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебrenникова. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Учебное пособие для вузов. Баку, 1979.

²⁸ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977.

²⁹ См., например: В. Г. Гузев. Староосманский язык. М., 1979; Р. Г. Ажметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. Фонетика и лексика. М., 1978; В. Ш. Псянчин. Развитие форм именных частей речи башкирского языка. АДД. Алма-Ата, 1978.

³⁰ «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков». Л., 1978.

³¹ Э. Р. Тенишев. Языки древне- и средне-тюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — «Вопросы языкознания», 1979, № 2.

³² К. Б. Усманов. Проблемы языковой преемственности среднеазиатских тюркоязычных памятников XI—XIV веков и современных тюркских языков Средней Азии. АКД. Ташкент, 1979.

³³ Г. Ф. Благова. О принципах лингвистического изучения средневековых тюркских текстов. — «Вопросы языкознания», 1979, № 6.

³⁴ Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII веков. АДД. Баку, 1978.

ское описание языка памятников тюркской письменности и их синтаксиса³⁵.

Введению средневековых тюркских памятников в широкий научный обиход способствует переводческая деятельность советских ученых: «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари перевел на русский язык А. Рустамов; С. Н. Иванов осуществил стихотворный перевод поэмы «Кутадгу билиг» на русский язык (обе работы переданы в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука»).

Весьма важным является изучение созданных восточными филологами трактатов по грамматике и лексике тюркских языков³⁶.

Последующее успешное развитие исторической тюркологии, по мнению А. Н. Кононова, непосредственно зависит от состояния разработанности лингвистического источниковедения, которое до настоящего времени ведется недостаточно интенсивно.

Хотя история формирования тюркских национальных языков находится в поле зрения советских тюркологов, однако и в этой области сделано пока немного³⁷.

Успехи советской тюркологии довольно широко освещаются в Турции: коллективная статья на эту тему «Sovyet Birliğinde türkoloji çalışmaları» помещена в литературном ежегоднике «Nesip Vakfı» (Istanbul, 1979); исследованием советских тюркологов в области турецкой литературы посвящена монография «Sovjet türkologları-

nın Türk edebiyatı incelemeleri» (Istanbul, 1980).

Одной из важных отраслей советской тюркологии является науковедение³⁸, в котором можно выделить три объекта изучения: 1) история грамматической мысли и школ лингвистов-тюркологов в нашей стране³⁹, 2) история востоковедческих научных учреждений с тюркологическим уклоном, 3) характеристика научного творчества крупных отечественных тюркологов⁴⁰. До сих пор не получило соответствующего освещения творчество ряда видных советских тюркологов, например, Э. В. Севортяна, К. К. Юдахина, И. А. Батманова, Д. А. Магазаника, М. С. Михайлова и других. Недопустимо предавать забвению имена ученых, своей деятельностью внесших солидный вклад в исследование того или иного тюркского языка (как это, например, к сожалению, произошло с И. А. Киссеном в Узбекистане). В этой связи А. Н. Кононов обратил внимание участников заседания на необходимость составления в ближайшие годы библиографического словаря советских тюркологов-лингвистов: для выполнения этой работы уже собран значительный материал Ф. Д. Ашниным.

В заключение А. Н. Кононов остановился на задачах, стоящих перед советскими тюркологами, особо выделив проблемы, связанные с семантическими исследованиями грамматики тюркских языков, с одной стороны, и лингвистическим источниковедением — с другой. Для осуществления поставленных задач необходима координация всей научно-исследовательской деятельности советских тюркологов.

Н. З. Гаджиева (Москва) в своем докладе проанализировала тематику диссертационных тюркологических работ (за последние три года) в сопоставлении с проблематикой современного тюркского языкознания. В докладе отмечалось, что в последние годы более активно стало развиваться, в частности, такое незаслуженно забытое направление тюркологии, как семантические исследования грамматики и синтаксиса тюркских языков, выполнен ряд докторских и кандидатских работ. Продолжается изучение морфологического и синтаксического строя отдельных тюркских языков. По-прежнему многочисленны диссертационные

³⁵ См.: Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978; Я. С. Ахметгалеева. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М., 1979. См. также: Г. Айдаров. Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1979.

³⁶ См.: «Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV века на арабском языке». Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. М. Зияевой. Ташкент, 1978; А. И. Чайковская. Тюркский глагол в арабоязычных грамматиках XIV века (Категории залога, склонения, времени). АКД. Алма-Ата, 1978.

³⁷ См., например: М. И. Боргояков. Проблема формирования и развития хакасского языка. АДД. Алма-Ата, 1978; М. Джангиров. Образование азербайджанского национального литературного языка. Баку, 1978; А. Маггозиев. XIX аср ўзбек тилининг морфологияси. Тошкент, 1977; *его же*. Исследование по морфологии староузбекского языка (конец XVIII — до семидесятых годов XIX в.). АДД. Ташкент, 1979; Х. Хамидов. Очерки по истории каракалпакского языка. Нукус, 1974 (на каракалпакском языке); А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая морфология башкирского языка. Уфа, 1976 (на башкирском яз.).

³⁸ Из последних публикаций можно назвать следующие: Б. В. Лунин. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; Э. И. Фазылов, Л. Г. Чичулина. Русские тюркологи и узбекское языкознание. Ташкент, 1979; А. Г. Каримуллин. Татарская книга XX века. АДД. М., 1978.

³⁹ См., например: Ф. Д. Ашнин. Первая печатная научная грамматика алтайского языка. Проблема авторства. — «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978.

⁴⁰ См.: А. П. Базиянц, Вл. А. Гордлевский. М., 1979.

работы, посвященные прочтению и истолкованию древних надписей, описанию языка древних и средневековых памятников⁴¹.

⁴¹ Из работ, представленных к защите в 1979 году, Советскому Комитету тюркологов были присланы следующие авторефераты диссертаций: *Джусупмадов У.* Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (На материале форм прошедшего времени). АКД. М., 1979; *Бельтюкова Н. П.* Консонантизм долганского языка (Экспериментальное исследование). АКД. Алма-Ата, 1979; *Сарсикеева Г.* Функциональный анализ паузы (Экспериментально-фонетическое исследование). АКД. Алма-Ата, 1979 (казахский язык); *Утешева Е. А.* Ритмико-интонационная структура казахского лирического стиха (Экспериментально-фонетическое исследование). АКД. Алма-Ата, 1979. *Аннануров А.* Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте. АДД. Ашхабад, 1979; *Керимов А.* Словообразовательные аффиксы в языке памятников тюркоязычной литературы XIV века (на материалах «Хосрау и Ширин» Кутба, «Гулистан бит-турки» Сейфа Сарай, «Мухаббат-наме» Хорезми). АКД. Алма-Ата, 1979; *Абдуллаев А. Б.* Конструкции с чужой речью как самостоятельная проблема узбекского синтаксиса. АДД. М., 1979; *Андабекова Ж.* Словосочетания имен существительных в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1979; *Джумаев Дж.* Семантика прилагательных цвета в современном русском языке (в сопоставлении с туркменским). АКД. М., 1979; *Исмаилов К. А.* Семантический анализ пространственных прилагательных в английском языке (с привлечением материала каракалпакского языка). АКД. М., 1979; *Каташева А. Я.* Русско-алтайские лексические связи. АКД. М., 1979; *К. М. Молдабеков.* Основы калькообразования в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1979; *Омуралиева С.* Многозначность слов в современном киргизском языке и ее лексикографические разработки в современной киргизской лексикографии. АКД. Фрунзе, 1979; *Есбаева Р. Х.* Казахские эквиваленты русских предложноподлежащих конструкций пространственного значения. АКД. Алма-Ата, 1979; *Лапкина Л. З.* Английские и башкирские акустические ономотопы (Опыт типологического исследования). АКД. Л., 1979; *Усенбаева Р. Г.* Сопоставительно-типологическая характеристика бессоюзных сложных предложений русского и киргизского языков. АКД. Фрунзе, 1979; *Юнусова М.* Морфосинтаксическая характеристика местоимения-подлежащего «оп» во французском языке (в сопоставлении с узбекским языком). АКД. Л., 1979; *Файзуллаев Б. Ф.* Диалектизмы в языке художественных произведений. АКД. Ташкент, 1979; *Яббаров Г. А.* Проблема методов обучения русскому языку в национальной (азербайджанской) школе. АДД. М., 1979.

Вместе с тем Н. З. Гаджиева отметила, что некоторые тюркологические диссертационные работы как по своей тематике, так и по результатам выполненных исследований все еще малоэффективны. В целом ряде случаев темы диссертаций не связываются с планом основных научных работ данного научно-исследовательского учреждения или вуза.

Для устранения отмеченных недостатков, по мнению докладчика, необходимо тематику кандидатских и докторских диссертаций разрабатывать централизованно, в соответствии с актуальными направлениями современного языкознания, к которым прежде всего относятся: сравнительно-исторические и ареальные исследования, методика описания диалектов в диалектологии, методика текстологического исследования в исторической тюркологии и т. п. При разработке тематики диссертационных работ должна учитываться проблематика, исследуемая не только головными институтами Москвы, Ленинграда, Новосибирска, но и республиканскими научно-исследовательскими учреждениями.

Н. З. Гаджиева предложила вопросы подготовки научных тюркологических кадров специально обсудить на заседании Советского Комитета тюркологов.

А. Н. Кононов, поддерживая предложение Н. З. Гаджиевой о разработке проблематики для кандидатских и докторских диссертаций по тюркскому языкознанию, предложил образовать для этого специальную комиссию в составе Н. А. Баскакова, П. И. Кузнецова и С. А. Соколова.

С докладом «Основные проблемы изучения эпического творчества тюркоязычных народов» выступил *Х. Г. Короглы* (Москва). Пронинформировав собравшихся о проделанной в этой области работе — сбор материала, его систематизация и изучение, — докладчик подчеркнул, что до настоящего времени не разработана единая система публикации эпических памятников: одни фольклористы публикуют тексты без предварительного их изучения; другие, хотя и проводят до публикации текстологическую работу, но издают памятники без научного аппарата (в том числе без вступительной статьи), столь необходимого для дальнейшего их исследования. В ряде случаев имеет место совершенно недопустимое редактирование фольклорных текстов.

На основе материалов конференции изданию эпоса, проведенной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького (доклады опубликованы в кн.: «Фольклор. Издание эпоса». М., 1977), докладчик указал основные требования, которых необходимо придерживаться при составлении и публикации эпических произведений. Говоря об изучении памятников народного творчества, *Х. Г. Короглы* предложил уделить особое внимание как проблемам поэтики, так и исследованию взаимосвязей эпосов тюркоязычных народов.

Т. Мирзаяев (Ташкент) подчеркнул, что при публикации произведений фольклора

необходимо учитывать читательский контингент, которому адресуется данное издание; причем сводный вариант фольклорных текстов допустимо готовить только в том случае, когда произведение не дошло до нашего времени в полном сказительском варианте.

А. Н. Кононов указал, что при издании произведений и фольклора, и средневековой тюркской литературы предпочтительнее исходить из отдельных вариантов и текстов, а не из так называемых сводных. В этом плане разработки *Х. Г. Короглы* могут быть полезны также и текстологам. *А. Н. Кононов* подчеркнул, что при издании того или иного фольклорного произведения исследователь должен глубоко знать все творчество сказителя.

Г. Д. Санжеев (Москва) отметил, что издание фольклорных произведений чрезвычайно важно снабдить очерком жизни и творчества сказителя, без этого в сводных текстах крайне затруднительно установить авторство тех или иных варьирующих компонентов.

А. С. Мирбадалева (Москва) рассказала о задачах издаваемой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР серии «Эпос народов СССР» (тюркоязычные тома). Серия составляется путем отбора лучших сказительских вариантов. Так, в настоящее время готовится к печати киргизский эпос «Манас» по варианту сказителя *С. Орозбакова*. Эта работа ведется совместно с Институтом языка и литературы Академии наук Киргизской ССР.

Р. С. Лунец (Москва, Институт этнографии Академии наук СССР) предложила решать проблемы многовариантности фольклорного памятника, избегая ненужной фетишизации любого из вариантов его текста.

Учитывая, что доклад *Х. Г. Короглы* вызвал большой интерес тюркологов, *А. Н. Кононов* предложил посвятить специальное заседание Комитета вопросам издания фольклорных текстов.

Е. И. Убрятова (Новосибирск), отметив большое значение централизованной разработки проблематики кандидатских и докторских диссертаций, подчеркнула, что делать это следует систематически, с учетом выполненных исследований и новых задач, стоящих перед тюркским языковедением.

Касаясь пункта новой инструкции ВАК, согласно которому в основе докторских диссертаций должны лежать новые теоретические положения, разработанные самим соискателем, *Е. И. Убрятова* сказала, что на деле такие положения часто представляют собой повторение уже известного, правда, в новом словесном оформлении. В то же время описательные работы, если они содержат сведения о новых языках или явлениях, могут служить источником и основой для новых ценных теоретических обобщений и выводов. Именно такой работой *Е. И. Убрятова* считает новую книгу

В. И. Рассадина «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» (М., 1978).

Язык тофов, малочисленного народа (в прошлом это были оленеводы-охотники, ныне они живут оседло в поселках Алыджер, Нерха и Верхняя Гутара Нижнеудинского района Иркутской области, где население смешанное), в настоящее время быстро выходит из употребления. *В. И. Рассадина* записал тексты от выдающегося сказителя и знатока родного языка тофа *Н. С. Баканаева*⁴² и дал подробное описание фонетики, лексики⁴³, а теперь и морфологии языка тофов. *В. И. Рассадина* — полиглот, чутко воспринимающий тончайшие семантические оттенки лексики и морфологии изучаемого языка. Значение работ *В. И. Рассадина* для науки тем более велико, что язык тофов длительное время развивался изолированно от других тюркских языков и благодаря этому сохранил много древних явлений, слов и форм.

Е. И. Убрятова отметила также серию статей *М. И. Боргоякова* по истории формирования хакасского языка, завершившихся его докторской диссертацией⁴⁴. Тема эта очень важна и актуальна для любого языка, особенно для младописьменного, каким является хакасский. *М. И. Боргояков* построил свою работу на записях слов на языках народов Сибири, осуществленных в XVIII веке. *М. И. Боргояков* первым обратил внимание на то, что в записях, сделанных в местах расселения племен, вошедших позднее в состав хакасского народа, нашли отражение основные особенности их языка. Опираясь на эти данные, исследователь проследил состояние и развитие компонентов на протяжении предшествующих 200—250 лет, сохранившихся в современном хакасском языке. Работа *М. И. Боргоякова* имеет большое значение в плане методики изучения истории младописьменных языков, причем не только тюркских и сибирских.

Из числа работ, отмеченных в докладе *А. Н. Кононова*, *Е. И. Убрятова* выделила издание русского перевода книги *К. Г. Менгеса* «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“». Присоединяясь к общей положительной оценке этой книги, призванной сыграть важную роль при изучении тюркизов в памятниках русского языка, *Е. И. Убрятова* вместе с тем указала, что она не свободна и от недостатков. К основным достоинствам книги следует отнести использование автором обширного материала многих древних восточных языков.

А. Н. Кононов, отметив, что *Е. И. Убрятова* в своем выступлении поставила очень

⁴² См. об этом: *Р. А. Шерхунев*. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл, 1977, стр. 58.

⁴³ *В. И. Рассадина*. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

⁴⁴ *М. И. Боргояков*. Проблемы формирования и развития хакасского языка. АДД. Абакан, 1978.

важные вопросы, выразил сожаление, что тюркологи мало заботятся о рецензировании выходящих в свет книг. В этих условиях редакции журнала «Советская тюркология», охотно публикующей на страницах журнала рецензии, следует более активно прибегать к практике заказа рецензий на наиболее важные издания; к числу последних А. Н. Кононов относит и книгу В. И. Рассадина.

По мнению Г. П. Мельникова (Москва), на страницах журнала «Советская тюркология» было бы полезно в сокращенном виде публиковать отзывы оппонентов о докторских и кандидатских диссертациях в качестве рецензий. Заслуживает также внимания опыт журнала «Советское финно-угроведение», где печатаются краткие информации о защитах не только докторских, но и кандидатских диссертаций. При разработке проблематики диссертаций неохотимо, как полагает Г. П. Мельников, учитывать вопросы сопоставления тюркских и шире — урало-алтайских языков с дравидийскими, включая исследование причин возникновения сходных языковых явлений на отдаленных друг от друга территориях.

А. Н. Кононов напомнил, что в литературе не раз отмечалась необходимость разработки вопросов алтайской теории. О тюркско-дравидийских параллелях писал в свое время и К. Г. Менгес.

С. К. Кенесбаев (Алма-Ата) указал, что прославленные доклады являются лучшим доказательством большого объема работы, выполненной советскими тюркологами за последние несколько лет. Почти все уровни тюркских языков подверглись детальному изучению, благодаря чему стало возможным создание крупных обобщающих трудов по тюркскому языкознанию. Вместе с тем, отметил выступающий, дальнейший прогресс в нашей науке невозможен без учета достижений смежных гуманитарных дисциплин.

Д. М. Насилов (Ленинград) привлек внимание собравшихся к вопросам планирования и защиты работ по сопоставительной грамматике, подчеркнув, что эта тематика, уже уточненная в романском и германском языкознании, столь же актуальна и для тюркского. Необходимо только определить, что именно представляет наибольший интерес в области контрастивной грамматики для тюркологов.

С отчетным докладом о работе Советского Комитета тюркологов за 1979 год выступил заместитель председателя Комитета Э. Р. Тенишев (Москва).

В центре внимания диалектологов, сказал докладчик, — завершение в 1980 году работы над макетом пробного «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР). 14—16 мая 1979 года в Новосибирске отделом филологии Института истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения Академии наук СССР было проведено совещание составителей ДАТЯ СССР, в котором приняли

участие представители всех четырех зон. Участники совещания свели материал четырех зон по разделу «Лексика» (слова №№ 1—29) «Вопросника „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“» (М., 1969) и выбрали картографические обозначения для выделенных вариантов.

На совещании проводилась работа над материалом по морфологии: 1) склонение имен (родительный и винительный падежи безличного склонения); 2) настояще-будущее время (формы на -а, -ат, -ады; -ыр, -ур; -йар, -йор); 3) будущее время (-р, -ар, -ыр, -ур; -жак, -ажак; -лык, -рык); 4) повелительно-желательное наклонение (2-е лицо единственного числа); 5) причастия (на -ар, -ыр, -ур; -жак, -ажак; -ат, -ады; -ыр, -ур; -йар). Для всех рассмотренных вариантов были выработаны условные знаки. К очередному совещанию, которое запланировано на 1980 год, составителям ДАТЯ СССР предлагается подготовить следующий материал: 1) дательный падеж (безличное склонение); 2) прошедшее перфективное время; 3) словообразование (раздел 2-й; аффикс -сыз); 4) личные формы имен; 5) формы принадлежности имен; 6) инфинитивы; 7) числительные.

Совещание обратило внимание составителей ДАТЯ СССР на то, что отсутствие сводных материалов по зонам не позволяет завершить работу по рассмотренным разделам. На совещание был представлен сводный материал только по Кавказской и Сибирской зонам. Для Сибирской зоны закончено составление таблиц по фонетике и лексике, продолжается составление сводных таблиц: а) тематических, б) по тем вопросам, для которых выявлены общие изоглоссы (обработку материалов по морфологии задерживает отсутствие данных по языку сибирских татар)⁴⁵. Поволжская

⁴⁵ Работа по сбору и обобщению материалов Сибирской зоны ДАТЯ СССР нашла отражение в опубликованных и подготовленных к печати сборниках. В сборнике «Языки народов Сибири» вып. 3 (Кемерово, 1979) проблемы ДАТЯ СССР отражены в статье Е. И. Убрятовой «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в языках Южной Сибири». Подготовлен к печати сборник «История и диалектология языков Сибири» (9,5 а. л., Новосибирск), в котором три статьи посвящены вопросам, связанным с работой над ДАТЯ СССР: Н. Н. Широкова. Соответствие гласных твердого и мягкого ряда. По материалам ДАТЯ. Сибирь (Приложения — таблицы №№ 1—12 по «Вопроснику»); Э. Ф. Числяков. Диалектное членение шорского языка; Г. Г. Фисакова. Повелительно-желательное наклонение в языке бачатских телеутов. В печати находится сборник «Фонетические исследования языков Сибири», куда вошли статьи: Е. И. Убрятова. Долгота гласных в якутском языке; Н. Н. Широкова. Соответствие -j в тюркских языках Сибири.

зона была представлена материалами только татарского языка, Среднеазиатская зона — материалами киргизского и туркменского языков; позже был прислан материал по узбекскому языку. К сожалению, на совещании по разным причинам не присутствовали руководители зон, без которых было затруднительно найти конструктивные решения вопросов, возникающих при работе над составлением макета пробного ДАТЯ СССР.

Собранный по разным тюркским языкам материал с трудом поддается обобщению главным образом потому, что по разделу «Морфология» Вопросником были сформулированы очень общие вопросы. Из-за этого оказались не зафиксированными наиболее специфические формы, и поэтому обработка полученных материалов дает упрощенную картину. В связи с этим совещание сочло полезным разослать рекомендательные письма о сборе дополнительного материала по морфологии.

Работа по сведению в таблицы сводных материалов по зонам и картографированию полученных данных выполняется Н. Н. Широковой (ИИФиФ СО АН СССР). Однако до настоящего времени она располагает только материалами по разделам «Лексика» и «Фонетика» (вопросы №№ 80—89, 114—115, 124—134, 141—144, 148—154); эти материалы сведены в таблицы, нанесены на карты, составлен соответствующий комментарий. Картами-основами обеспечены составители всех четырех зон. В настоящее время составление макета ДАТЯ СССР задерживается из-за непредставления сводных материалов руководителями трех зон.

Наряду с работой над ДАТЯ СССР тюркологи-диалектологи участвуют также в составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы европейской части СССР).

Лингвистический Атлас Европы (ЛАЕ) организационно оформлен под эгидой ЮНЕСКО, во главе его стоит А. Вейнен (г. Неймеген, Нидерланды). Создана редакция ЛАЕ, куда вошли и советские представители Р. И. Аванесов (вице-президент), В. В. Иванов (славянские языки), Б. А. Серебренников (финно-угорские языки), Г. А. Климов (кавказские языки), Э. Р. Тенишев (тюркские и монгольские языки). Создан также патронажный комитет, в состав которого от Советского Союза введены А. Н. Кононов, В. И. Борковский, Т. В. Гамкрелидзе.

Советские лингвисты принимают участие в работах ЛАЕ с 1976 года. При Отделении литературы и языка Академии наук СССР организована Комиссия Лингвистического Атласа Европы во главе с Р. И. Аванесовым. Комиссия определила количество языков, локализуемых на территориях европейской части Советского Союза; составлены группы диалектологов союзных и автономных республик, принимающих участие в сборании материалов для ЛАЕ. В ЛАЕ

представлены следующие тюркские языки: карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, караимский, казахский, татарский, башкирский, чувашский и турецкий (европейская часть Турции).

В настоящее время ведется работа над малым атласом по Вопроснику, охватывающему 546 вопросов ономаσιологического характера⁴⁶; собранный материал наносится на карты.

В апреле 1980 года на совещании в Амстердаме были обсуждены двенадцать пробных карт, две из которых подготовлены в Советском Союзе. К концу 1980 года намечается изготовление тридцати карт. Работа над малым атласом закончится через три-четыре года. Составление первых карт дало чрезвычайно интересные результаты: получаются различные типы карт на корневом и семантическом (мотивационном) уровнях. Такого сопоставления языков Европы еще не проводилось, и эта процедура требует осмысления и своей теории.

С 1981 года намечено начать работу над вторым вопросником, отражающим более сложные задачи большого атласа в рамках ЛАЕ. Второй вопросник включит более 500 вопросов по фонологии (фонетике), ономаσιологии, семасиологии, морфологии и синтаксису. Работа над большим атласом рассчитана на семь лет.

Решением бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР от 18 марта 1980 года рекомендовано институтам и филиалам Академии наук СССР, а также академиям наук союзных республик, научно-исследовательским институтам при советах министров автономных республик и областей РСФСР включить новую тему — работу над ЛАЕ — в планы научных исследований на 1981—1985 годы.

Для обмена опытом и в интересах унификации работ Комиссия ЛАЕ устраивает ежегодные встречи в Москве. Участие в работах ЛАЕ — дело ответственное, и успех его зависит от слаженной и ритмичной деятельности всех звеньев.

Интенсивно ведется работа по подготовке к изданию корпусов рунических и эпиграфических памятников. Представлен в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» «Корпус памятников тюркской руники бассейна Енисея» (20 а. л.), подготовленный Д. Д. Васильевым. В этот корпус входят: публикации 140 эпиграфических памятников региона, очерки по истории открытия, изучения, перемещений и хранения каждого памятника, уточнения состава надписей, транслитерация, графическая реконструкция, фотоальбом, картосхема размещения памятников в регионе, таблицы тамговой геральдики, указатели.

С. К. Кляшторный продолжает работу по подготовке «Корпуса древнетюркской эпи-

⁴⁶ «Лингвистический Атлас Европы. Первый вопросник. Ономаσιология. Основной словарный состав». М., 1976.

графики Монголии». Собран большой полевой материал, открыто значительное число надписей в районах, ранее не обследованных. Одновременно ведется обработка материалов, периодически публикуются новые находки.

Намечен план издания древнетюркских рунических памятников других регионов. На очереди — сводное издание памятников Алтая, Прибайкалья, Киргизии. Д. Д. Васильевым завершено и сдано в печать исследование графического фонда памятников тюркской рунической письменности азиатского региона (10 а. л.).

Ф. С. Хакимзянов, составляющий «Корпус эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья», обследовал Алькеевский, Куйбышевский, Чистопольский районы Татарской АССР (Закамье) и обнаружил три ранее не известных булгарских памятника, им подготовлен к печати соответствующий материал (4 а. л. вместе с иллюстрациями и эстампами).

В 1980 году заканчивает работу над составлением «Корпуса северокавказских рунических памятников» С. Я. Байчоров. Им подготовлены прорисовки семидесяти трех рунических надписей, сняты более сорока надписей. Предполагается, что подготавливаемое издание, помимо публикации фотографий и прорисовок рунических надписей, будет содержать археологические, палеографические и лингвистические данные о каждом памятнике, историю их изучения, «апеллятивы к транскрипции северокавказских рунических памятников», а также «историко-этимологический словарь языка дешифрованных северокавказских рунических памятников».

Рукопись XIX века «Кёроглу», найденная в архиве Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР, подготовлена к факсимильному изданию совместными усилиями сотрудников этого института и сектора фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

По плану Советского Комитета тюркологов на 1979 год тюркологи (Э. Р. Тенишев, В. И. Асланов, Г. Ф. Благова) приняли участие в создании коллективной монографии «Типы наддиалектных форм языка», подготовленной проблемной комиссией по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР (руководитель — М. М. Гухман).

Комитет продолжает принимать участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию, а также по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.

Далее Э. Р. Тенишев информировал участников заседания о конференциях и совещаниях, в организации и проведении которых принимает участие Комитет.

Академия наук Узбекской ССР совместно с Советским Комитетом тюркологов гото-

вит проведение III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте (10—12 сентября 1980 года). Разработаны проблематика конференции и программа ее работы.

Советский Комитет тюркологов принял участие в подготовке и организации I Республиканской уйгуроведческой конференции на тему «Актуальные проблемы советского уйгуроведения», которую успешно провел сектор уйгуроведения Института языкознания Академии наук Казахской ССР в мае 1979 года.

При участии Комитета Институтом истории, языка и литературы им. Н. Даукараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР и Нукусским государственным университетом им. Т. Г. Шевченко 17—19 сентября 1979 года в Нукусе была проведена VIII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Участники конференции обсудили вопросы, связанные с современным состоянием и дальнейшим развитием тюркской диалектологии в СССР.

В VII Совещании по общим вопросам диалектологии и истории языка, организованном Научным советом по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и проведенном Академией наук Таджикской ССР (Душанбе, 12—15 ноября 1979 года), также участвовали члены Комитета⁴⁷.

Научный совет по фольклору при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, Советский Комитет тюркологов и Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР провели в Казани 22—23 ноября 1979 года региональный симпозиум «Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала (Итоги и задачи изучения проблемы)».

Комитет сформировал советскую делегацию на III Международную конференцию тюркологов (Турция, Стамбул, сентябрь 1979 года) в составе Э. Р. Тенишева, Н. А. Баскакова, В. Н. Басилова (Институт экономики Академии наук СССР).

21—22 марта 1979 года в Барнауле состоялась Всесоюзная конференция «Языки и топонимия Алтая», созванная Институтом истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР, Алтайским филиалом Географического общества СССР, Алтайским государственным университетом. Пленарные и секционные заседания были посвящены обсуждению вопросов изучения топонимии Алтая, тюркских, русского и немецкого языков на Ал-

⁴⁷ См.: «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 12—15 ноября 1979 г.)». М., 1979.

тае⁴⁸. Было рекомендовано расширить круг тюркских языков, являющихся объектом исследования на подобных конференциях, включив тюркские языки всего Алтае-Саянского региона.

19—22 ноября 1979 года в Омске была организована Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР и Омским государственным университетом областная конференция на тему «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий»⁴⁹.

16—18 января 1980 года в Новосибирске прошла конференция «Маловские чтения», посвященная 100-летию со дня рождения С. Е. Малова, организованная сектором языков народов Сибири и лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Помимо докладов о жизни и деятельности С. Е. Малова, были заслушаны доклады по следующей проблематике: историческая и сравнительная грамматика тюркских языков, грамматика и фонетика тюркских языков, этимология и этнонимия; история письменности, изучение древнетюркских и булгарских письменных памятников. В решениях конференции поставлен вопрос о переиздании трудов С. Е. Малова. Столетие со дня рождения С. Е. Малова отмечалось также в Алма-Ате Институтом языковедения Академии наук Казахской ССР.

4—6 февраля 1980 года в Новосибирске проходила конференция «Сложное предложение в языках разных систем» (из тюркских языков были использованы материалы алтайского, казахского, киргизского, бачатских телеутов, тофаларского, тувинского, хакасского, шорского, якутского).

В 1979 году советскими тюркологами было опубликовано большое количество работ, в том числе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Баку, 1979) Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова (здесь впервые дан весь корпус исследования: фонетика, морфология, синтаксис); «Тюркоязычные ареалы Кавказа» (М., 1979) Н. З. Гаджиевой. Авторами монографии впервые реконструируются неизвестные, ныне мертвые языки (например, хазарский).

Целый ряд книг вышел в свет в 1979 году по истории отдельных тюркских языков, среди них: «Исследование тюркоязычного памятника „Кисекбаш китабы“» Я. С. Ахметгалсевой (М., 1979), «Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики» Т. М. Га-

рипова (М., 1979), «Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI—XVII веках» А. Н. Гаркавца (Киев, 1979), «Староосманский язык» В. Г. Гузева (М., 1979).

По истории татарского языка издана книга М. А. Усманова «Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI веков» (Казань, 1979); по татарской диалектологии — учебное пособие Г. Х. Ахатова (Уфа, 1979).

Малоисследованному языку посвящены методические пособия Р. М. Бирюкович «Звуковой строй чулымско-тюркского языка» (М., 1979) и «Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. Категория имени существительного» (М., 1979), представляющие интерес не только с методической, но и с фактической стороны. Ранговая грамматика узбекского языка разрабатывается в Ташкенте⁵⁰. Выпущено учебное пособие по каракалпакскому языку⁵¹. Проблемы семантического синтаксиса исследуются И. Х. Ахматовым⁵². Важное дело популяризации грамматических знаний начато башкирскими языковедами во главе с З. Г. Ураксиним⁵³.

В области тюркской лексикографии следует отметить выход в свет второго тома (К—С) «Толкового словаря татарского языка в трех томах» (Казань, 1979; I том вышел в 1977 году). Лексика кыпчакских говоров узбекского языка исследована Х. Д. Данияровым в плане возможности ее использования в современном узбекском литературном языке (Ташкент, 1979, на узбекском языке). Обширный материал сосредоточен в «Топонимическом словаре Горного Алтая» О. Т. Молчановой (Горно-Алтайск, 1979).

В 1979 году вышел также целый ряд сборников⁵⁴.

Э. Р. Тенишев подчеркнул, что, несмотря на неоднократные настоятельные просьбы Комитета, тюркологи республиканских научных центров все еще недостаточно информируют Комитет о своей деятельности. За 1979 год были получены отчеты только трех республиканских институтов.

В Институте языковедения им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР большое внимание уделяется изучению стиля и норм современного азербайджанского литературного языка, равно как и устной

⁵⁰ Н. К. Якубова. Расстановки аффиксов в узбекских словоформах. Ташкент, 1979.

⁵¹ Е. Бердимуратов, А. Дэйлетов. Хэзирги қарақалпақ тили (фонетика, лексикология). Нөкис, 1979. См. также: А. Бекбергенов. Қарақалпақ тилинде сөзлердің жасалыуы. (Сөзлердің қосылыуы ұсылы). Нөкис, 1979.

⁵² И. Х. Ахматов. Проблемы семантического анализа простого предложения. Нальчик, 1979.

⁵³ З. Г. Ураксин, Э. Ф. Ишбердин и др. Занимательная грамматика. Уфа, 1979.

⁵⁴ В их числе — сборник научных трудов «Исследования по якутской грамматике и диалектологии». Якутск, 1979.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: «Языки и топонимия Алтая. Тезисы докладов к [Всесоюзной научной] конференции». Барнаул, 1979.

⁴⁹ См.: «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции». Омск, 1979.

литературной речи. Азербайджанские языковеды заняты уточнением основ научной грамматики современного азербайджанского языка. Продолжается изучение истории азербайджанского языка. В сравнительном плане изучается морфология тюркских языков юго-западной группы. Исследуются диалекты и говоры азербайджанского языка, продолжается составление диалектологического словаря. Идет работа над фразеологическим и толковым словарями азербайджанского языка.

В секторе языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР исследуется языковая и стилевая структура татарской прозы и поэзии. Подготавливаются диалектологический атлас татарского языка, а также обобщающая монография о татарских диалектах. Продолжаются исследования языка эпитафий волжских булгар (XIII—XIV века), армяно-кыпчакской письменности XVI—XVII веков и памятников деловой письменности XVIII века (пугачевский период).

Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР завершено исследование топонимии Башкирии. Составляется толковый словарь башкирского литературного языка и диалектологический словарь башкирского языка. Изучается язык письменных памятников башкир. Большое внимание уделяется проблеме функционирования языков в Башкирии.

А. Н. Кононов дополнил годовой отчет Советского Комитета тюркологов сообщением о том, что в 1979 году в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» сданы I том сочинений академика А. Н. Самойловича и I том «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари в русском переводе А. Рустамова.

Ученый секретарь Советского Комитета тюркологов *Г. Ф. Благова* ознакомила собравшихся с планом работы Комитета на 1980 год, который выполняется совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик (печатается ниже).

А. Н. Кононов сообщил, что в связи с истечением срока полномочий Президиум Академии наук СССР утвердил новый состав членов Советского Комитета тюркологов, и огласил список.

Э. И. Фазылов (Ташкент) информировал собравшихся о ходе подготовки к проведению III Всесоюзной тюркологической конференции, которая состоится 10—12 сентября с. г. в Ташкенте.

С докладом «Столетие со дня рождения С. Е. Малова» выступил *Э. Р. Тенишев*. Он указал, что С. Е. Малов под влиянием отца, профессора Казанской духовной академии, рано приобщился к занятиям языком и этнографией татар. После окончания духовной академии в 1904 году С. Е. Малов поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета по арабско-

персидско-турецко-татарскому разряду. Одновременно он посещал кружок В. В. Радлова, по инициативе которого Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии дважды (в 1909—1911 и 1913—1915 годах) командировал С. Е. Малова в Западный и Центральный Китай. Этими экспедициями был собран обширный материал по языку, фольклору и этнографии уйгуров, сарыг-югуров и саларов, а также по древнеуйгурскому языку. Это и определило научные интересы С. Е. Малова: исследование языков древнетюркских памятников, с одной стороны, и современных тюркских языков (в особенности уйгурского и сарыг-югурского) — с другой. Многие были сделаны С. Е. Маловым и в области разработки письменностей для тюркоязычных народов, а также подготовки национальных кадров тюркологов.

С докладом «Столетие со дня рождения академика А. Н. Самойловича (1880—1938)» выступил *Ф. Д. Ашнин* (Москва), осветивший исключительно плодотворную деятельность ученого, написавшего более четырехсот трудов. *Ф. Д. Ашнин* кратко охарактеризовал главные направления научного творчества А. Н. Самойловича: вопросы классификации тюркских языков; описание грамматического строя тюркских языков; изучение рунических памятников и золотоордынских, крымских и османских официальных документов; вопросы периодизации, формирования и нормирования тюркских книжно-письменных языков; история тюркологии.

Воспоминаниями о С. Е. Малове и А. Н. Самойловиче поделились *С. К. Кенесбаев* и *А. М. Анпаев* (Нальчик).

Т. М. Гарипов (Уфа) в своем выступлении уделил внимание вопросам связи советской тюркологии с практикой, в частности широкому участию учебных тюркологических центров в повышении уровня культуры народа. Он рассказал также об инициативе башкирских тюркологов в деле увековечения памяти ученых, посвятивших свою жизнь изучению башкирского языка и фольклора.

Б. Ч. Чарьяров (Ашхабад) информировал собравшихся о том, что в Ашхабаде планируется на декабрь 1980 года проведение заседания, посвященного памяти А. Н. Самойловича, издание монографии о жизни и деятельности ученого, установление соответствующей мемориальной доски.

Г. Х. Ахатов (Уфа) предложил на одном из очередных пленарных заседаний Советского Комитета тюркологов обсудить вопрос о создании учебников по тюркскому языкознанию для вузов и обобщить имеющийся в этой области опыт. Он подчеркнул важность тесных контактов между научно-исследовательскими учреждениями и вузами союзных и автономных республик.

А. Н. Кононов указал на необходимость создания такого вузовского учебника по языкознанию, где положения по общему языкознанию иллюстрировались бы данны-

ми алтайских языков, по образцу «Введения в языкознание для востоковедных вузов» Е. Д. Поливанова. В этих целях следует координировать усилия языковедов тюркоязычных республик и областей с тем, чтобы выработать общий план и распределить разделы учебника.

С докладами, посвященными десятилетию журнала «Советская тюркология», выступили главный редактор журнала М. Ш. Ширалиев и заместитель главного редактора И. С. Сеидов. (Содержание обоих докладов легло в основу передовой статьи «Первое десятилетие», опубликованной в журнале «Советская тюркология», 1980, № 1, стр. 3—7).

Р. Бердыбаев (Алма-Ата) выразил от имени всех тюркологов национальных республик и областей глубокую благодарность редакции журнала, выполняющей огромную работу по изданию журнала «Советская тюркология». Благодаря журналу, подчеркнул он, многие филологи тюркоязычных республик и областей получили возможность выступать перед всесоюзным читателем и тем самым внести свою лепту в развитие тюркологической науки. Исключительно большое значение имеет рецензирование и реферирование на страницах журнала республиканских и областных изданий. Таким образом достижения национальных ученых вводятся во всеобщий научный обиход. Мы знаем, заявил выступающий, какой высокой восторженной квалификации и кропотливого труда сотрудников редакции это требует. В заключение Р. Бердыбаев выразил пожелание, чтобы рубрика рецензий в журнале «Советская тюркология» была еще более расширена, а также больше помещалось информации о работах зарубежных ученых.

Г. Ц. Пюрбеев (Москва) высказал пожелание, чтобы Советский Комитет тюркологов содействовал публикации на страницах журнала «Советская тюркология» некоторых материалов и по монголистике.

Н. З. Гаджиева выразила всеобщую признательность редакции журнала «Советская тюркология» за огромную высококвалифицированную и ответственную работу, проводимую ею. При этом она отметила, что на страницах журнала следовало бы организовывать больше дискуссий и обсуждений актуальных проблем тюркского языкознания; желательно также шире практиковать заказы проблемных статей.

Е. И. Убрятова, полностью поддерживая выступление Н. З. Гаджиевой и Р. Бердыбаева о журнале, сказала, что журнал «Советская тюркология» стал подлинным университетом для молодых филологов и настольной книгой для всех тюркологов. Она особо подчеркнула огромную заслугу в этом руководства журнала во главе с М. Ш. Ширалиевым и И. С. Сеидовым.

Е. И. Убрятова сообщила также собравшимся о том, что в настоящее время ведется разработка письменности для долган; на повестке дня — создание письменности для тофов и шорцев.

Г. Ф. Благова остановилась на организационных вопросах, связанных с проведением пленарных заседаний Комитета. В целях достижения наибольшей взаимной информированности тюркологов о проводимых в стране исследованиях Г. Ф. Благова обратилась к членам нового состава Комитета с настоятельной просьбой присылать сообщения о деятельности той тюркологической ячейки, в которой они работают. В этом, заявила она, залог не только плодотворной деятельности Комитета, но и систематического обеспечения информацией журнала «Советская тюркология», редакция которого охотно публикует наши материалы.

В заключение Г. Ф. Благова поставила вопрос о необходимости переиздания тюркологических трудов Е. Д. Поливанова, много сделавшего для развития теории тюркского языкознания, в частности, внесшего ценные уточнения в общую классификацию тюркских языков. Одним из первых этот ученый применил принципы лингвистической географии к изучению тюркских языков и диалектов (особенно — узбекских диалектов).

Закрывая VI пленарное заседание Советского Комитета тюркологов, А. Н. Кононов выразил от имени собравшихся и всех советских тюркологов общее одобрение деятельности редакции журнала «Советская тюркология», изо дня в день уже более десяти лет выполняющей большую и трудную работу, особо отметив большие заслуги в успешном издании журнала его главного редактора М. Ш. Ширалиева и заместителя главного редактора И. С. Сеидова. А. Н. Кононов указал на необходимость повысить требования к уровню авторской подготовки статей, присылаемых в редакцию журнала.

В связи с исполнившимся десятилетием журнала «Советская тюркология» пленарное заседание Советского Комитета тюркологов приняло специальное Решение (публикуется ниже).

В заключение А. Н. Кононов призвал советских тюркологов достойно подготовиться к проведению III Всесоюзной тюркологической конференции.

Г. Ф. Благова*

* В протоколировании VI Пленарного заседания Советского Комитета тюркологов принимали участие В. Г. Гузев, И. В. Кормушин и Д. М. Насилов.

**ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПРОВОДИМОЙ
СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1980 ГОД**

1. Проведение III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 10—12 сентября 1980 г.
Исполнители: Академия наук Узбекской ССР, ЛО ИВ АН СССР, сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Сроки: 10—12 сентября 1980 г.
2. Завершение коллективной работы по составлению макета пробного «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР) и обсуждение его на III Всесоюзной тюркологической конференции в 1980 году; подготовка к изданию I тома пробного ДАТЯ СССР.
Исполнители: руководитель работы — М. Ш. Ширалиев; руководители зональных разработок — М. И. Исламов, Л. Т. Махмутова, Ш. Ш. Шаабдурахманов, Е. И. Убрятова; составители — диалектологи союзных и автономных республик, краев, областей; научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородина; исполнитель лингвистического картографирования — Н. Н. Широбокова.
3. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы европейской части СССР).
Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Карачаево-Черкесской АО, Молдавской ССР, Башкирской АССР.
Сроки: 1978—1987 гг.
4. Подготовка материалов ко II тому «Корпуса древнетюркских памятников» — «Корпус древнетюркской эпиграфики Монголии».
Исполнители: Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), Отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев).
Сроки: 1979—1985 гг.
5. Подготовка «Корпуса эпиграфических памятников Поволжья» (объем — 30 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (Ф. С. Хакимзянов).
Сроки: 1978—1982 гг.
6. Завершение работы над «Корпусом северокавказских рунических памятников».
Исполнитель: Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка, литературы и экономики (С. Я. Байчоров).
Сроки: 1978—1980 гг.
7. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI века» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).
Сроки: 1980—1985 гг.
8. Публикация факсимиле рукописи XIX века эпоса «Кёроглу» из архива ИВ АН Грузинской ССР.
Исполнители: ИВ АН Грузинской ССР (С. С. Джикия). Сектор фольклора ИМЛИ АН СССР (Х. Г. Короглы).
Срок: 1980 г.
9. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик.
Исполнители: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Срок: 1980 г.
10. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.
Исполнители: Секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).
Срок: 1980 г.
11. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.
Исполнитель: Э. Р. Тенишев.
Сроки: 1980—1986 гг.
12. Унификация схем-описаний тюркоязычных рукописей в хранилищах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Тбилиси, Еревана, Казани, Уфы.
Исполнители: Секция восточных рукописей при Археологической комиссии, ЛО Института языкознания АН СССР (С. Н. Муратов), ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).
Сроки: 1980—1985 гг.
13. Подготовка и проведение в 1981 году совещания по вопросам каталогизации тюркоязычных, арабоязычных, ираноязычных и монгольских рукописей.

Исполнители: Институт народов Ближнего и Среднего Востока АН Азербайджанской ССР.

Сроки: 1980—1981 гг.

14. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований.

Исполнители: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1980—1985 гг.

15. Участие в проводимой Археографической комиссией координационной работе по полевым исследованиям, связанным с собиранием тюркоязычных и монгольских рукописей.

Исполнители: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (И. Г. Галяутдинов).

Сроки: 1980—1985 гг.

Р Е Ш Е Н И Е

VI ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ОБ ИТОГАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1970—1979)

МОСКВА, 11 МАРТА 1980 ГОДА

Исполнилось десять лет с тех пор, как в Баку начал издаваться всесоюзный научно-теоретический филологический журнал «Советская тюркология» — совместный орган Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

«Советская тюркология» — это первый в нашей стране всесоюзный периодический тюркологический орган, создание которого ознаменовало собой новый этап в истории отечественной тюркологии, достигшей за годы Советской власти, особенно в послевоенное время, существенных успехов.

В последние десятилетия тюркологические разработки приняли в нашей стране небывалый размах, а сами исследования углубились и обогатились новыми фактическими данными. Столицы тюркоязычных республик и областей, благодаря росту национальных кадров филологов, стали подлинными тюркологическими центрами. В сложившихся условиях для дальнейшего успешного развития советской тюркологической науки был необходим специальный всесоюзный периодический печатный орган, способный координировать тюркологические исследования, оперативно публиковать их результаты, обеспечивать своевременную, взаимную информированность тюркологов и т. д. Именно таким органом и был призван стать всесоюзный журнал «Советская тюркология», начавший выходить с 1970 года в Баку.

Десять лет существования журнала «Советская тюркология», в течение которых было выпущено 60 номеров журнала общим объемом свыше 600 печатных листов, подтвердили правильность идеи создания журнала.

Издание журнала «Советская тюркология», как показала практика, способствовало консолидации научных сил тюркологов, координации и кооперации осуществляемых ими исследований.

Журнал «Советская тюркология» во многом способствовал выявлению наиболее актуальных проблем современной тюркологической науки, концентрации научных сил на важнейших ее направлениях, устранению мелкотемья, дублирования тем и т. д.

Журнал «Советская тюркология» оказал также благотворное влияние на развитие филологических наук в тюркоязычных республиках и областях. Определенное оживление внес журнал в научные контакты тюркологов, тюркологических научных учреждений и соответствующих факультетов и кафедр высших учебных заведений.

С выходом журнала «Советская тюркология» значительно возросла взаимная информированность ученых о проводимых в различных центрах тюркологических разработках.

Журнал «Советская тюркология» развил и активизировал научные связи с тюркологами других стран как посредством публикации информативных материалов о состоянии тюркологии в этих странах, так и предоставлением своих страниц для научных статей зарубежных ученых. На страницах журнала наряду с учеными из многих городов Советского Союза (около 60-ти), выступили видные тюркологи Польши, Венгрии, ГДР, Болгарии, Чехословакии, Румынии, ФРГ, Норвегии, Швеции, США, Японии и т. д.

Журнал активно способствует пропаганде достижений советской тюркологии за рубежом. Крупнейшие библиотеки целого ряда стран выписывают журнал «Советская

тюркология». Число индивидуальных зарубежных подписчиков на журнал растет с каждым годом.

Есть все основания утверждать, что журнал «Советская тюркология» в настоящее время является как бы своеобразным зеркалом, отражающим состояние тюркологической науки в нашей стране, характер осуществляемых тюркологических исследований, а также научные силы, которыми эта наука располагает.

О месте, занимаемом журналом «Советская тюркология» в современном научном процессе, убедительнее всего говорит тот факт, что в настоящее время почти ни одно тюркологическое издание не обходится без ссылок на его публикации.

Многое делается редакцией журнала «Советская тюркология» для привлечения в качестве авторов молодых тюркологов, прежде всего из тюркоязычных республик и областей. Редакция журнала не жалеет трудов по подготовке поступающих статей, благодаря чему всесоюзный читатель получает возможность ознакомиться с работами и именами многих авторов из тюркоязычных республик и областей, исследующих родной язык и литературу.

Журнал «Советская тюркология» систематически рецензирует все сколько-нибудь значительные тюркологические исследования и филологические работы, выходящие на местах, информирует своих читателей о тюркологической научной жизни в стране и за рубежом, ставит на обсуждение отдельные актуальные научные вопросы и проблемы.

На основании вышеизложенного и в связи с десятилетием журнала «Советская тюркология» VI Пленарное заседание Советского Комитета тюркологов констатирует:

1. Организация всесоюзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология» явилась своевременной и во всех отношениях себя оправдала.

2. Издание журнала «Советская тюркология» заметно стимулировало развитие тюркологии в нашей стране и ознаменовало собой новый этап в истории отечественной тюркологии.

3. Журнал «Советская тюркология» играет важную роль в деле координации и кооперации проводящихся в стране тюркологических исследований и разработок.

4. Указанные выше достижения в деятельности журнала «Советская тюркология» стали возможны благодаря активной и целеустремленной работе коллектива редакции, направляемой и руководимой главным редактором журнала М. Ш. Ширалиевым и заместителем главного редактора И. С. Сеидовым.

5. Данное Решение о десятилетней деятельности всесоюзного журнала «Советская тюркология» официально довести до сведения издателей журнала — руководства Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

ПАМЯТИ АЛЕССИО БОМБАЧИ

Прошло немногим более года со времени кончины (20 января 1979 года) крупнейшего итальянского тюрколога — историка, литературоведа, искусствоведа и лингвиста, автора фундаментальных исследований по турецкой литературе и литературе других тюркских народов — профессора Алессіо Бомбачи.

Круг интересов Алессіо Бомбачи не ограничивался указанными областями знаний: его внимание привлекали также проблемы тюркской дипломатики, археологии, географии, фольклора, историографии и ономастики.

А. Бомбачи родился 27 августа 1914 года в Кастрореале (Мессине), но всю свою жизнь прожил в Неаполе. Образование он получил в Неапольском университете по специальностям юриспруденция, литература и философия и в Институте востоковедения при том же университете — по восточным языкам.

В 1935 году по окончании Неапольского института востоковедения А. Бомбачи был назначен преподавателем (профессором) турецкого языка и литературы Неапольского Высшего института восточных языков, а затем последовательно: с 1940 года — доцентом, с 1954 года — экстраординарным, а с 1958 года — ординарным профессором Института востоковедения при Неапольском университете, в котором, кроме основной своей специальности — турецкого языка и литературы — с 1956 по 1976 год читал лекции по древней и средневековой истории ислама.

А. Бомбачи был избран почетным членом Турецкого Лингвистического Общества и почетным членом Турецкого Исторического Общества, а также вице-президентом Международного Комитета по изучению Турции. В 1966 году он был награжден золотой медалью и дипломом первого класса Высшей школы культуры и искусства Италии.

Основные исследовательские интересы А. Бомбачи были сосредоточены главным образом на изучении турецкой и тюркской литературы. Начиная с 1943 года, стали появляться его первые журнальные статьи, посвященные отдельным тюркским и персидским поэтам, а также памятникам тюркской литературы¹. Классическим и фундаментальным трудом А. Бомбачи в этой области считается его обширная монография «История турецкой литературы от древней империи в Монголии до новой Турции»², переведенная вскоре на французский язык³ и переизданная автором в дополненном и исправленном виде в 1968 году⁴.

А. Бомбачи принадлежит также весьма содержательное введение во втором томе «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», посвященное истории

и анализу литератур всех тюркоязычных народов⁵. В тесной связи с исследованиями по литературе тюркских народов А. Бомбачи опубликовано несколько небольших статей по вопросам фольклора и этнографии⁶.

Исследования А. Бомбачи по турецкой и тюркским литературам и фольклору тесно связаны с историей Турции и тюркских народов. Его исторические статьи весьма разнообразны по жанру и тематике. Кроме собственно исторических работ, освещающих отдельные периоды истории турецкого государства и древних тюрков⁷, ученым были опубликованы также статьи, посвященные изучению различных исторических источников и историографии⁸, тюркской дипломатике⁹, титулатуре тюрков¹⁰, и несколько статей по археологии¹¹.

Исторические статьи А. Бомбачи базируются обычно на архивных данных, документах и источниках, находящихся в хранилищах Италии, иногда неизвестных ученым других стран, что делает их особенно интересными.

Значительный вклад внесен А. Бомбачи и в тюркское языкознание. Наряду с публикацией филологических памятников средневековых итальянских авторов по турецкой грамматике¹² им опубликован ряд лингвистических исследований по фонетике тюркских языков и тюркской палеографии¹³.

Наконец, глубокий интерес представляют труды А. Бомбачи по тюркскому искусствоведению общего характера¹⁴ и, в особенности, по тюркскому и персидскому театроведению¹⁵. А. Бомбачи организовывал несколько специальных симпозиумов по искусству тюркоязычных народов, приглашая на них видных специалистов для чтения лекций по вопросам тюркского искусствоведения.

Тюркская филология и тюркология в целом в лице А. Бомбачи потеряли крупнейшего ученого, доброго и приветливого человека, интереснейшего собеседника, блестяще эрудированного в самых различных областях тюркологической науки.

¹ — II poema turco «Leilâ e Meğnün di Füzüli». — «Oriente Moderno», XXIII, 1943, стр. 337—356; — II poeta nazionalista persiano 'Aref di Qazvin. — «Oriente Moderno», XXV, 1945, стр. 42—53; — Kutadgu Bilig hakkında bazı mülâhazalar. — «Fuad Köprülü Armağanı», İstanbul, 1953, стр. 65—75; — Tre antichi imprestiti romanzi in turco-osmanli. — «Rocznik Orientalistyczny», XVII, 1953, стр. 105—113 и др.

² — Storia della letteratura turca dall' antico impero di Mongolia alla nuova Turchia. Milano, 1956, 526 стр.

³ — Histoire de la littérature turque. Trad. par J. Melikoff, préface de L. Bazin, Paris, 1968, 435 стр.

⁴ — La letteratura turca con un profilo della letteratura mongola di L. Hambis. Firenze — Milano, 1969, 528 стр.

⁵ — The Turkic literatures. Introductory notes on the history and Style. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II, Wiesbaden, 1964, стр. XI—LXXI.

⁶ — Pratiche magiche africane in Turchia. — «Folklore», III, 1949, стр. 83—91; — Gli Oghuzi velati. — «Folklore», IX, 1955, стр. 102—110 и др.

⁷ — Das osmanische Reich. — «Historia mundi», VII, Bern, 1957, стр. 441—485; — L'impero ottomano. — «Nuove questioni di Storia Moderna», I, Milano, 1964, стр. 557—600; — Imperium osmanskie. — «Przegląd Orientalistyczny», 41, Warszawa, 1966, стр. 179—192, 295—312; — Qui était Je-

bu Hak'an? — «Turcica», II, 1972, стр. 7—24; — The Army the Saljuqs of Rum. — «Annali dell Istituto Orientale di Napoli», n. s. XXVIII, 1978, стр. 343—369.

⁸ — Due clauseole del trattato in greco fra Maometto II-e, Venezia del 1446. — «Byzantinische Zeitschrift», 43, 1950, стр. 267—271; — II «Liber Graecus» un cartolario veneziano comperndente inediti documenti ottomani in greco (1481—1504). — «Westöstliche Abhandlungen Rudolf Tschudi», Wiesbaden, 1954, стр. 288—303; — Al Idrisi. Opus geographicum fasciculus quartus. Neapoli—Romae a d. MCML XXIV, стр. 466—475.

⁹ — La collezione di documenti turchi dell Archivio di Stato di Venezia. — «Revista degli Studi Orientali», XXIV, 1949, стр. 95—107; — Nuovi firmani greci di Maometto II. — «Byzantinische Leitschrift», 47, 1954, стр. 298—319; — Les toughras enlumines de la collection de documents turcs des Archives d'Etat de Venise. — «Atti del secondo Congresso Internazionale di Arte Turca», Napoli, 1965, стр. 45—55 + 17 figg.

¹⁰ — On the Ancient Turkic Title Eltäbär. — «Proceedings of the IX th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference», Naples, 1970, стр. 1—66; — On the Ancient Turkish Title «Şaḫ». — «Gururājamañ-jarika» (Studi in onore di Giuseppe Tucci), Napoli, 1974, стр. 167—193.

¹¹ — Summary report on the Italian Archeological Mission in Afghanistan Introduction to the exavation at Ghazni. — «East and West», 10, 1959, стр. 3—22; — Wykopeliska Wloskiej ekspedycji archeologicznej w Afghanistanie. — «Przegląd Orientalistyczny», 35, 1960, стр. 265—280.

¹² — Una grammatica turca scritta da un italiano nel 1533. — «Atti dei Congressi di studi coloniali», vol. VI, Firenze—Roma, 1937, стр. 52—56; — La «Regola del parlare turco» di Filippo Argenti, Napoli, 1938, 75 стр.; — Padre Pietro Ferraguto e la sua Grammatica turca (1611). — «Annali dell Istituto Orientale di Napoli», n. s. I, 1940, стр. 204—236.

¹³ — Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache. — «Ural-Altäische Jahrbücher», XXIV, 1952, стр. 89—105; — The Küfic Inscription in Persian verses in the Palace of Mas'ud III at Ghazni, Roma, 1966; — Die Sprachwissenschaftlichen Probleme der Balkan — Turkologie auf den Balkanologen Kongress. — «Orbis», 16, 1967, стр. 269—272 (в сотрудничестве с Г. Хазаи).

¹⁴ — Les Turcs et l'art ghaznavide. — «1-st International Congress of Turkish Arts. Communications», Ankara, 1961, стр. 65—70.

¹⁵ — Ortaoyunu. — «Weiner Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 46, 1960, стр. 285—297; — Elenco di drammi religiosi persiani. «Citta del Vaticano», 1961, LX+416 стр. (в сотрудничестве с Е. Росси); — Rappresentazioni drammatiche in Anatolia. — «Oriens», 16, 1963, стр. 171—193; — On the Ancient Turkish Dramatic Performances. — «Aspects of Altaic Civilization», Bloomington, Indiana, 1963, стр. 87—117 (UAS XXIII).

Н. А. Баскаков

НЕКРОЛОГ

САЗОН САЙМОВИЧ СУРАЗАКОВ

10 марта 1980 года скоропостижно скончался видный советский ученый-тюрколог, исследователь фольклора народов Сибири, эпосовед, доктор филологических наук, профессор, член Союза советских писателей СССР Сазон Саймович Суразаков.

С. С. Суразаков родился 23 декабря 1925 года в селе Сайдыс Майминского района Горно-Алтайской автономной области в семье многодетного крестьянина.

После окончания Горно-Алтайского педагогического училища в 1941 году С. С. Суразаков поступил в Московский педагогический институт им. К. Либкнехта, эвакуированный в годы Великой Отечественной войны в Горно-Алтайск. Еще будучи студентом, С. С. Суразаков приступает под руководством алтайского писателя П. В. Кучияка и тюрколога Н. А. Баскакова к записям героических сказаний в исполне-

нии знаменитого алтайского сказителя Н. У. Улагашева.

Находясь в рядах действующей армии на фронте, С. С. Суразаков после тяжелого ранения был демобилизован и с 1944 года продолжил учебу в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, по окончании которого поступил в аспирантуру. В 1959 году С. С. Суразаков защитил кандидатскую диссертацию.

Вернувшись в Горно-Алтайск, С. С. Суразаков возглавил кафедры русской и алтайской литературы в Учительском (с 1953 года — Педагогическом) институте. В 1952 году он был назначен директором открывшегося в Горно-Алтайске Научно-исследовательского института истории, языка и литературы. В этой должности проявились незаурядные организаторские способности С. С. Суразакова. Он организовал подготовку первых научных кадров Горного Алтая, был инициатором и в течение многих лет руководителем ежегодных комплексных экспедиций по сбору фольклорных, лингвистических, этнографических и исторических материалов, составивших основу богатейших архивных фондов Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. С. С. Суразаковым было записано девятнадцать крупных героических сказаний алтайцев общим объемом около 35 тысяч стихотворных строк.

С. С. Суразаков — автор капитальных исследований по алтайскому фольклору и литературе: «Героическое сказание о богатыре „Алтай-Буучае“» (1957), «П. В. Кучияк» (1957), «Устное народное творчество алтайцев» (1960), «Н. У. Улагашев» (1961), «Алтайская литература» (1962), «Оленгир» (1970), «Алтайский фольклор» (1975).

С. С. Суразаков был составителем и главным редактором десятитомного свода алтайских народных сказаний «Алтайские богатыри» (1958—1980). Велики его заслу-

ги в подготовке научного издания в отдельном томе крупнейшего эпического сказания «Маадай-Кара», вышедшего в издаваемой Институтом мировой литературы им. М. Горького серии «Эпос народов СССР» (7738 стихотворных строк, запись текста на алтайском языке от известного сказителя А. Г. Калкина, перевод сказания на русский язык, статья о сказителе и комментарий к эпосу). С. С. Суразаковым опубликованы также переводы шести алтайских героических сказаний общим объемом около 15 тысяч стихотворных строк.

В 1973 году С. С. Суразакову была присуждена ученая степень доктора филологических наук за диссертационную работу, построенную на анализе богатейшего материала, — 212 записей алтайских героических сказаний общим объемом около 500 000 стихотворных строк, — из которых 153 новые записи были выполнены под его руководством.

В своей диссертации С. С. Суразаков убедительно опроверг господствовавший до того тезис о том, что алтайский эпос — это одноэтапное явление, сложившееся в джунгарский период (XV—XVIII века), и выдвинул свою концепцию о трех основных этапах развития алтайского эпоса. Ученый, исходя из реального содержания сказаний, доказывал, что эпос складывается не в период разложения родового строя, а в эпоху становления патриархального рода и семьи. С. С. Суразаков связывал происхождение героического эпоса с эволюцией хозяйственной деятельности и общественного разделения труда. По мнению С. С. Суразакова, эпос родового строя до нашего времени в первоначальном виде не дошел, сохранились лишь более или менее значительные реликты, позволяющие судить о его характере. Второй этап в развитии алтайского эпоса относится к периоду раннефеодалных отношений на Алтае (до XIII века), когда проблематика его стала меняться: героями сказаний стали предводители родо-племенных объединений. Подчеркивая народность героического эпоса, С. С. Суразаков противопоставлял ему тексты орхоно-енисейских памятников, в которых героизируются феодальные деятели.

Специфические черты эпоса сложились в тот период, когда алтайские племена, оказавшись под властью чужеземных монголо-ойратских ханов (XIII—XVIII века), стали их данниками (албаты). Это был, по мнению С. С. Суразакова, третий этап в историческом развитии алтайского эпоса. Таким образом, алтайский эпос прошел путь от эпоса родового к эпосу классовому.

С. С. Суразаков — автор программ и учебников для школ Горно-Алтайской автономной области и отделения алтайского языка и литературы Горно-Алтайского педагогического института. Несомненно его заслуги и в подготовке преподавателей русского и алтайского языков, русской и алтайской литератур.

С. С. Суразаков немало сделал и для развития алтайской художественной литературы. Он уделял много внимания творческому росту молодых писателей и поэтов. Его перу принадлежат сборники: «Стихи и рассказы» (1954), «Любимая сторона» (1959), «Рассказы» (1960), «Хозяин гор» (1962), «Голубой вечер» (1966), «Адыш и Актёш» (1966), «Сказитель» (1967), «Ларуш и ягненок» (1971, 1972), «Есть такой народ» (1975).

С. С. Суразаков посвятил ряд статей проблемам перевода научных и художественных текстов.

Значительные заслуги принадлежат С. С. Суразакову в области редактирования и рецензирования научных изданий Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы по вопросам фольклора, лингвистики, этнографии. Он проявил себя глубоко эрудированным, объективным, принципиальным и доброжелательным специалистом и человеком.

С. С. Суразаков был членом Советского Комитета тюркологов, членом главной редколлегии серии «Памятники устной поэзии народов Сибири» и руководителем редколлегии алтайского корпуса этой серии.

Смерть прервала работу ученого над подготовкой к публикации второго тома алтайских героических сказаний серии «Эпос народов СССР» и над историческим романом.

С. С. Суразаков вел и большую общественную работу: был депутатом областного и городского Советов народных депутатов, делегатом XIX съезда КПСС. Он награжден медалями СССР, знаками — «Отличник просвещения СССР», «Отличник высшей школы СССР».

Светлая память о Сазоне Саймовиче Суразакове — талантливом исследователе алтайского фольклора и литературы, поэте и писателе, педагоге и воспитателе, чутком и отзывчивом товарище — навсегда останется в сердцах его коллег, друзей и учеников, всех, кто знал его и имел счастье с ним общаться.

*Р. А. Палкина, В. Н. Тадыкин,
И. П. Эдоков, В. И. Эдоков,
Н. И. Шатинова*

СОДЕРЖАНИЕ

К. М. Мусаев (Москва). В. И. Ленин и развитие тюркских языков в СССР . . . 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. Кононов (Ленинград). Заметки по морфологии турецкого языка . . . 14

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. Добродомов (Москва). Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка . . . 21

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ф. Урманчеев (Елабуга). Легенды о болгарских богатырях и сказание об Алпамыше . . . 30

ОНОМАСТИКА

А. Камалов (Уфа). О топонимии Башкирии . . . 39

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. С. Агаева (Баку). Взаимодействие художественного и научного стилей современного азербайджанского литературного языка . . . 47

Э. Н. Наджип (Москва). «Пятиязычный словарь Дамаскина» . . . 57

Э. Ф. Ишбердин (Уфа). Камень с «загадочными» знаками . . . 64

Х. С. Сулейманов (Ташкент). По рукописным фондам Индии . . . 68

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Чеченов (Москва). Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка . . . 74

Л. Дмитриева (Ленинград). Я. С. Ахметгалеева. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» . . . 76

А. К. Калыбаева (Хасенова) (Алма-Ата). Н. Оралбаева. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары; Н. Оралбаева. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы . . . 78

Р. Бердибаев (Алма-Ата). «Казахские сказки о животных» . . . 80

Э. А. Умаров (Ташкент). «Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии» . . . 81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ф. Ганиев, Ф. Сафиуллина (Казань). Конференция по татарскому языкознанию . . . 83

PERSONALIA

Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев (Москва). Николай Александрович Баскаков . . . 87

А. Ахундов (Баку). Мухтар Гусейн оглы Гусейнзаде . . . 89

ХРОНИКА

Г. Ф. Благова (Москва). Шестое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов . . . 91

Н. А. Баскаков (Москва). Памяти Алессандро Бомбачи . . . 106

НЕКРОЛОГ

Сазон Саймович Суразаков . . . 109

CONTENTS

<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). V. I. Lenin and development of the Turkic languages in the USSR	3
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Notes on the morphology of the Turkish language	14
<i>LANGUAGES IN CONTACT</i>	
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). From Alan layer of the Iranian borrowings of the Chuvash language	21
<i>PROBLEMS OF LITERARY CRITICS</i>	
<i>F. Urmancheyev</i> (Elabuga). Legends about Bulgarian heroes and story about Alpamysh	30
<i>ONOMASTICS</i>	
<i>A. Kamalov</i> (Ufa). On the toponymy of Bashkiria	39
<i>REPORTS, SURVEYS</i>	
<i>I. S. Agayeva</i> (Baku). Interaction of artistic and scientific styles of modern Azerbaijan literary language	47
<i>E. N. Nadzhip</i> (Moscow). «Five-lingual dictionary by Damaskin»	57
<i>E. F. Ishberdin</i> (Ufa). The tombstone with «mysterious» signs	64
<u>[Kh. S. Suleimanov]</u> (Tashkent). Through the manuscript funds of India	68
<i>REVIEWS</i>	
<i>A. A. Chechenov</i> (Moscow). P. M. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка	74
<i>L. Dmitriyeva</i> (Leningrad). Я. С. Ахметгалеева. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы»	76
<i>A. K. Kalybayeva</i> (Khasenova) (Alma-Ata). Н. Оралбаева. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары; Н. Оралбаева. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы	78
<i>R. Berdiyayev</i> (Alma-Ata). «Қазақские сказки о животных»	80
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). «Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии»	81
<i>SCIENTIFIC LIFE</i>	
<i>F. Ganiyev, F. Safiullina</i> (Kazan). Conference on the Tatar linguistics	83
<i>PERSONALIA</i>	
<i>E. A. Potseluevsky, E. R. Tenishev</i> (Moscow). Nikolai Alexandrovich Baskakov	87
<i>A. Akhundov</i> (Baku). Mukhtar Gusein ogly Guseinzade	89
<i>CHRONICLE</i>	
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). The sixth plenary session of the Soviet Committee of turkologists	91
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Commemorating Alessio Bombachi	106
<i>OBITUARY</i>	
<u>[Sazon Saimovich Surazakov]</u>	109

1 руб.

Индекс
70927